

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА**

На правах рукописи

Чантуридзе Юлия Михайловна

**АФРОАМЕРИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: КОГНИТИВНЫЙ,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
проф., д.ф.н. Л.Л. Баранова

Москва

2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЕГО СПЕЦИФИКА	9
1.1. Дискурс как понятие современной лингвистики	9
1.2. Особенности политического дискурса, его функции и формы	25
1.2.1. Определение понятия «политический дискурс»	25
1.2.2. Функции политического дискурса	27
1.2.3. Подходы к анализу политического дискурса	32
1.2.4. Жанровое своеобразие политического дискурса	41
1.3. Интердискурсивность как феномен дискурса	59
1.4. Прагматические характеристики политического дискурса	76
ГЛАВА 2. АФРОАМЕРИКАНСКАЯ КАРТИНА МИРА	93
2.1. Определение понятия «языковая картина мира» и ее роль в формировании личности	93
2.2. «Афроамериканская мечта» как ключевой концепт афроамериканской картины мира: возникновение и эволюция концепта	103
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ РИТОРИКИ	126
3.1. Основные положения риторики	126
3.2. Американская политическая риторика	131
3.3. Специфика афроамериканской риторики и ее эволюция	135
3.3.1. Риторика движения за гражданские права афроамериканцев в США	135
3.3.2. Риторика начала XXI века	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	170

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено афроамериканскому политическому дискурсу с точки зрения трех подходов: когнитивного, лингвокультурологического и риторического. В качестве материала, на базе которого проводится исследование, выступает дискурс движения за гражданские права афроамериканцев в США, а именно публичные речи Мартина Лютера Кинга-младшего («I have a dream») и Малкольма Икса («The ballot or the bullet»), и современный дискурс Барака Обамы, а именно его победные речи 2008 и 2012 годов. Работа включает в себя обзор теоретической базы исследования и комплексный анализ указанных выше образцов политического дискурса.

Объектами данного исследования являются выбранные образцы политического дискурса. В основе этого исследования лежит следующее определение дискурса: это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. — факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [10]. Отсюда следует возможность многостороннего изучения дискурса.

Предмет исследования заключается в особенностях афроамериканского политического дискурса с точки зрения его когнитивных, лингвокультурологических и риторических особенностей. Специфика предмета исследования обусловлена историей пребывания афроамериканцев на территории США, а именно многолетними периодами рабства, сегрегации и дискриминации. При этом стоит отметить, что набор особенностей претерпевал изменения на протяжении выбранного отрезка времени, что прослеживается при сопоставительном анализе дискурса движения за гражданские права афроамериканцев в США во второй половине XX века и дискурса начала XXI века.

Актуальность данного исследования определяется ключевой ролью политического дискурса в формировании общественного сознания. Он становится оружием манипулирования массами, выражением доминирования или дискриминации. Выявление и характеристика методов такого влияния обретают все большую важность в рамках современной лингвистики.

Более того, в дискурсе находят отражение социальные, политические и культурные характеристики его участников, что позволяет выявить основные концепты, на которых строится картина мира какого-либо народа. Именно этот факт и объясняет то, почему такое большое количество дисциплин занимается изучением этого явления.

Несмотря на то что политический дискурс является предметом изучения в значительном количестве работ, его афроамериканская разновидность на данный момент мало изучена. Однако в связи с политическими событиями начала XXI века в Америке, а именно с избранием первого темнокожего кандидата на пост президента страны, афроамериканская картина мира заслуживает особого внимания.

В данной диссертации дискурс афроамериканцев впервые представлен как политический дискурс, содержащий в себе выражение афроамериканской картины мира, ключевым концептом которой является «Афроамериканская мечта».

Кроме того, научная новизна работы заключается в выделении и детальной функциональной характеристике таких жанров политического дискурса, как жанр публичной речи и жанр победной речи будущего президента, на базе функций инаугурационной речи, описанных Е.И. Шейгал [97].

Целью настоящего исследования является характеристика афроамериканского политического дискурса с когнитивной, лингвокультурологической и риторической точек зрения. Для достижения сформулированной цели необходимо было решить следующие задачи:

- изучить контекст существования афроамериканской разновидности политического дискурса;

- выделить и описать особенности жанров публичной и победной речей;
- выделить ключевые концепты афроамериканской картины мира и проследить их реализацию в политическом дискурсе;
- провести комплексный анализ риторических средств выразительности;
- выявить риторические средства выразительности, наиболее типичные для афроамериканского политического дискурса.

Теоретическая значимость данной работы заключается в проработке жанрового своеобразия политического дискурса, а именно в создании детальной функциональной характеристики жанров публичной речи и победной речи будущего президента. Помимо этого, в диссертации развивается идея интердискурсивности, не получившая на данный момент всестороннего освещения в трудах отечественных исследователей. Также работа позволяет расширить понимание понятийной картины мира, отраженной в американском варианте английского языка. В результате, проведенное исследование вносит вклад в развитие филологической герменевтики, более общего направления современной лингвистики.

Практическая значимость работы состоит в том, что она является примером комплексного подхода к политическому дискурсу, позволяющего провести его детальный анализ с различных точек зрения. Следовательно, на основе данного исследования могут быть разработаны лекционные и практические курсы по политическому дискурсу, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и риторике. Кроме того, результаты исследования позволят составить более полное представление о культуре, менталитете, а также эволюции картины мира афроамериканцев.

Работа основывается на дискурсивном и риторическом подходах к анализу политических текстов, а также лингвокогнитивной и лингвокультурологической интерпретациях концепта. Данное исследование исходит из следующих положений, получивших широкое освещение в научной литературе:

1. Дискурс неразрывно связан с экстралингвистическими факторами: в нем отражаются характеристики его участников, а также особенности его контекста (О.В.Александрова, Н.Д.Арутюнова, М.Н.Володина, В.З.Демьянков, В.И.Карасик, Ю.Н.Караулов, А.А.Кибрик, И.М.Кобозева, В.В.Красных, Е.С.Кубрякова, Н.Фэрклаф, П.Серио, М.Фуко, и др.).

2. Каждый образец дискурса имеет свой набор связей с другими дискурсами, потенциально значимыми или включенными в него (М.М.Бахтин, М.Ю.Лотман, Н.В.Данилевская, В.Е.Чернявская, Р.Барт, Ю.Кристева, Н.Фэрклаф, и др.).

3. Картина мира какой-либо языковой общности находит свое выражение в языке. Ее базовыми единицами являются концепты (О.Д.Вишнякова, В.И.Карасик, Е.С.Кубрякова, В.А.Маслова, Ю.С.Степанов, И.А.Стернин, С.Г.Тер-Минасова, Дж.Лакофф, М.Джонсон и др.).

4. Для усиления производимого политическим дискурсом эффекта в нем используется целый ряд риторических средств (А.Г.Алтунян, А.Н.Баранов, Э.В.Будаев, А.П.Чудинов и др.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Победную речь будущего президента можно считать отдельным жанром политического дискурса, обладающим уникальным набором функций.

2. Интердискурсивность является неотъемлемой составляющей дискурса, позволяющей расширять его границы за счет апелляции к «общему знанию» [175, с. 174-175] автора и адресата.

3. Ключевым концептом афроамериканской картины мира является «Афроамериканская мечта», набор компонентов которой претерпевал изменения с течением времени: физическая свобода, равноправие, расовое равенство, изменение к лучшему.

4. Особое место в афроамериканской картине мира также занимают концепты «freedom», «unity» и «struggle», которые получили вербальное оформление в выбранных образцах политического дискурса.

5. Афроамериканская риторика представляет собой синтез средств выразительности и музыкальности языка, продолжающих играть важную роль на протяжении всей истории пребывания афроамериканцев в США. Наиболее частотными риторическими средствами являются различные виды повтора и метафора.

6. Политический дискурс предоставляет ценную исследовательскую базу не только для изучения языковой картины мира той или иной языковой общности за счет применения функционально-когнитивного подхода к анализу материала, но и для выявления риторических тенденций выбранного периода.

Апробация работы

Этапы и результаты исследования были предметом обсуждения на аспирантских семинарах с научным руководителем (2012-2015 гг.), на XX и XXI международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2013, 2014 гг.), XI международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ им.М.В.Ломоносова (LATEUM 2013), IV международной конференции по преподаванию иностранного языка и прикладной лингвистике и международном форуме по когнитивной лингвистике в Сараево, Босния и Герцеговина (4th International Conference on Foreign Language Teaching and Applied Linguistics and International Forum on Cognitive Linguistics, 2014 г.), а также на IV международных Зверевских чтениях по американистике «Война в американской культуре: тексты и контексты» (2015 г.).

Структура и объем диссертации соответствуют поставленным задачам.

Работа состоит из Введения, трех Глав, посвященных различным аспектам комплексного подхода к политическому дискурсу, Заключения и Библиографии.

Во Введении обосновывается выбор темы, определяется теоретическая и практическая значимость исследования, его актуальность и новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, описываются материал исследования и структура работы.

В Первой главе «Политический дискурс и его специфика» освещаются отличительные особенности понятий «дискурс» и «политический дискурс» в современной лингвистике и подходы к их анализу, приводятся жанровая и прагматическая характеристики последнего, а также определяется явление интердискурсивности.

Во Второй главе «Афроамериканская картина мира» разбираются понятие «языковая картина мира» и ее роль в формировании личности; выделяются основные концепты, составляющие базу афроамериканской картины мира; прослеживается эволюция компонентов центрального концепта афроамериканской картины мира «Афроамериканская мечта».

Третья глава «Особенности афроамериканской риторики» представляет собой обзор риторических особенностей афроамериканского дискурса, поиск причин обращения к тем или иным средствам выразительности, оценку их эффективности с точки зрения степени влияния на аудиторию.

В Заключении подводятся итоги данного исследования и освещаются перспективы дальнейшего изучения вопроса.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ЕГО СПЕЦИФИКА

1.1. Дискурс как понятие современной лингвистики

Во второй половине XX века началось выдвижение новых направлений научных интересов в лингвистике, что повлекло за собой появление терминов и понятий, многие из которых вышли за пределы одной научной области и были переосмыслены в других областях. Иллюстрацией такого процесса может быть судьба термина «дискурс».

Дискурс является объектом изучения многих наук. Его исследованием занимаются ученые из областей лингвистики, психологии, философии, социологии, теологии, педагогики, юриспруденции, политологии и т.д. На данный момент четкого и общепризнанного определения дискурса, охватывающего все случаи его употребления, не существует. Каждая наука, изучающая этот феномен, предлагает свои определения.

Так, в политологии дискурс часто понимается как «одна из характеристик коммуникационного взаимодействия субъектов власти, демонстрирующая внутренне дифференцированный процесс образования общественных мнений и формирования политической воли общества» [177].

В философии же существует следующее его определение: дискурс – это «многозначное понятие: 1) в истории классической философии использовалось для характеристики последовательного перехода от одного дискретного шага к другому и развертывания мышления, выраженного в понятиях и суждениях, в противовес интуитивному схватыванию целого до его частей; 2) в современной французской философии постмодернизма — характеристика особой ментальности и идеологии, которые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, в социокультурный, социально-психологический и др. контексты» [176, с. 670].

Лингвистика же определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными,

психологическими и др. — факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [10]. В основе данной диссертации лежит именно такое понимание дискурса.

Здесь же справедливо будет привести несколько определений дискурса, данных зарубежными лингвистами: «Для меня “дискурс” значит больше, чем просто язык в своем употреблении: это использование языка (в устной или письменной форме), воспринимаемое в качестве социальной практики» (Н.Фэрклаф: ‘Discourse’ is for me more than just language in use: it is language use, whether speech or writing, seen as a type of social practice.); «“Дискурс” ... обозначает язык в своем употреблении как социально обусловленный процесс» (С.Кандлин: ‘Discourse’ ... refers to language in use, as a process which is socially situated.) [прцитир. по 130, с.1-2].

Как видно из приведенных определений, особенностью дискурса является то, что язык не рассматривается вне своего употребления. На основном уровне дискурс определяется как «речь, погруженная в жизнь», однако большая часть определений детализируют эту дефиницию. Так, дискурс подразумевает выражение мнений людей и системы их ценностей. Более того, в дискурсе находят отражение социальные, политические и культурные характеристики участников дискурса. Именно этот факт и позволяет большому количеству наук заниматься изучением дискурса.

У истоков термина «дискурс» находится речь. Он восходит к латинскому «discurrere» («обсуждение», «переговоры»), поэтому его традиционно связывают именно с устными формами коммуникации. Так, в конце 90-х гг. прошлого века швейцарский лингвист П.Серио выделил восемь значений термина «дискурс»:

1) эквивалент речи (по Ф. де Соссюру), в т.ч. высказыванию; 2) более общее высказывание, включающее в себя больше одной фразы; 3) воздействие высказывания на адресата с учетом фоновой ситуации; 4) эквивалент беседе, как одному из типов высказывания; 5) это речь с учетом позиции говорящего в

противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции; б) речевая актуализация единиц языка; 7) социально или идеологически определенный тип высказываний; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [85, с. 337 - 383].

Важно помнить то, что в современной науке к понятию «дискурс» причисляют не только устные, но и письменные формы существования языка. Это отражено, например, в семантике английского существительного *discourse*, которое в словаре The Longman Dictionary of Contemporary English определяется следующим образом:

- 1) «a serious speech or piece of writing on a particular subject»
- 2) «serious conversation or discussion between people»
- 3) «the language used in particular types of speech or writing» [183] .

Как видно из этого материала, в двух определениях из трех упоминается не только устная, но и письменная речь. Из этого можно заключить, что термин «дискурс» используется для обозначения обоих видов коммуникации, но упор все же делается на устную речь.

С течением времени понимание дискурса изменялось и эволюционировало. Однако общее определение дискурса, которое охватывало бы все сферы его употребления, так и не было выработано.

А.А.Кибрик в одной из своих статей выделяет три разновидности понимания дискурса [55]. Во-первых, речь может идти о чисто лингвистической интерпретации дискурса. Одно из первых использований термина может быть обнаружено в статье З.Харриса «Discourse analysis». В этой работе, опубликованной в 1952 г., американский лингвист определяет дискурс как связную последовательность высказываний, для анализа которой необходимо обратиться к дескриптивным механизмам. Эти механизмы, по мнению Харриса, являются частью формального подхода, позволяющего анализировать высказывания и более объемные отрезки речи. Сюда же можно отнести и лингвистические дефиниции дискурса, представленные в начале данной главы.

Понятие дискурса было хорошо известно и в Пражском Лингвистическом Кружке. Так, в 1964 году вышла статья одного из его представителей – К.Хаузенбласа - «О характеристике и классификации дискурсов». К.Хаузенблас отметил в ней еще не полную развитость и изученность понятия «дискурс». Однако уже он обратил внимание на связь дискурса с экстралингвистическими факторами, а именно с условиями его протекания. Ученый пишет: «Под дискурсом мы имеем в виду набор упорядоченных языковых средств, использованных в отдельно взятом коммуникативном акте, происходящем между определенными участниками при определенных условиях (в данном окружении, как реакция на определенный стимул и с учетом конкретной цели)... Дискурс может рассматриваться и как процесс и как результат (фактически - как результат акта коммуникации)» [процитир. по 60, с. 117]. Таким образом, на первый план выходят «определенные условия» коммуникативного акта, которые оказывают на него значительное влияние.

Второй подход к пониманию дискурса получил распространение в публицистике и восходит к работам французских авторов: М.Фуко, П.Серио, А.Греймаса, Ж.Дерриды, Ю.Кристевоу и др. Эти авторы связывали с понятием дискурса понятие стиля: под дискурсом понимаются индивидуальные особенности языка участника коммуникации. Таким образом, при анализе дискурса учитываются такие характеристики, как языковые черты, стилистические особенности, тематика, способы аргументации и т.д. [55].

На становление теории дискурс-анализа во Франции повлияли марксистская философия и психоанализ, поэтому там дискурс-анализ носил особый характер: перед ним часто ставили задачу выявления идеологии через особое «чтение» текста [84, с. 12-54].

М.Фуко определяет дискурсивные «практики» как «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [91, с. 118].

Задачу новой дискурсивно-когнитивной парадигмы он видит в поиске ответов на вопросы, «как увидеть высказывание в узости и уникальности его употребления, как определить условия его существования, более или менее точно обозначить его границы, установить связи с другими высказываниями, которые могли быть с ним связаны, как показать механизм исключения других форм выражения» [91, с. 29]. Эта задача заложена уже в самом названии книги М.Фуко – «Археология знания» (1969 г.). Кратко говоря, необходимо попытаться определить историческое место каждого высказывания, реконструировать условия его создания и понять, почему в таких условиях невозможно было никакое другое высказывание, кроме этого.

Еще одна интерпретация дискурса принадлежит немецко-австрийской школе, в основе которой лежит понимание коммуникации немецким философом Ю.Хабермасом. Он называет дискурс идеальной коммуникацией, ориентированной на взаимопонимание действующих индивидов. Она в свою очередь основана на убеждении, а не на принуждении. Именно эту идею Хабермас вкладывает в понятие «коммуникативного действия», отличающегося от «инструментального» своей нацеленностью на консенсус.

Он также приписывает дискурсу социальный и моральный компоненты. Активность последних наблюдается, когда коммуникация не соответствует ожиданиям ее участника. Во избежание подобных случаев, необходимо четко продумывать систему аргументации, а также отстраниться от всего, что может помешать правильному течению коммуникации, то есть от социальной реальности, традиций, авторитета и т.п. Дискурс, по мнению Ю.Хабермаса, возможен лишь тогда, когда участники коммуникации как бы спорят между собой, всеми возможными способами отстаивая свою позицию. Именно в результате такой коммуникации и достигается консенсус, являющийся результатом «коммуникативного», то есть наиболее правильного, действия [126].

Как видно из этого обзора, даже внутри каждого из этих направлений ученым непросто прийти к общему пониманию термина «дискурс», поскольку

каждый из них описывает свой взгляд на проблему и проводит анализ термина только с какой-то конкретной стороны. Поэтому часто результатами попыток собрать все эти понимания дискурса воедино являются наиболее общие определения, включающие в себя массу оттенков смысла.

В отечественной традиции термин «дискурс» получил широкое употребление в 1970-х годах. Об установлении новой, дискурсивно-когнитивной парадигмы в лингвистике, основывающейся на изучении дискурса, в России одними из первых заговорили О.В. Александрова, Н.Д. Арутюнова, М.Н. Володина, В.З. Демьянков, С.В. Дечева, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова и др. В их трудах через новую призму были осмыслены теория частей речи, синтаксис, силлабика и другие языковые области.

Сначала значение дискурса было близко понятию функционального стиля, который В.В.Виноградов определил как «общественно осознанную и функционально обусловленную, внутренне объединенную совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительную с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [процит. по 27, с. 309]. Однако постепенно пришло понимание, что дискурс является чем-то большим, чем функциональный стиль.

Ю.С.Степанов называет дискурс особым использованием языка, чем-то близким к «функциональному стилю» В.В.Виноградова: дискурс подразумевает оперирование особыми лексическими и грамматическими средствами. Однако ставить знак равенства между этими понятиями нельзя [87, с. 41].

Действительно, с течением времени дискурс стал интерпретироваться как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [52, с. 5-11.].

Несмотря на то что дискурс объемнее функционального стиля, современные исследователи не спешат отказываться от этого понятия, поскольку «стиль становится составным элементом дискурса», а «современный анализ дискурса <...> является закономерным развитием русской стилистики в коммуникативном направлении» [57, с. 33].

Ключевые роли в дискурсе играют адресант (говорящий/автор) и адресат. Таким образом, внимание уделяется когнитивным процессам как одной стороны, так и другой, тому, как они понимают сообщение. Существует еще одно определение дискурса, данное Е.О.Менджеричкой, в котором во главу угла ставится именно его когнитивный аспект: «дискурс следует считать когнитивным процессом, отражением мышления средствами конкретного языка... дискурс – это передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации» [75, с. 220, 223]

Становление идеи о необходимости учета дополнительных факторов при анализе языка стало реакцией на теорию автономного синтаксиса, предложенную сторонниками генеративной грамматики. Новая парадигма настаивала на необходимости изучать семантику синтаксиса не на примере изолированных предложений, а с учетом их контекста.

Среди ключевых особенностей нового, дискурсивно-когнитивного подхода к языку Е.С.Кубрякова называет отказ изучения языка вне его употребления, критическое отношение к оппозиции знания языка (*competence*) и использования языка (*performance*) в трудах Н.Хомского и его последователей, интеграцию анализа формы и функций объекта в дискурсе (т.е. компромисс между формализмом и функционализмом) и междисциплинарность. Более того, дискурсивно-когнитивный подход позволяет исследователям восстанавливать фрагменты «ментального мира» автора из его дискурса [62, с. 6-10].

Одним из первых, кто применил дискурсивный подход к синтаксису, является Т.Гивон. Его идея связана с кодированием содержания в языковой форме, причем количество языкового материала находится в прямо

пропорциональной зависимости от предсказуемости референта, которая в свою очередь имеет количественное значение и может быть измерена, например, посредством определения расстояния между заданной точкой дискурса и ближайшим референтом. Соответственно, чем меньше это расстояние, тем крепче связь.

Многосторонний и всеобъемлющий труд Т.Гивона «Синтаксис» представляет собой результат детально проработанного подхода к синтаксису, затрагивающего широчайший круг проблем. В основе работы лежит идея о подчинении грамматики коммуникативным целям, и в ней предпринята попытка осмыслить уже привычные закономерности с когнитивной точки зрения [55, с. 313-317].

Разработка теории экспрессивного синтаксиса О.В.Александровой также позволила по-новому взглянуть на природу и структуру высказывания. Одним из важных аспектов экспрессивного синтаксиса является актуальное членение высказывания, то есть выделение темы и ремы. Оно способствует динамике текста и приданию экспрессивности синтаксису [3].

Начиная с зарождения понятий «дискурс» и «дискурс-анализ», первому приписывается многоуровневая структура. Во-первых, если говорить об устной речи, она включает в себя не только лишь слова, но также просодические параметры (интонацию, расставленные акценты, темп, тембр и др.) и особенности невербальной коммуникации (жесты, мимика). Что касается письменных текстов, то здесь необходимо учитывать оформление, формат страницы, шрифт, цвет и т.п. Во-вторых, как отмечает Р.Якобсон [128, с. 48-55], язык в момент своего использования реализует сразу несколько функций одновременно.

Как известно, Якобсон выделяет шесть факторов, определяющих разнообразие функций языка. Однако, несмотря на это, здесь же он отмечает, что едва ли удастся найти «вербальное сообщение», имеющее в своей основе только лишь одну конкретную функцию. Дело в том, что разнообразие заключается не в «монополии» какой-либо из этих функций, а в иерархическом отношении функций

внутри текста. Таким образом, вербальная структура сообщения зависит в первую очередь от доминирующей функции – той, что находится во главе иерархии. Это же относится и к дискурсу. Идея о его мультимодальности, или многоуровневой структуре, является логическим развитием традиционного взгляда на язык, изложенного выше.

Часто для того чтобы объяснить значение того или иного термина, необходимо отграничить его от схожих на первый взгляд с ним понятий. Для дискурса такими являются «диалог» и «текст».

Нередко с понятием дискурса соотносят понятие «диалог». Их роднит наличие адресанта и адресата. Если на протяжении коммуникации эти роли сменяют друг друга, то дискурс называют диалогическим. Если же они остаются неизменными, то – монологическим.

Однако А.А.Кибрик усматривает невозможность взаимозаменяемости терминов «дискурс» и «диалог» в большой коннотационной нагруженности второго термина. Дискурс же выступает в роли относительно нового понятия, еще не отягощенного большим количеством коннотаций и охватывающего различные виды коммуникации [55].

В лингвистическом энциклопедическом словаре Н.Д.Арутюнова дает характеристику дискурсу при помощи термина «текст» (полное определение было приведено в начале данной главы (с.9-10)) и надстраивает над ним еще несколько уровней отличительных черт дискурса. Действительно, через какое-либо другое понятие определить дискурс оказывается непростой задачей. Более того, существует подход к дискурсу, интерпретирующий его как совокупность текстов (Демьянков В.З., Ерофеева Е.В. и др.). Тем не менее, необходимо помнить о различиях между этими понятиями.

Противопоставление дискурса и текста является основной лингвистической оппозицией дискурсивной науки. Во-первых, текст понимается как вербальное воспроизведение акта коммуникации. Дискурс же является гораздо более широким понятием: при обращении к нему необходимо также учитывать такие

экстралингвистические данные, как исторические и культурологические условия осуществления коммуникации, социальное положение ее участников и т.п. «Нельзя изучать дискурсивную деятельность <...> вне сведений о том, кто проводил дискурсивную деятельность, для чего, при каких условиях, с каких позиций и т.д. А текст можно анализировать, и абстрагируясь от многого из указанного перечня, т.е. довольствуясь тем, что можно извлечь из текста как такового, изучая его как завершенное языковое произведение» [63, с. 72-81].

Следовательно, невозможно применить дискурсивный анализ к древним текстам, так как эта связь уже утрачена. В противоположность этому, текстовый анализ этого материала вполне возможен, так как не налагает на исследователя таких ограничений [10].

Во-вторых, текст представляется результатом коммуникации, а дискурс – ее процессом. Иными словами, текст находится в завершенной форме, а дискурс – в незавершенной, отражающей ход коммуникации. Согласно Е.С. Кубряковой и О.В.Александровой под дискурсом прежде всего подразумевается «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [61, с. 16].

О том же говорит и А.А.Кибрик в своей докторской диссертации: дискурс – это нечто большее, чем текст, он одновременно предшествует ему и включает в себя процессы его создания [54]. Динамичность дискурса Е.С.Кубрякова также называет «порождением речи on-line», то есть в текущем времени [60, с. 121]. Здесь имеет место известное противопоставление двух фундаментальных функций языка: функции коммуникативной передачи, т.е. on-line аспекта языка, и функции структурирования и хранения информации, т.е. его off-line аспекта. Таким образом, для дискурса важен именно процесс коммуникации.

В-третьих, дискурс и текст противопоставлены с точки зрения их «актуальности-виртуальности». Дискурс считается реальным речевым событием,

в то время как текст отстранен от реальности и наделен большей долей абстрактности, т.е. «виртуальности» [97, с. 20].

В-четвертых, дискурс чаще всего ассоциируется с устной речью, а текст – с письменной [97, с. 20]. Нельзя отрицать существование такого предубеждения, однако в отношении данного различия между дискурсом и текстом, выделенным Е.И.Шейгал со ссылкой на зарубежных авторов, стоит оговориться, что оно может оказаться в достаточной мере спорным.

Так, А.А.Кибрик утверждает, что дискурс может быть классифицирован относительно его модуса на устный и письменный. Устный дискурс признается исходной формой существования и функционирования языка. Это объясняется, во-первых, его бóльшим периодом существования. Во-вторых, в мире насчитывается значительное количество языков, которые вообще обходятся без письменности (например, шугнанский язык). В-третьих, устная форма превалирует над письменной с точки зрения частотности ее использования [54, с. 16].

Различия между устным и письменным дискурсами не ограничиваются лишь разницей в канале передачи, но распространяются еще и на другие их характеристики. Так, они могут быть связаны со скоростью порождения и восприятия дискурса. У.Чейф в работе «Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature» утверждает, что человек пишет в десять раз медленнее, чем говорит. Из этого следует различие в структуре обоих модусов дискурса: устный дискурс состоит из интонационных единиц небольшой протяженности, отделенных друг от друга паузами и оформленных интонационно, с использованием мимики и жестов, а письменный дискурс дает возможность составить идеи в более сложные единства (клаузы) и оформить их пунктуационно [109, с. 37].

Из этого различия вытекает и второе, состоящее в особенностях контакта между автором и адресатом дискурса. Письмо исключает возможность мгновенной реакции на подачу информации, однако позволяет автору дискурса планировать ее и даже редактировать. Устный же дискурс предполагает

возможность немедленного получения обратной связи от адресата и адаптацию информации под ситуацию [16].

В современном мире информационные технологии достигают таких высот развития, что появляется шанс наблюдать «синтез» письменного и устного дискурса, например в Интернет-чатах и социальных сетях, когда сообщение начинает появляться на экране адресата, пока автор все еще его печатает. Это открывает новые возможности перед исследователями дискурса [115].

В данной диссертации иллюстративный материал будет относиться к устному дискурсу. Такое ограничение обусловлено особенностями выбранных жанров публичной и победной речей, которые предполагают ознакомление адресатов с ними именно в момент произнесения.

С дискурсом неразрывно связано еще одно понятие – «дискурсивный анализ», или «дискурс-анализ», как его еще часто называют. Он является относительно новой областью исследований в современной лингвистике, поскольку возник около 1952 года (когда был впервые упомянут З.Харрисом) и быстро набрал популярность в течение последних десятилетий. Однако если раньше он был направлен в основном на изучение синтаксических структур, то сейчас сфера интересов ученых, занимающихся дискурс-анализом, значительно расширилась. Так, например, много внимания теперь уделяется анализу структур разговорной речи и различных форм письма, тончайшим оттенкам значений, путям взаимовлияния речи и невербальной коммуникации, зависимости коммуникативного акта от предыдущих и т.д.

Быстрое развитие таких средств коммуникации, как спутниковое телевидение, радио, мобильная связь, видео-конференции, электронная почта и т.п., постоянно создает новые каналы для использования языка. Неудивительно, что язык стал тщательнее изучаться не только в лингвистике, но и в родственных ей дисциплинах. В то же время журналистами изобретаются все новые и новые способы использования языка, чтобы достичь высшей степени выразительности. В таких случаях язык перестает быть лишь средством коммуникации, а

приобретает конкретную «ценность». Таким образом, в настоящее время к языку приковано всеобщее внимание, поэтому анализ его использования представляется крайне актуальным и необходимым.

Одним из методов такого изучения является дискурсивный анализ, широко применяемый современными лингвистами. Его особенностью является то, что образец дискурса изучается не в изоляции, а с учетом ситуации, целевых установок, особенностей восприятия аудиторией и отношения к другим образцам подобного типа.

Фоном для его возникновения послужила тенденция лингвистов отдавать предпочтение языку, а не речи. Так Н.Хомский призывал изучать язык как систему и абстрагироваться от звучащей речи. В основе же дискурс-анализа лежала полностью противоположная идея: изучение языка, его структуры, норм и закономерностей не дает полной картины жизни языка. Особенности этой жизни проявляются именно в звучащей речи. К ней и обратились лингвисты. Понятия «дискурс» и «дискурсивный анализ» стали разрабатываться в трудах таких ученых, как Т. А.ван Дейк, В.Дресслер, У.Лабов, Дж.Граймс, Р.Лангакер, Т.Гивон, У.Чейф, Р.Водак и др. Что касается русских исследователей, то необходимо упомянуть Е.С.Кубрякову, О.В.Александрову, Н.Д.Арутюнову, А.Н.Баранова, Г.Е.Крейдлину, Е.И.Шейгал, А.Г.Алтуняна, Е.О.Менджерицкую, Н.О.Празян и др.

Как уже было сказано выше, дискурс-анализ – это междисциплинарное направление. Целый ряд научных дисциплин имеет непосредственное отношение к дискурсу как образцу социальной и культурной практики. Даже если взять широкое определение дискурса как «речи, погруженной в жизнь», не составит сложности продемонстрировать, что на дискурс можно взглянуть как с лингвистической, так и с социальной и когнитивной точек зрения. Для этого достаточно посмотреть на следующий пример, взятый из действительного разговора. Необходимо уточнить, однако, заранее, что «Mother» - это мама восьмилетней девочки по имени «Rebecca». «Mrs Thompson», чье имя – «Margaret» - также появляется в диалоге, является домработницей, нанятой мамой

девочки. «Mrs Thompson» только что подошла к входной двери и позвонила в звонок.

(The front door bell rings.)

Mother: Open the door, darling. Who is it?

Rebecca: It's only Maggie.

Mother: (looking sheepish) Oh hello, Mrs Thompson.

Mrs Thompson: (smiles) Hello

[пример взят из 129, с.8].

Из этого примера понятно, что речь идет об отношениях между людьми из разных социальных групп. Довольно очевидно, что «Mother» смущена фразой, произнесенной ее дочерью, а именно ее обращением «Maggie» к «Mrs Thompson». Это же и отражает прилагательное «sheepish» (что означает «застенчивый, робкий, смущенный») в ремарке автора, передающей выражение лица «Mother».

Данный пример позволяет прийти к выводу, что даже в повседневном дискурсе отчетливо находят свое выражение социальные характеристики людей. Понимание того, что ни один текст не существует в полной изоляции, что тексты соотносятся между собой как синхронически, так и диахронически, помогает осуществить анализ дискурса с точки зрения его социальных характеристик.

Дискурс-анализ имеет строгую структуру. Он осуществляется одновременно на разных семантических уровнях. В.Е.Чернявская выделяет пять таких уровней. На уровне коммуникативного акта выявляется цель высказывания относительно всей коммуникации. Далее, на уровне текста производится текстуальный анализ: определяется тема, и характеризуются отношения между автором и адресатом. На третьем уровне – уровне глубинного анализа – дискурс получает прагматическое освещение. Следующий за ним уровень экстралингвистического анализа связывает слова с социологическими, психологическими и культурологическими характеристиками времени. На последнем уровне межтекстового анализа происходит интерпретация дискурса с

точки зрения приращения смысла за счет имплицитных и эксплицитных ссылок на другие дискурсы [93, с. 168-169].

Некоторые зарубежные исследователи (У.Манн, С.Томпсон) стали изучать дискурс с позиции его структуры. Эта идея была положена в основу теории риторической структуры (англ. Rhetorical Structure Theory). Ее смысл заключается в том, что дискурс представляет собой иерархичную структуру единиц разного масштаба, связанных между собой риторическими отношениями двух типов – симметричными или ассиметричными. Каждая дискурсивная единица играет роль либо ядра, либо сателлита, благодаря чему несложно построить схему структуры выбранного образца дискурса. Однако стоит помнить о возможности его альтернативных трактовок из-за доли субъективизма в определении риторических отношений между дискурсивными единицами [56, с. 309-313].

Помимо теории риторической структуры популярным подходом к дискурсу-анализу является анализ бытового диалога, или конврсационный анализ (англ. Conversation analysis), как его называют на иностранный манер. Своим возникновением он обязан социологическому подходу к языку и коммуникации, известного как «этнометодология» (термин Г.Гарфинкеля), в центре интересов которого лежит связь между тем, как участники беседы ведут себя в процессе коммуникации, и тем, как они понимают саму беседу.

Так, например, основателя метода, Г.Сакса, интересовало, как в диалоге устанавливается порядок обмена репликами, и как человек расставляет логические связи между информацией, оформленной в высказываниях. Ключевая роль последовательности выражений проиллюстрирована в одной из его работ на материале истории из двух предложений: «The baby cried. The mommy picked it up» (рус. «Ребенок заплакал. Мама взяла его на руки»). В результате детального анализа этого примера Г.Сакс показывает, в какой степени его социальная интерпретация зависит от устоявшихся конвенциональных категорий и понимания их взаимосвязи. Он отмечает, что большинство людей интерпретируют эту историю следующим образом: мама взяла на руки своего ребенка. Причинно-следственной связи автор дает точное объяснение: если в двух

соседних предложениях нет временных маркеров, то действие во втором будет пониматься как следующее за первым. Установление же родственных связей между участниками истории адресатом будут именно таковыми, поскольку категория «мама» неразрывно ассоциируется в мышлении человека с категорией «ребенок», а плач ребенка чаще всего предваряет активность матери. Из этого следует, что категории социальной сферы определяют понимание той или иной информации [166].

Наряду с описанными выше подходами, необходимо упомянуть дискурсивную психологию, применяющую концепты и методы дискурс-анализа в области социальной психологии. Исследователи в этой сфере науки о человеке (Дж.Поттер, М.Уэтерелл и др.) развивают гипотезу Сепира-Уорфа о творческой роли языка в познавательной деятельности его носителя, однако изучают связь языка и мышления именно с психологической точки зрения [129, с. 16-19].

Также внимания заслуживает нарративный анализ В.Лабова. В своих работах исследователь утверждает, что, несмотря на разнообразие форм и функций нарративов, в их основе лежит базовая структура. В качестве материала исследования выступил корпус устных нарративов, собранных в Нью-Йорке и являющихся ответами на вопрос: «Были ли Вы когда-либо в ситуации, когда Вашей жизни что-либо угрожало?». В результате проведенного анализа В.Лабов предложил некоторое количество стандартных элементов, представленных в любом нарративе, например, краткое изложение того, о чем пойдет речь, оценка, разрешение ситуации и т.д. [139].

Из приведенного обзора следует, что не существует единого подхода к дискурс-анализу. Более того, оказывается, что политический дискурс, избранный в качестве предмета исследования в данной диссертации, обладает своим набором подходов к интерпретации. О них будет сказано в соответствующем разделе.

1.2 Особенности политического дискурса, его функции и формы

1.2.1. Определение понятия «политический дискурс»

Особого рассмотрения в ряду типов дискурса заслуживает политический дискурс. На сегодняшний момент политическому дискурсу уделяется значительное внимание в лингвистике. Политический дискурс – это междисциплинарное понятие, вызывающее интерес как у лингвистов и политологов, так и у социологов, культурологов и психологов. Это позволяет точнее понять природу этого явления и рассмотреть его с разных углов зрения, создав, таким образом, его полную картину.

Политический дискурс является центральным объектом исследования политической лингвистики. Существуют десятки его определений, однако чаще всего обращаются к определению А.Н.Баранова: политический дискурс - это «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [13, с. 6].

Создавая свое собственное определение политического дискурса, Е.Р.Левенкова включает в него еще и отсылку к ментальной сфере человеческого бытия, без анализа которой современные исследования дискурса были бы неполноценными. По мнению исследователя, политический дискурс является «языковым выражением общественной практики в сфере политической культуры, представляющим собой профессиональное использование языка, за которым стоит национально и социально-исторически обусловленная ментальность его носителей» [66, с. 5].

Авторы этих определений, наряду с зарубежными (Т.А.ван Дейком и Р.Водак) и отечественными (Е.Г.Казакевичем) учеными, при исследовании политического дискурса концентрируются только на формах публичной коммуникации профессиональных политиков, имеющей своей целью завоевание и удержание власти. Так, Т.А.ван Дейк задается вопросом в своей книге «Дискурс

и власть», можно ли считать СМИ «властной группой», а, следовательно, можно ли причислять результаты деятельности журналистов, репортеров и других представителей этой группы к политическому дискурсу. По мнению автора, СМИ лишь способствуют распространению политического дискурса, облегчают доступ к нему граждан всего мира, но сами не могут считаться политическим дискурсом [40, с. 30].

В отличие от лингвистов-сторонников так называемого «узкого» подхода к пониманию политического дискурса, Е.И.Шейгал, А.Г.Алтунян, А.П.Чудинов и др. принадлежат к числу тех, кто отстаивает широкое понимание политического дискурса, включающее в себя все формы языковой деятельности, в которых что-либо связывает ее с миром политики (будь то субъект, адресат или содержание образца дискурса) [74]. Следовательно, к политическому дискурсу относят и продукцию СМИ.

По мнению Е.И.Шейгал, СМИ являются «посредником между политиками и народом» [97, с. 81]. Это значит, что от того, как представлены политические события в новостных лентах, на радио и телевидении, зависит восприятие этих же событий простыми гражданами. Следовательно, неоспоримо то, что в разных странах один и тот же конфликт на мировой арене может освещаться по-разному.

А.П.Чудинов ставит политическую коммуникацию, осуществляемую журналистами и нацеленную на массовую аудиторию, в один ряд с другими тремя ее разновидностями: аппаратной, доступной только посвященным и ориентированной на государственные учреждения; публичной, адресованной народу; и политической речевой деятельностью широкого круга людей, не связанных с политикой, но занимающих активную социальную позицию и участвующих в митингах и т.п. [94, с. 36-37].

К широкому подходу к политическому дискурсу можно отнести и В.В.Зеленского, который выделяет два уровня политики: официальный и личностный. В основе первого лежат все виды проявления политики в социальной жизни людей какой-либо страны. К нему же относятся и средства массовой информации. Второй уровень политики актуализируется тогда, когда

имеет место взаимоотношение личности с другими людьми или окружающим миром [46, с. 368–380].

Различия в уровне политики определяют характеристики двух типов дискурса, которые напрямую соотносятся с приведенной выше классификацией. В первом случае говорящий обладает конкретной, четко закрепленной за ним ролью: он является носителем определенного социального статуса и представляет конкретный социальный институт. Во втором случае говорящий выступает в роли самого себя: он личность с уникальным набором черт [94, с. 54].

Для современной политической лингвистики чрезвычайно важным оказывается включение в политический дискурс целого ряда компонентов, связанных с речевой деятельностью: это и политические взгляды автора; и другие дискурсы, которые имплицитно или эксплицитно могут быть представлены в каком-то конкретном образце дискурса; и политическая ситуация, определяющая содержание дискурса; и др.

Таким образом, изучение политического дискурса предполагает «исследование степени воздействия на данный текст [образец дискурса – *авт.*] и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов» [94, с. 41].

1.2.2. Функции политического дискурса

Что касается функций политического дискурса, то здесь необходимо обратиться к функциям языка, выведенным академиком В.В.Виноградовым: общения, сообщения и воздействия [26]. Все эти функции представлены в политическом дискурсе. Центральная же роль отводится функции воздействия, поскольку речь политика нацелена не столько на передачу какой-либо информации, сколько именно на оказание влияния на аудиторию. Функция

общения также отходит на второй план, так как зачастую между автором и адресатом не происходит общения как такового.

Целесообразным представляется взглянуть на другую классификацию функций языка, разработанную Р.Якобсоном [128] на основании направленности каждой функции на какой-либо компонент коммуникации. Так, он выделяет коммуникативную, эмотивную, побудительную, фатическую, метаязыковую и эстетическую функции.

Главной функцией политической коммуникации представляется побудительная функция, заключающаяся в оказании воздействия на адресата с целью завоевания и удержания власти. Е.И.Шейгал даже выносит эту особенность в свое определение политического дискурса: это «общение, основная интенция которого, - борьба за власть» [97, с. 4]. Действительно, за политическим дискурсом стоит стремление заполучить власть, поэтому он часто используется как способ манипуляции людьми. Борьба за власть предполагает необходимость побудить аудиторию к действию (например, перед выборами), убедить их в чистоте намерений, правоте суждений оратора и т.п. Именно поэтому политический язык так богат различными стилистическими средствами, с помощью которых говорящий делает свою речь более убедительной и впечатляющей.

Побудительная функция может по-разному выражаться в дискурсе: эксплицитно, то есть в форме лозунгов, прямых обращений к народу с призывами и т.п., и имплицитно, когда автор передает посредством своего дискурса некую эмоцию, будь то страх, гнев или же чувство единства, тем самым подталкивая аудиторию к каким-либо действиям.

Несмотря на доминирование побудительной функции, остальные функции языка также играют важную роль в политическом дискурсе. Коммуникативная функция отвечает за передачу информации: политический дискурс часто содержит информацию о важных политических событиях, политических направлениях и обо всем, что может быть важно для данной коммуникативной ситуации.

Эмотивная функция отвечает за выражение чувств и эмоций говорящего, а также за пробуждение таких же эмоций у адресата. Благодаря убедительности речи и успешности выбора стилистических средств, говорящий способен вызвать у слушателя целый спектр разнообразных эмоций. В политическом дискурсе очень важно, чтобы адресат разделял чувства адресанта: только тогда они смогут вместе стремиться к реализации общих целей.

Фатическая функция связана с установлением и поддержанием коммуникативного контакта. Она тесно переплетена с предыдущей, потому что только в случае заинтересованности и общности задач и взглядов контакт между сторонами будет установлен и коммуникация пройдет успешно.

Метаязыковая функция помогает правильно передать смысл какого-либо слова или словосочетания. Так, политики часто прибегают к объяснению тех или иных терминов, понятий и идей мира политики, поскольку их смысл может быть не до конца ясен аудитории.

Последняя в данном ряду функция – эстетическая – направлена на создание выразительности речи. Как и в художественном тексте, в политической речи она играет важную роль, так как использование стилистических средств делает речь яркой и запоминающейся [94, с. 82-87].

Функциональные особенности политического дискурса накладывают отпечаток на его содержательную и формальную составляющие. Одной из особенностей политического дискурса является то, что в нем сочетаются стандартизованность и экспрессия. Первый компонент необходим для того, чтобы дискурс был доступным для широкого круга адресатов. Он заключается в соблюдении определенных последовательностей построения и воспроизводства дискурса, а также правил выбора лексики. Экспрессивность же позволяет передать в дискурсе эмоциональное состояние автора и его отношение к теме. Будучи выражена при помощи стилистических фигур речи, экспрессивность еще и делает текст интересным для восприятия, что крайне важно для мира политики, так как, чем более продуманным является дискурс, тем большее влияние он может оказать на аудиторию.

Характер аудитории также накладывает отпечаток на политический дискурс, для которого характерно преобладание массового адресата. Эта особенность заключается в том, что при создании и воспроизведении какого-либо образца дискурса автор рассчитывает на то, что он будет услышан сразу значительным количеством людей. Так, например, дебаты в парламенте происходят в присутствии его членов, а инаугурационная речь нового президента транслируется телевидением и радио не только в соответствующей стране, но и за ее пределами.

Политический язык также является неотъемлемой составляющей политического дискурса. Для него характерна неопределенность, часто выражающаяся за счет слов с абстрактными значениями и полисемией. Она обнаруживает себя по причине того, что политикам часто приходится говорить завуалировано о неприятных вещах, бросающих на них тень. К этому относится и анонимность некоторых заявлений, чтобы скрыть действующее лицо, ответственное за то или иное решение. Также сюда можно отнести и применение говорящим неопределенности, чтобы не показать свою невежественность в каких-либо вопросах. Помимо этого, неопределенность помогает избежать возможных конфликтов, ведь, если говорящий не конкретизирует свое сообщение, а говорит размыто, ему потом не придется отвечать за сказанное или будет гораздо проще отражать нападки соперников и недоброжелателей [97, с. 72]. Следовательно, политический дискурс адаптируется к внешним условиям.

Г.Лассвелл классифицирует типы политического дискурса по степени прозрачности языка в зависимости от напряженности ситуации в стране или мире. Так, если политические решения играют ключевую роль в решении судьбы страны или конкретного человека, как, например, в случае с обнародованием законов или вынесением приговора в суде, дискурс будет строиться по выработанным стандартам и отличаться прозрачностью и лаконичностью.

Другие ситуации, как, например, призывы принять ту или иную сторону на выборах или референдуме, когда народ должен сам избрать для себя путь будущего развития, все еще являются в значительной мере напряженными,

поскольку аудитория стоит перед выбором, а, следовательно, несет ответственность за него. Тем не менее авторы дискурса обладают гораздо большей свободой для выражения своих эмоций относительно происходящего, использования стилистических средств выразительности и т.п.

Последние же в данной шкале ситуации в наименьшей степени связаны с напряженностью их участников. К ним относятся празднование победы одного из кандидатов в президенты на выборах или церемония инаугурации нового президента. Соответствующий им дискурс является наиболее красочным, изобилующим стилистическими средствами, выводящим на первый план ценности общества и идею единства нации [65].

На современном этапе развития политического дискурса многие исследователи занимаются изучением языковых особенностей политического дискурса, называемых «политическим языком», под которым подразумевается особый стиль, манера коммуникации с адресатом. Политический язык находится в двусторонних отношениях с экстралингвистической реальностью. С одной стороны, на него оказывает ощутимое влияние политическая ситуация на мировой арене, ведь он отражает жизнь страны с ее ценностями, традициями и приоритетами. Например, политическая реальность нередко заставляет говорящих разграничивать людей в своем дискурсе на «своих» и «чужих», причем зачастую необходимо аккуратно провести эту границу, чтобы не вызвать новых конфликтов.

С другой стороны, выбор языковых средств имеет большое значение для политического дискурса. Он позволяет оказывать влияние на сознание адресата, на то, как тот воспримет ту или иную информацию, как поведет себя после ее осмысления. Нельзя недооценивать и роль политического языка в создании образа политика или целой партии, а также – в принятии важных решений. Существует немало примеров, когда успешное выступление на публике меняло ход исторических, и особенно военных, событий.

Говоря о создании и восприятии политического дискурса, Т.А. ван Дейк также затрагивает идею двух типов знания. Он противопоставляет

«общекультурное знание, разделяемое участниками различных социальных групп» и «знание, разделяемое участниками отдельной социальной группы» [41, с. 209]. Первый тип составляет основу коммуникации, является объективным и неоспоримым. Второй же тип знания соответствует критериям первого с одним лишь ограничением – сходство является истинным только для конкретного социума. Для всех остальных это знание кажется всего лишь убеждением или мнением.

Такая классификация политического знания является чрезвычайно актуальной для анализа афроамериканского политического дискурса. В задачи данной диссертации не входит выявление различий в знаниях тех или иных социальных групп, однако можно с некоторой уверенностью считать, что если дискурс периода движения за гражданские права изобилует отсылками ко второму типу знания, характерному только лишь для афроамериканцев США, то современный дискурс Барака Обамы понятен всем гражданам этой страны в связи с особенным статусом его автора.

1.2.3. Подходы к анализу политического дискурса

Рост интереса к политической лингвистике наблюдался с конца 50-х годов XX века и не уменьшается до сих пор. Главной задачей анализа политического дискурса является обнаружение связей между властью, мышлением и языком, а также механизмов управления общественным мнением. На современном этапе развития анализа политического дискурса особенно отчетливо выделяются четыре подхода к нему. Они не являются взаимоисключающими и часто дополняют друг друга в исследованиях.

Наиболее проработанным и широко известным является **критический дискурс-анализ** (КДА, англ. critical discourse analysis), зародившийся в начале 1990-х годов. Он уходит своими корнями в классическую риторику, лингвистику текста, социолингвистику, прикладную лингвистику и прагматику, однако наибольшее влияние, по мнению Рут Водак, профессора Университета

Ланкастера, на КДА оказала системная функциональная лингвистика М.Халлидея, считающего язык одновременно «детищем и создателем человеческого общества» [переведено из 173, с. 3].

В основе КДА лежат способы изучения выражения социального неравенства и осуществления власти в обществе. Наиболее яркими приверженцами этого подхода являются Н.Фэрклаф, Т.А.ван Дейк и Р.Водак, однако существует и ряд авторов из разных стран, печатающих свои работы в журнале «Критические исследования дискурса» (Critical Discourse Studies) под редакцией Т.А.ван Дейка, освещающем социальное, гендерное и этническое неравенство в мире.

Т.А.ван Дейк определяет КДА как «разновидность дискурс-аналитической исследовательской процедуры, направленной на изучение, главным образом, способов злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства, которые реализуются, воспроизводятся и сталкиваются с сопротивлением в форме дискурса в социальном и политическом контекстах» [40, с. 111].

КДА не сводится к одному конкретному методу. Упомянув среди его положительных черт динамизм и многосторонность, Г.Вайс и Р.Водак все же называют его пока «эkleктичным и бессистемным» («eclectic and unsystematic») [172, с. 6]. Однако они тут же оговариваются, что такую междисциплинарность можно рассматривать и в качестве положительной черты КДА, поскольку она позволяет осуществлять диалог между различными теориями.

По их мнению, КДА уделяет гораздо больше внимания социальному, чем чисто лингвистическому в дискурсе. Именно роль дискурса в социальном аспекте жизни находится в центре интересов КДА. Лингвистическая же составляющая становится интересной тогда, когда она обсуждается в контексте выражения социальных и культурных особенностей в дискурсе.

Разностороннее рассмотрение дискурса с социологической и лингвистической сторон было бы чрезвычайно успешной процедурой, если бы не встречало на пути своего развития целый ряд препятствий. Они связаны в первую очередь с несоответствиями в категориях, которыми оперируют эти два метода.

Используя термин Гуссерля, Г.Вайс и Р.Водак находят корень проблемы в «Horizontgebundenheit», то есть в несовпадении горизонтов, или углов зрения, упомянутых методов [172, с. 7]. Тем не менее, сторонники КДА активно занимаются разработкой механизмов, которые позволят синтезировать лингвистический и социологический методы анализа дискурса.

Возвращаясь к идее социальной ориентации КДА, необходимо обратиться и к работам Т.А.ван Дейка, развивающего эту мысль, представляя КДА как «discourse analysis with an attitude» («дискурс-анализ с определенных социальных позиций») [118, с. 96]. Он считает, что дискурс не только социален изначально, но также и политичен в своей ориентации. Такой подход, однако, не исключает принятие методов и инструментов как социальных, так и лингвистических теорий, что позволяет расширить границы исследований. Из этого следует, что КДА занимается тем, что создает почву для диалога между этими теориями.

Итак, КДА рассматривает язык как социальную практику. При помощи языка люди выражают свои отношения, взгляд на окружающий мир. А поскольку жизнь сама по себе является социально окрашенной, то и дискурс отражает в себе эти социальные характеристики. Помимо этой особенности КДА обладает несколькими другими отличительными чертами, позволяющими ему держаться обособленно от остальных методов анализа политического дискурса.

Наряду с социальным аспектом в сфере интересов КДА оказываются язык и власть. Существует целый ряд работ, посвященных соотношению и взаимосвязи этих двух явлений. Так, в своей книге «Язык и власть» (Language and Power) Н.Фэрклаф анализирует пути доминирования одних людей над другими при помощи языка. Задачу своего исследования он видит в обнаружении и объяснении того, как существующие заложенные в подсознании обычаи взаимоотношений между людьми, обладающими разной степенью власти, находят свое выражение в языке [121, с. 2]. В результате автор приходит к выводу, что язык, будучи главным хранителем мировоззрения, является неотъемлемой частью социальной жизни человека и основным средством выражения власти в обществе.

Проявляя интерес к этой же проблеме, Р.Водак пишет, что КДА в первую очередь направлен на изучение отношений между доминированием, дискриминацией и контролем, которые находят свое отражение в языке. «Язык может быть использован, чтобы бросить вызов власти, ниспровергнуть ее, изменить ее распределение в краткосрочной или долгосрочной перспективе. <...> КДА интересуют пути использования языковых форм для разнообразного выражения и управления властью» [172, с. 11].

Помимо этого сторонники КДА призывают помнить, что язык не является влиятельным сам по себе, но приобретает значимость и мощь в момент использования [107, с. 5]. Именно этот факт объясняет интерес сторонников КДА к дискурсу индивидов, обладающих определенной властью и, следовательно, ответственных за существование неравенства между людьми.

Вероятно, последним в списке особенностей КДА будет назван его «трансдисциплинарный» характер [107, с. 6]. Этот термин принадлежит Н.Фэрклафу и отличается от классической «междисциплинарности» тем, что подразумевает под собой не близость методов разных дисциплин, а их тесный диалог.

В завершении довольно объемной характеристики критического дискурса-анализа необходимо еще раз подчеркнуть, что он не сводится к какому-либо единому методу, а является постоянно развивающимся и пополняющимся подходом к анализу дискурса.

Вторым способом проанализировать дискурс является **контент-анализ**, заключающийся в компьютерной обработке объемных корпусов политических текстов (что исключает субъективность выводов) с целью выявления закономерностей функционирования политического дискурса, а также определения связи между языком и властью [95, с. 26]. Этот метод «предполагает упорядочивание поверхностного разнообразия текстов, открывая тем самым возможность их сравнения и исчисления» [84, с. 17]. Наиболее известными

приверженцами контент-анализа являются американские социологи Г.Лассвелл и Б.Берелсон.

Широкое применение контент-анализа началось в 30-е годы XX века в США. Уже тогда Г.Лассвелл занялся получением количественных показателей информации, используемой в политических текстах. Интерес к этому подходу все возрастал, поскольку он позволял, например, высчитывать эффективность пропаганды, столь распространенной в XX веке, особенно в периоды войны [43].

Фундаментальной работой в области контент-анализа до сих пор является написанная в 1952 году Б.Берелсоном книга «Контент-анализ в коммуникативных исследованиях» (Content-Analysis in Communication Research). В современном мире контент-анализ применяется в широком круге дисциплин. Помимо лингвистики в него входят политология, психология, социология и другие. Такая популярность подхода к анализу дискурса говорит о высокой результативности исследований, проведенных с его помощью.

Благодаря компьютерным программам, исследователь может посчитать, например, количество фраз со значением восхваления страны или какого-либо конкретного человека. Для этого применяется строгая система кодирования информации и ранжирования ее по шкале интенсивности признака. Также перед программой может быть поставлена задача вычислить объем печатного пространства, посвященного той или иной теме.

Контент-анализ имеет практическое применение и в области авторства. Так, например, при помощи компьютерных программ и корпусов текстов, авторы которых неизвестны, можно с большей или меньшей точностью определить автора (при наличии подписанных им других текстов) по частотности тех или иных слов [168].

Роль контент-анализа в исследовании политического дискурса нельзя недооценивать. Так, например, выявление статистических закономерностей относительно упоминания того или иного предмета обсуждения в предвыборном дискурсе США часто может способствовать предугадыванию результатов выборов [104, с. 270]. Таким образом, контент-анализ имеет широкую сферу

применения и оказывается чрезвычайно действенным методом анализа политического дискурса.

Говоря о вариантах анализа политического дискурса, нельзя не упомянуть и **риторический подход** (в терминологии Е.И.Шейгал – дескриптивный). Он уходит своими корнями глубоко в историю, а именно во времена Аристотеля и Цицерона, проводивших тщательный риторический анализ речей своего времени. Иными словами, классические методы анализа применяются для того, чтобы выявить наиболее частотные и эффективные риторические приемы и стратегии, используемые современными политиками. Однако, в отличие от критического дискурс-анализа, приверженцы этого подхода не соперничают какому-либо участнику дискурса, а занимают нейтральную позицию по отношению к предмету изучения.

Несмотря на традиционность методов, риторический подход не мог не адаптироваться к новым условиям, накладываемым на него особенностями дискурса. Результатом такого приспособления стало появление риторической критики (англ. rhetorical criticism). Новое направление сформировалось в США в первой половине XX века, когда вновь была осознана необходимость уметь произносить убедительные и эффектные речи. К тому же появилась возможность транслировать их по радио и на телевидении, что расширило круг словесного влияния на аудиторию [95, с. 27].

У истоков риторической критики стоят К.Берк и Г.Стелцнер. Наиболее известной в России работой первого является «Риторика гитлеровской “Борьбы”», опубликованная в одном из выпусков «Политической лингвистики». В ней К.Берк приводит подробный анализ идей А.Гитлера и методов их выражения в его «Борьбе» [20].

С.К.Фосс дает следующее определение всему направлению: «это качественный метод исследования, созданный для систематического исследования и объяснения символических актов и артефактов с целью понимания риторических процессов» [122, с. 6]. Другими словами, «риторический критик»

пытается объяснить, как работает риторика и какое воздействие оказывает риторический акт на поведение, мышление и настроение аудитории.

В Россию риторическая критика пришла спустя несколько десятилетий - лишь в начале 1980-х годов. Этот временной разрыв осложняет параллельное развитие направления. Так, до сих пор не до конца выработана единая терминология и методология исследования материала в отечественной и зарубежной науках.

Тем не менее все ученые-языковеды сходятся на том, что основной задачей обновленного подхода является не столько анализ риторических стратегий и приемов, сколько оценка их эффективности для выполнения замысла автора. Приверженцы риторического подхода «считают, что необходимо показать скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов; выяснить, как риторика влияет на культурные стереотипы и как эти стереотипы отражаются в риторике» [22, с. 134].

Риторический анализ предполагает четыре вида деятельности: описание, анализ, интерпретацию и оценку. На первом этапе происходит выявление риторических стратегий, использованных в конкретном образце дискурса. Далее они подвергаются анализу в рамках исторического и культурного контекста и истолковываются с точки зрения замысла автора. На последнем этапе критик производит оценку эффективности способа построения дискурса, выбранного автором, в данной ситуации [86, с. 9].

Одним из наиболее плодотворных направлений в современной политической лингвистике является **когнитивный подход**. Он развивается в рамках когнитивной науки. В центре внимания когнитивистов находятся ментальные процессы, их выражение в языке и влияние на выбор языковых средств.

Несмотря на то что когнитивное направление зародилось во второй половине XX века и совпало с расцветом политической лингвистики, уже в 1937 году Л.С. Выготский задавался вопросом о взаимосвязи речи и мышления [34]. С

тех пор целью когнитивной лингвистики было «понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией» [72, с. 23]. Такой характер задач объясняет тесную связь когнитивистики с психологией и философией. А ключевая роль языка в достижении поставленных задач связывает ее еще и с лингвистикой.

Действительно, в центре внимания когнитивистов находится язык, поскольку считается, что именно в нем отражаются мыслительные процессы, происходящие в сознании человека. «Наше познание мира системно, оно органично связано с неразрывностью знаний, которые в языковом отношении выражаются посредством дискурса, который мы определяем как процесс динамический, с помощью которого осуществляется предикативная связь явлений окружающего мира с непосредственным выражением ее при помощи языка» [2, с. 44].

Более того, когнитивное направление предполагает опору дискурса на уже известную информацию, которая хранится в памяти человека и активируется тогда, когда это оказывается нужным для понимания в процессе коммуникации.

Эта идея была развита У.Чейфом. В ее основе лежит троичная система фокусов: данное, доступное и новое. Акцент в дискурсе делается именно на последнюю составляющую. Устный дискурс состоит из интонационных единиц, содержащих в себе фокусы сознания. Каждая интонационная единица может содержать в себе не более одного элемента новой информации, так как большее количество сознание просто не может активировать [54, с. 27-28].

Один из пиков интереса к когнитивной лингвистике приходится на время изучения метафоры Дж.Лакоффом и М.Джонсоном. Их книга «Метафоры, которыми мы живем» («*Metaphors We Live By*») стала фундаментальным трудом в области когнитивной теории метафоры. Ее авторы выдвигают следующий постулат: метафоры существуют не только в языке, но и в мышлении человека.

Отсюда следует, что человек не только говорит метафорами, но и мыслит ими, то есть концептуализация мира по своей природе тоже метафорична [141].

Это объясняется тем, что метафоры основаны на принципе аналогии, сходства, поэтому с их помощью становится гораздо легче воспринимать, объяснять и принимать те или иные явления окружающего мира, например, абстрактные понятия. Результаты такой метафоризации экстралингвистической реальности находят свое выражение в языке, а с ним они передаются следующим поколениям. В итоге, как признается сам Дж.Лакофф, едва ли можно говорить о способности человека обсуждать реальность в точных категориях, поскольку метафорическая концептуализация носит крайне субъективный характер [64].

Когнитивная теория метафоры легла в основу широкого круга российских и зарубежных работ, посвященных ее изучению в политическом дискурсе (Э.В.Будаев, А.П.Чудинов, А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов, А.Ченки, У.Н.Элвуд, Дж.Лакофф, М.Джонсон, З.Харрис и др.), в том числе и работ о применении нового подхода к семантике (А.Ченки) и теории частей речи (Е.С.Кубрякова).

Сквозь призму идей когнитивной лингвистики была осмыслена и грамматика. Так, Р.Лангакер утверждает, что грамматические структуры символичны по своей природе и несут в себе некое «концептуальное содержание» [92, с. 356]. Более того, ученый считает, что концептуализация включает в себя понимание говорящим одновременно и «основы» (англ. «ground») и «данного дискурсивного пространства» (англ. «current discourse space»). Первый компонент состоит из определения ролей участников коммуникации (говорящий-слушающий), ее обстоятельств (время-место) и самого типа коммуникации. Второй компонент является отсылкой к ментальному пространству, разделяемому всеми участниками коммуникации [142, с. 144], то есть тому, что Е.С.Кубрякова назвала «общим знанием» и «совместным знанием» [175, с. 174-175], необходимыми для успешности коммуникации.

О важности когнитивного подхода к анализу дискурса говорит и Р.Водак. Она считает, что он поможет получить ответы на многие интересующие исследователей языка вопросы, например, о причинах различного понимания

одного и того же текста разными группами адресатов. Об актуальности такого вопроса говорит ее эксперимент, заключающийся в пересказе новостей различными людьми. В ходе эксперимента было обнаружено, что испытуемые делают акценты на разной информации в зависимости от их опыта и видения мира. Следовательно, существует когнитивная связь между дискурсом и социумом, что лишний раз подталкивает ученых к проведению исследований в области когнитивной лингвистики [30].

Когнитивный подход активно применяется при анализе политического дискурса. Так, «моделирование когнитивной базы политического дискурса осуществляется через анализ фреймов и концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических убеждений» [97, с. 18].

Суммируя все, что было сказано о существующих на данный момент четырех подходах к анализу политического дискурса, необходимо еще раз подчеркнуть, что они не являются взаимоисключающими. Один и тот же образец дискурса может быть проанализирован и с риторической, и с когнитивной точек зрения, и с помощью контент-анализа, и с позиций критического дискурс-анализа.

Такое разнообразие методов позволяет наиболее полно обрисовать картину функционирования политического дискурса на данном этапе развития науки и восполнить некоторые существующие пробелы в понимании взаимоотношений между мышлением и языком.

1.2.4. Жанровое своеобразие политического дискурса

К настоящему времени уже написано немало работ, освещающих понятие жанра, однако общее для всех исследований определение до сих пор не выработано. В данной статье за основу будет взята дефиниция жанра из «Словаря лингвистических терминов» профессора О.С.Ахмановой [179, с. 148], которая

рассматривает жанр как «разновидность речи, определяемую данными условиями ситуации и целью употребления». Такая дефиниция позволяет говорить о значительном спектре жанров дискурса, в том числе и политического дискурса, столь релевантного для данной работы.

Все жанры политического дискурса Е.И.Шейгал предлагает объединить в три группы. Первую группу составляют ритуальные жанры, то есть те, которые маркируют некое важное официальное событие в истории страны или всего мира. К ним относятся инаугурационные речи и радиообращения. К этой же группе можно отнести выделяемый и описываемый в данной работе жанр «победная речь», то есть «речь кандидата, победившего на выборах» [189]. Вторая группа представлена ориентационными жанрами, носящими информационно-описательный характер, например, партийными программами, конституциями, манифестами и т.п. К третьей группе относятся агональные жанры (лозунги, предвыборные дебаты, публичные речи и другие), представляющие политику как борьбу за власть, свободу или права [97, с. 11].

Будучи сторонником широкого понимания политической коммуникации, А.П.Чудинов придерживается такого же деления ее на жанры, однако добавляет еще группу информационных жанров, в которую входят результаты работы СМИ, то есть газетные статьи и т.п. [94, с. 38-39].

Для данной диссертации особую значимость имеют следующие два жанра политического дискурса: победная речь будущего президента и публичная речь. Первый жанр, как и жанр инаугурационной речи, традиция и правила произнесения которой сложились давно, связан с выборами президента, но позволяет говорящему чувствовать себя более свободным при выборе темы, структуры речи и манеры ее подачи.

Подобно инаугурационному обращению, победную речь, как первую саморепрезентацию президента, можно отнести к эпидейктической риторике – одному из родов риторики, классифицированной и описанной Аристотелем [7, с. 15–69.]. Он определяет ее как торжественную речь, назначением которой является обращение к эмоциям аудитории. Чаще всего эпидейктическая речь произносится

по определенному официальному случаю и отражает какое-либо важное историческое событие в жизни народа. Этот факт определяет использование возвышенного стиля языка, уход от речевых шаблонов и широкое использование риторических средств. В отличие от инаугурационной речи, победная речь является более насыщенной эмоционально, поскольку представляет собой первую, незамедлительную реакцию кандидата в президенты на результаты выборов. Именно в ней он делится с аудиторией своей радостью от победы и еще раз подчеркивает, что все обещанное во время предвыборной кампании обязательно будет претворено в жизнь.

Относясь к эпидейктическим речам, победная речь не несет в себе какой-либо новой информации. В ней даже нет необходимости: в фокусе всеобщего внимания находится не содержание выступления победителя, а его реакция на результаты выборов. Поэтому важно не столько то, что он скажет, а то, как это будет преподнесено публике. Не вдаваясь в подробности, говорящий суммирует все свои обещания, озвученные во время предвыборной кампании. Также перед ним стоит задача выразить благодарность всем тем, кто поддерживал его, голосовал за него и просто верил в его победу. Без таких людей его победа была бы едва ли возможна.

В отличие от жанра победной речи, жанр публичной речи имеет более глубокую историю. Он был наиболее распространен в эпоху античности и был связан с философией, политикой, культурой и образованием людей, поскольку в то время считалось, что живое слово обладает невероятной силой, в том числе силой убеждения.

К настоящему моменту было произнесено огромное количество публичных речей, многие из которых даже оказали сильное воздействие на ход истории. К этому жанру прибегают до сих пор, особенно когда идет борьба за политическое влияние в тех или иных регионах мира и областях человеческой жизни.

В основе проводимого здесь функционального анализа жанров победной и публичной речей лежит подробное изучение схожего жанра политического

дискурса - инаугурационной речи, - произведенное Е.И. Шейгал. Однако список будет расширен дополнительными, более характерными для рассматриваемых жанров функциями. Иллюстративный материал взят из речей «I have a dream» Мартина Лютера Кинга, «The ballot or the bullet» Малкольма Икса, а также победных речей Барака Обамы за 2008 и 2012 годы.

Первой Е.И.Шейгал выделяет **интегративную** функцию, привлекающую к себе особое внимание и заключающуюся в объединении всех людей без исключения в единую нацию [97, с. 333]. При анализе политического дискурса очень важно проследить развитие образа автора, особенно – от чьего лица ведется речь. Если политик говорит от своего имени, это подчеркивает его личную ответственность за то, что он произносит. Если же он часто использует местоимение первого лица множественного числа «мы», то это значит, что он идентифицирует себя с какой-либо группой людей, будь то конкретная партия или население всей страны.

Интегративная функция присутствует в обоих рассматриваемых жанрах. Все говорящие обращаются к этой идее, однако вкладывают различный смысл в одни и те же слова. Так, если для Мартина Лютера Кинга и Малкольма Икса местоимение первого лица множественного числа «we» репрезентирует только лишь афроамериканцев (причем в дискурсе последнего наблюдается четкое противопоставление «we» и «they», то есть светлокожих американцев), то Барак Обама подчеркивает единство всего американского народа, необходимость преодолеть расовые и классовые противоречия. И его победа в выборах на пост президента США лишний раз доказала, что Америка готова к таким переменам.

Благодаря примерам из речи «The ballot or the bullet» можно прийти к выводу, что Малкольм Икс достаточно резок даже в своих призывах к единству: в его дискурсе присутствуют вкрапления стилистически сниженной лексики, которые создают негативный образ современного ему мира, а также четко разграничивают позитивные и негативные стороны жизни афроамериканцев.

...a problem that will make you catch hell whether you're a Baptist, or a Methodist, or a Muslim, or a nationalist. Whether you're educated or illiterate, whether you live on the boulevard or in the alley, you're going to catch hell just like I am. We're all in the same boat and we all are going to catch the same hell from the same man.

Whether we are Christians or Muslims or nationalists or agnostics or atheists, we must first learn to forget our differences. If we have differences, let us differ in the closet; when we come out in front, let us not have anything to argue about until we get finished arguing with the man [152].

В отличие от Малкольма Икса, Барак Обама отнюдь не категоричен в своих заявлениях. Наоборот, он старается включить как можно больше социальных и этнических групп в единое целое, проявляя особую толерантность к представителям всех групп американского общества.

○ *It's the answer spoken by young and old, rich and poor, Democrat and Republican, black, white, Hispanic, Asian, Native American, gay, straight, disabled and not disabled - Americans who sent a message to the world that we have never been just a collection of individuals or a collection of Red States and Blue States: we are, and always will be, the United States of America [161].*

○ *It doesn't matter whether you're black or white or Hispanic or Asian or Native American or young or old or rich or poor, abled, disabled, gay or straight. <...> We are, and forever will be, the United States of America [162].*

Обама продолжает убеждать в этом людей, начиная еще с его выступления на Демократической Национальной Конвенции 2004 года, которая обратила на него внимание публики:

○ *...there's not a liberal America, and a conservative America - there's the United States of America. There's not a black America, and white America, and Latino America, and Asian America - there's the United States of America [158].*

Эти слова закрепились в памяти людей и образовали прочную ассоциацию с их автором.

Идея единства также выражается при помощи таких эксплицитных маркеров, как местоимения второго лица «you» и его притяжательных форм.

Наиболее примечательные примеры можно найти в победной речи Барака Обамы за 2008 год:

- *...I will never forget who this victory truly belongs to - it belongs to **you**.*
- *This is **your** victory.*
- *I will listen to **you**, especially when we disagree. And above all, I will ask **you** to join in the work of remaking this nation...*
- *It cannot happen without **you** [161].*

Здесь Обама выражает свое осознание невозможности победы без поддержки людей. Это не столько его личное достижение, сколько достижение всей страны, поскольку Америка впервые выбрала афроамериканца своим президентом.

Наивысшая степень единства достигается в высказываниях о неразделимости личности говорящего и народа в борьбе за лучшее будущее, выраженной местоимением первого лица множественного числа «we» и его притяжательными формами:

- *And as **we** walk, **we** must make the pledge that **we** shall always march ahead.*
- ***We** cannot turn back [135]*
- ***We've** got to change our own minds about each other. **We** have to see each other with new eyes. **We** have to see each other as brothers and sisters. **We** have to come together with warmth so we can develop unity and harmony that's necessary to get this problem solved ourselves [152].*
- *... **Our** climb will be steep. **We** may not get there in one year or even one term... [161]*

Особенностью интегративной функции в речах движения за гражданские права афроамериканцев в США является тот факт, что зачастую такие маркеры становятся компонентами базовой оппозиции политической коммуникации «we» - «they» («свои» - «чужие»), являющейся основой категориального восприятия мира человеком. Внутри такой оппозиции чаще всего первый компонент

осмысляется как положительный, а второй – как отрицательный, представляющий угрозу [71, с. 17].

Частотное обращение к этой оппозиции связано с тем, что в середине XX века проблема взаимоотношения между темнокожими и светлокожими американцами была особенно актуальна, и каждый равнодушный к судьбе афроамериканцев идентифицировал себя с тем или иным подходом к ее решению. Действительно, по мнению К.Шмитта, «политическое заключено не в самой борьбе, <...> но <...> в ясном познании определяемой ею собственной ситуации и в задаче правильно различать друга и врага» [98, с. 40].

Выбранные для анализа речи наглядно иллюстрируют различие в отношении к «чужим». Так, в дискурсе Мартина Лютера Кинга данное противопоставление является лишь имплицитным, а порой и вообще стирается: хотя между темнокожими и светлокожими американцами существует целый ряд исторических и культурных различий, необходимо помнить о равенстве всех жителей США, прописанном в Декларации независимости.

○ *...many of our white brothers, as evidenced by their presence here today, have come to realize that their destiny is tied up with our destiny. And they have come to realize that their freedom is inextricably bound to our freedom [135].*

Напротив, дискурс Малкольма Икса изобилует эксплицитными отсылками к идее разобщенности американского общества.

○ *The year when all of the white political crooks will be right back in your and my community with their false promises, building up our hopes for a letdown, with their trickery and their treachery, with their false promises which they don't intend to keep [152].*

В данном примере благодаря лексическим единицам с негативными коннотациями («crook», «false promises», «letdown», «trickery», «treachery») «чужие» («they») предстают в виде источника зла, отравляющего жизнь афроамериканцев. Они противопоставляются «своим» («your and my community»), и, чем сильнее такое противопоставление, тем крепче узы, связывающие всех афроамериканцев в единую группу.

Разнообразие вариантов выражения идеи единства в публичных выступлениях и победных речах позволяет говорить о том, что интегративная функция является одной из самых важных в данных жанрах политического дискурса.

Следующей функцией инаугурационных речей, которую выделяет Е.И.Шейгал, является **инспиративная** функция, заключающаяся в воодушевлении нации или какой-либо группы общества на предстоящие великие дела. Она оказывается актуальной и для жанров публичной речи и победной речи будущего президента.

Так, для дискурса движения за гражданские права афроамериканцев в США характерно частотное обращение к идее обновления страны. Такая необходимость в кардинальных изменениях связана с неудовлетворенностью афроамериканцев отношением к ним на протяжении долгого времени: рабство, дискриминация, сегрегация во всех сферах жизни и т.п. К тому же невозможно больше оттягивать принятие важных решений:

- *Now is the time to make real the promises of democracy. Now is the time to rise from the dark and desolate valley of segregation to the sunlit path of racial justice. Now is the time to lift our nation from the quicksands of racial injustice to the solid rock of brotherhood. Now is the time to make justice a reality for all of God's children* [134].

- *Give it to us now. Don't wait for next year. Give it to us yesterday, and that's not fast enough* [152].

Также можно часто услышать призывы к активным действиям и выражение позиции, не подразумевающей компромиссов:

- *...if it's not a country of freedom, change it.*
- *And at that time, if we see fit then to form a black nationalist party, we'll form a black nationalist party. If it's necessary to form a black nationalist army, we'll form a black nationalist army. It'll be the ballot or the bullet. It'll be liberty or it'll be death* [152].

Инспиративная функция сильна и в жанре победной речи, поскольку перед новым президентом стоит непростая задача вселить в людей надежду на лучшее будущее – на жизнь с большим спектром возможностей для каждого. Народ выбрал конкретного кандидата в президенты, а это значит, что люди готовы довериться ему в решении вопроса о будущем страны, ее процветании и сохранении традиционных ценностей.

Опыт предшественников в сочетании с возможностями современного мира и политическим планом преобразования страны нового президента даст Америке возможность выйти на другой уровень развития. Как и в жанре публичной речи, эта идея выражается при помощи слов с семантикой изменения и новизны, позволяющих поверить в способности и силу людей.

- *There is new energy to harness and new jobs to be created; new schools to build*
- *a New Deal, new jobs and a new sense of common purpose*
- *at this defining moment, change has come to America.*
- *a new dawn of American leadership is at hand [161]*
- *continue to fight for new jobs and new opportunities and new security for the middle class.*
- *Our economy is recovering [162].*

Топос обновления неразрывно связан с идеей величия всего американского народа, ведь одним из приоритетов политики главы государства является сохранение лица страны на мировой арене, укрепление ее позиций и достижение еще большего ее величия по сравнению с другими странами. Для этого Барак Обама часто обращается к достоинствам нации, использует сравнительные и превосходные степени сравнения прилагательных.

- *I have never been more hopeful than I am tonight... [161]*
- *... the best vice president anybody could ever hope for...*
- *... the best schools and the best teachers...*
- *We have the most powerful military in history...*
- *... we live in the greatest nation on Earth [162].*

Данные примеры показывают, как в победных речах Обамы создается образ великой Америки, и, чем чаще это величие находит выражение в дискурсе, тем проще людям поверить в него и проникнуться оптимизмом по отношению к будущему страны.

Процветание Америки может быть достигнуто благодаря изменениям, проводимым на базе традиционных ценностей, о которых говорящий стремится еще раз напомнить. На становление и развитие американских ценностей оказали влияние Гражданская война (1861-1865 гг.), результатом которой стала отмена рабства, и движение за гражданские права. Данные ценности передавались из поколения в поколение, поэтому и сейчас можно говорить о ключевой роли таких понятий, как *liberty, freedom, dignity, peace, respect, safety* и др., в воспитании американского общества [66, с. 78-90]. Каждый из выбранных авторов упоминает в своем дискурсе те или иные ценности, которые считает наиболее важными для общества, к которому он принадлежит.

- *our thirst for freedom*
- *We must forever conduct our struggle on the high plane of dignity and discipline* [135].
- *It'll be liberty, or it will be death* [152].
- *a country that moves with confidence beyond this time of war to shape a peace that is built on the promise of freedom and dignity for every human being.*
- *We want to pass on a country that's safe and respected and admired around the world* [161].

Упоминание ценностей, одинаковых для разных людей и даже эпох, в победных речах позволяет Б.Обаме в очередной раз подчеркнуть единство общества и стремлений людей в разные исторические периоды.

Помимо вышперечисленных функций, свойственных как инаугурационным речам, так и публичным и победным речам, Е.И.Шейгал выделяет у первого жанра еще и **перформативную** функцию. Ее смысл

заключается в том, что говорящий выступает не как личность, а как носитель конкретного социального статуса.

Такое смещение фокуса не столь характерно для публичных, сколько для победных и инаугурационных речей, поскольку успех публичной речи зависит от степени близости говорящего к аудитории. Он является выразителем их мыслей. В случае же победной речи кандидат в президенты выступает уже в роли победителя выборов, а при произнесении инаугурационной речи – в качестве нового президента страны.

Победная речь маркирует особое событие – победу одного из кандидатов в президенты на выборах. Это некий промежуточный этап между еще пребыванием в статусе кандидата и уже вступлением в должность президента страны. Победная речь произносится сразу после обнародования официальных результатов выборов и представляет собой реакцию победителя на них. Этот факт объясняет ее основное содержание: она подводит итог предвыборной кампании кандидата, суммируя в себе ее основные положения, и в то же время в некоторой степени похожа на репетицию будущей инаугурационной речи, предвосхищая то, о чем в ней пойдет речь.

Е.И.Шейгал вслед за Р.Джослином характеризует инаугурационные речи как «безопасную» риторику (англ. *riskless rhetoric*), поскольку в них отсутствуют полемические высказывания, которые могут оспорить оппоненты [96, с. 205]. Данное определение применимо и к жанру победной речи, поскольку в ней нет ничего того, с чем можно было бы не согласиться. Все это свидетельствует об особом статусе данного жанра и преобладании перформативной функции над информативной.

Важная роль перформативной функции в данном жанре политического дискурса объясняется еще и отсутствием новой, требующей особой концентрации внимания информации, поэтому у говорящего есть возможность продемонстрировать свое ораторское мастерство¹.

---

¹ Подробный разбор риторических приемов, используемых авторами, будет приведен в третьей главе диссертации.

В своей монографии Е.И.Шейгал выделяет еще одну функцию инаугурационной речи – декларативную. Ее смысл заключается в том, что президент, выступая в роли мудреца, наполняет свою речь дидактикой. При помощи модальных глаголов и слов с семантикой долга он напоминает людям о высоких моральных принципах, которыми они должны руководствоваться при совершении тех или иных поступков [97, с. 337-339]. Анализ публичных и победных речей, значимых для данной работы, позволяет утверждать, что данная функция не представлена в них столь же ярко, сколь в инаугурационной речи, поскольку как жанры, так и сами ситуации не являются настолько же формальными.

Декларативная функция идет последней в списке функций инаугурационной речи в работе Е.И.Шейгал, однако им функциональные особенности жанров публичной и победной речей не исчерпываются. Оба рассматриваемых жанра предполагают относительно высокую степень экспрессивности сказанного, что определяется самим характером событий, поэтому обоснованным кажется выделение особой функции – экспрессивной.

Несмотря на то что, в соответствии с функциональной моделью Р.Якобсона, экспрессивность (эмотивность) является одной из функций языка в целом, в данном случае именно она часто выходит на первый план. Следовательно, представляется возможным поставить ее в один ряд с функциями рассматриваемых жанров как определяющую их специфику и отличающую их от других жанров политического дискурса.

В Словаре лингвистических терминов О.С.Ахманова определяет экспрессивность как «наличие экспрессии», то есть «выразительно-изобразительных качеств речи, отличающих ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающих ей образность и эмоциональную окрашенность» [179, с. 523-524].

В данном случае необходимо отметить, что в современной лингвистической литературе термины «экспрессивность» и «эмоциональность» трактуются

неоднозначно. Одни считают их синонимами (В.К.Харченко, Т.В.Матвеева), а другие – схожими, но все же автономными явлениями (В.И.Шаховский, М.Я.Блох, В.Г. Гак). По мнению последних, понятие «экспрессивность» часто «соотносится с интенсивностью, которая имеет целью усилить воздействие на слушающего, поразить или убедить его» [35, с. 353].

Второй точки зрения придерживается в своей теории и Е.М.Галкина-Федорук. Она считает экспрессивность более широким понятием, нежели эмоциональность, поскольку первое может существовать без второго, но не наоборот [36, с. 107-108].

Из данного обзора следует, что категории «экспрессивность» и «эмоциональность» настолько тесно связаны между собой, что часто сложно провести между ними четкую границу. В данной работе термин «экспрессивность» будет трактоваться в соответствии с определением О.С.Ахмановой.

Экспрессивность находит свое выражение на разных уровнях языка – фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом, - однако в данном случае функция будет проиллюстрирована примерами, наиболее типичными для исследуемых жанров афроамериканского политического дискурса.

В случае с выбранными для анализа публичными речами экспрессивность связана в первую очередь с историческими событиями и ролью авторов дискурса в них. И Мартин Лютер Кинг, и Малкольм Икс не были равнодушны к проблеме дискриминации афроамериканцев в США, поэтому оба внесли значительный вклад в организацию и распространение идей движения за гражданские права. Каждый из них выбрал свой путь решения назревших в американском обществе проблем и, соответственно, свой способ общения с аудиторией. Однако дискурсы обоих характеризуются высокой степенью экспрессивности.

Отличительной чертой дискурса Мартина Лютера Кинга является частотное использование метафор, которые приносят в его речь экспрессивность и эмоциональность. Так, например, негативное отношение к афроамериканцам,

несправедливость и дискриминация изображаются говорящим пугающими, зловещими и мрачными:

- *the long night of captivity*
- *quicksands of racial injustice*
- *storms of persecution*
- *winds of police brutality* [135]

Таким образом М.Л.Кинг указывает на разрушительный характер социальных и политических феноменов, упомянутых выше. Они, подобно плохим погодным условиям, заставляют людей страдать, разрушают ценность личности и уничтожают значимость социального статуса. К тому же говорящий упоминает, что сегрегация и дискриминация «лишают людей трудоспособности посредством кандалов <...> и цепей» («*cripple [people] by manacles...and chains*» [135]).

Наоборот, положительное отношение представлено М.Л.Кингом при помощи метафор, связанных с приятными и вызывающими радость явлениями природы:

- *a joyous daybreak*
- *sunlit path of racial justice*
- *invigorating autumn of freedom and equality*
- *oasis of freedom and justice* [135]

Осмысляя современное ему положение дел в стране, Мартин Лютер Кинг обращается именно к метафорам, поскольку, как писали Дж.Лакофф и М.Джонсон в своей известной книге «*Metaphors We Live By*», человеческое мышление по своей природе метафорично. Окружающий мир определяется посредством концептуальной системы, то есть концепты управляют тем, что человек воспринимает, какое место он занимает в мире и в каких отношениях состоит с ним [141, с. 8-9].

Из этого следует, что Мартин Лютер Кинг избирает для своего дискурса наиболее простой и понятный способ осмысления мира – тот, который уже заложен в сознании его аудитории. Он всего лишь расширяет привычный набор

метафор. Таким образом, благодаря метафоричности изложения автору удается соединить экспрессивность с доступностью.

Дискурс современника М.Л.Кинга, Малкольма Икса, развивается по-другому. Стилль речи этого автора можно охарактеризовать как разговорный; в своем дискурсе он умело создает иллюзию того, будто он обращается к каждому слушателю лично, словно учитель, раскрывающий истину своим ученикам. Отличительной особенностью дискурса этого борца за права афроамериканцев в США, отвечающей за передачу экспрессии автора, является обилие слов с отрицательной коннотацией.

Критика Малкольма Икса была обращена к нескольким группам людей. Вне всякого сомнения, сильнее всех он пытался оскорбить чувства белокожих американцев, поскольку именно они, по его мнению, были виновны в многовековом угнетении афроамериканцев. Нередко в своих речах он называет их дьяволами: «*We want complete separation from this race of devils*» [154], «*the whole world's white men had indeed acted like devils, pillaging and raping and bleeding and draining the whole world's non-white people*» [149].

Однако Малкольм Икс не боялся быть осужденным за такой подбор выражений: «*Any time you live under a flag that does not protect you, that flag isn't any more than an old dirty rag. Oh, yes, some of you people out there are scared and saying I am going to jail for talking like this. But the hell that the so-called Negroes have gone through for these many years in North America will make the inside of the jail house look like the best suite in the Waldorf -Astoria Hotel*» [147].

Не менее жесткая критика обрушивалась и на головы таких лидеров движения за гражданские права в США, как Мартин Лютер Кинг, которыми, как считал Малкольм Икс, американское правительство пользовалось в своих интересах. Примечателен тот факт, что в своих более ранних речах Малкольм Икс не называет конкретных имен, хотя в них его критика все же очевидна: «*We don't want any more leaders who are puppets or parrots for the white man*» [148]. Однако позднее он выбирает Мартина Лютера Кинга, ставшего символом

афроамериканского движения за гражданские права, объектом своей критики и открыто выражает свое возмущение относительно его методов: «*The white man is our first and main enemy. Our second enemy are the Uncle Toms, such as Martin Luther King and his turn the other cheek method*» [процитир.по 110, с. 99].

Несмотря на суровое отношение к двум упомянутым выше группам, Малкольм Икс был непреклонен и в своем отношении к афроамериканцам. В его дискурсе любовь и критика сливаются воедино: «*The American so-called Negroes must recognize each other as brothers and sisters...stop carrying guns and knives to harm each other, stop drinking whiskey, taking dope, reefers, and even cigarettes. No more gambling! Save your money. Stop fornication, adultery and prostitution. Elevate the black woman; respect her and protect her. Let us rid ourselves of immoral habits and God will be with us to protect and guide us*» [148]. Иными словами, достойная жизнь афроамериканцев зависит не только от государства, но и от них самих: им следует начать с самих себя и тогда уже ждать изменений в общественном отношении к ним.

Таким образом, Малкольм Икс смотрел на ситуацию с разных сторон и был критичен не только к белокожим американцам, но и к самому себе и всем афроамериканцам. Такая позиция нашла свое выражение в обилии слов с отрицательной коннотацией, способствующих выражению функции экспрессивности в дискурсе этого автора.

Функция экспрессивности представлена и в современном политическом дискурсе. Избранные образцы дискурса Барака Обамы (победные речи 2008 и 2012 годов) позволяют говорить о других, более положительных причинах активации данной функции.

Так, говорящий, несомненно, испытывает радость по поводу своего избрания будущим президентом и хочет поделиться ею с аудиторией. При этом важно помнить, что победная речь характеризуется многоплановостью адресата. Она ориентирована не только на политиков-оппонентов, которые потерпели поражение в выборах, не только на граждан-избирателей, но и на весь мир в целом, поскольку за результатами выборов следят в разных уголках земного шара.

Это объясняется тем, что итоги выборов могут предопределить взаимоотношения данной страны с ее соседями и странами-партнерами. Следовательно, необходимо, чтобы дискурс был понятен и доступен всем наблюдателям данного события.

Данная задача победной речи оказывает определяющее влияние на ее стиль. Среди основных стилевых характеристик можно выделить преобладание слов с положительными коннотациями, укрепляющими уверенность людей в светлом и радостном будущем (*power, democracy, brave, perfected union, new* [161], *the best, grateful, appreciation, determination* [162] и др.) контрастное описание ситуации в стране до и после выборов, а также многочисленные рефрены. Именно от сочетания выразительных стилистических средств зависит успех победной речи.

- *It's been a long time coming, but tonight, because of what we did on this day, in this election, at this defining moment, change has come to America* [161] (контраст между ситуациями постоянного ожидания изменений и наблюдением за ними).

- *Let us remember that if this financial crisis taught us anything, it's that we cannot have a thriving Wall Street while Main Street suffers – in this country, we rise or fall as one nation; as one people* [161] (контраст между двумя улицами, использованными метафорически для указания на различие между богатыми и бедными в стране, и нацеленность на сокращение материальной пропасти между ними).

Самым запоминающимся рефреном из победной речи Обамы 2008 года стала фраза «*Yes we can*», которая вселяет уверенность в людей, что, несмотря на все препятствия на их пути, они смогут достичь своих целей, если будут действовать сообща. Благодаря данному рефрену Обаме удается достичь высшей степени экспрессивности, и слушающие, связанные общей идеей, начинают повторять эту фразу, что объединяет их в единый хор голосов.

Росту экспрессивности способствует и использование юмора в речах. Несмотря на то что победная речь относится к официальным речевым жанрам, поскольку говорящий предстает перед аудиторией в первую очередь в качестве

будущего президента, а уже потом – в роли самого себя, в своем дискурсе Барак Обама осознанно периодически заменяет официальный тон неофициальным. Это заметно, например, в упоминании щенка, которого семья нового президента может взять с собой в Белый Дом:

- *Sasha and Malia, <...> you have earned the new puppy that's coming with us to the White House [161].*
- *But I will say that for now one dog's probably enough [162].*

Такое смешение тонов позволяет президенту оказаться ближе к его слушателям, разрушив статусный барьер между ними, благодаря чему президент перестает быть недостижимой фигурой и становится в один ряд с простыми американцами.

Проведенный обзор функций победной и публичной речей позволяет говорить о большом количестве точек соприкосновения данных жанров с функциональной точки зрения. Однако их нельзя назвать идентичными, так как некоторые функции более характерны для одного жанра и менее – для другого.

У победных речей есть особое назначение - показать закономерность текущей ситуации, вписав ее в исторический контекст и обозначив достижения последнего времени; подвести итог предвыборной кампании, суммировав ее постулаты; выразить благодарность всем, кто оказал поддержку кандидату в президенты; доказать, что люди сделали правильный выбор, поскольку он позволит им приблизиться к достижению совершенного общества. К тому же победные речи отличаются большой степенью экспрессивности, поскольку представляют собой незамедлительную реакцию участника на результаты выборов на должность президента страны.

Задачей же публичных речей периода движения за гражданские права в США являлось убеждение слушателей в необходимости принять некоторые меры во имя изменения сложившейся ситуации, не устраивавшей афроамериканцев. Как уже было упомянуто выше, каждый из авторов предпочел свой метод борьбы

с несправедливостью, что нашло отражение в выборе манеры речи и экспрессивных средств.

1.3. Интердискурсивность как феномен дискурса

В настоящий момент дискурс, а особенно его политическая разновидность, стал часто неразрывно связываться с понятием «власть»: дискурс используют в качестве оружия манипулирования массами, а также для выражения доминирования или дискриминации. Каждый образец дискурса оказывает воздействие разной интенсивности.

При рассмотрении степени такого влияния дискурса на адресата необходимо помнить, что язык не является влиятельным сам по себе, а приобретает значимость в момент использования, ведь именно тогда, благодаря включению в смыслообразующий процесс экстралингвистических факторов, становится понятным то, что хотел сказать автор.

Более того, актуализация языка в дискурсе позволяет активизировать дополнительный смысловой слой. Так, в образце дискурса могут соперничать и сотрудничать отголоски предыдущих дискурсивных практик, как принадлежащих конкретному автору, так и относящихся к схожей теме [172, с. 15]. Создается ощущение, что происходит постоянная отсылка к прошлому, к уже сказанному, и это позволяет автору еще больше расширить смысловые границы своего дискурса.

Помимо этого, значимость приобретают и социальные и исторические условия создания дискурса, поскольку положение говорящего в обществе и эпоха накладывают на него не меньший отпечаток: один и тот же дискурс будет по-своему интерпретирован в разные исторические эпохи, представителями разных этнических групп или даже социальных слоев общества. Данное разнообразие восприятия связано с различием в знаниях и опыте, которыми обладают адресаты дискурса и которые определяются эпохой и статусом в обществе.

Таким образом, необходимо обратиться к понятию «контекст», которое играет ключевую роль в анализе дискурса. Ни один образец дискурса не существует отдельно от других и вне контекста. Он соотносится с дискурсами, отражающими те же социальные события, ту же авторскую позицию и систему аргументации, а также тот же широкий социально-политический и исторический контекст, в котором они были созданы. Для обозначения такой взаимосвязи языковедами было предложено значительное количество терминов, выражающих схожую идею, например, «полифония», «полилогизм», «диалогичность», «транспозиция» и др., однако наиболее широкое употребление приобрел термин «интертекстуальность», который был введен теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой в 1967 году.

Интертекстуальность - это присутствие в одном тексте элементов других текстов. «Мы назовем интертекстуальностью эту текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность — это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [178, с. 102].

Характеристику этого понятия дал и Ролан Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах» [17, с. 417-418].

Из вышесказанного следует, что при анализе текста (а в дальнейшем – и дискурса) необходимо не столько рассматривать его как таковой, сколько обращать внимание на внутренние и внешние связи, находить отсылки к другим образцам текста/дискурса. Для каждого конкретного текста/дискурса существует свой набор связей, потенциально значимых для него и включенных в него [120]. В некоторых случаях можно определить их источник, но чаще всего сделать это очень трудно.

Совершенно очевидным примером интертекстуальности являются цитаты. Однако существуют и менее явные образцы этого явления. Так, интертекстуальность может быть проиллюстрирована и несобственно прямой речью, которая может как воспроизвести оригинальную фразу, так и пересказать

ее, передав основной смысл [120, с. 40]. Лич и Шорт [144] дополняют список способов интертекстуальности, называя в их ряду также свободную непрямую речь и нарративное изложение речевого акта.

Первый способ они определяют как нечто среднее между прямой и непрямой речью, поскольку он содержит в себе временные сдвиги, но не включает придаточную часть с сообщением («*Mary gazed out of the window. **He would be there by now.** She smiled to herself*»). Что касается второго способа, то он передает тип речевого акта, но не отражает его содержание («*She made a prediction*») [цит. по 120, с. 50].

Термин «интертекстуальность» сегодня является одним из ключевых в языкознании. Им оперируют как лингвисты, так и литературоведы. Однако представители этих двух направлений филологии часто вкладывают в термин «интертекстуальность» немного разное значение. Так, литературоведы используют более широкое толкование термина. Для них интертекстуальность присуща всем текстам, поскольку является их универсальным свойством. Подтверждением тому служат слова Ю.М.Лотмана о тексте: «... текст вообще не существует сам по себе, он неизбежно включается в какой-то (исторически реальный или условный) контекст» [69, с. 204]. Таким образом, исследователи имеют дело будто бы с безграничным текстом, который уходит своими корнями глубоко в прошлое. Поэтому одной из задач, стоящих перед литературоведом, является разбор этого широкого контекста, который может раскрыть грандиозный простор для понимания и интерпретации произведения [39, с. 21-22].

В противоположность данному мнению, лингвисты заявляют, что только определенные тексты можно рассматривать с точки зрения интертекстуальности, анализируя отношения между текстами, представленные в форме цитат, несобственно прямой речи, аллюзий и т.п. [93, с. 177].

Интересным в данной связи оказывается понятие «вертикальный контекст», введенное в лингвистическую практику О.С.Ахмановой и И.В.Гюббенет и определяемое как «информация историко-филологического характера, объективно заложенная в конкретном литературном произведении» [12, с. 49].

Несмотря на значительную область пересечения выводов, сделанных отечественными филологами в области вертикального контекста, с результатами зарубежных исследований, необходимо все же разграничивать это понятие и понятие «интертекстуальность». Вертикальный контекст оказывается шире того, что в лингвистике понимают под интертекстуальностью: помимо цитат, аллюзий и идиом, он включает в себя еще и социально-исторический контекст, а именно имена собственные, реалии и топонимы [47].

Наряду с вышеупомянутыми работами необходимо обратиться и к трудам российского теоретика М.М.Бахтина, в частности - тем, в которых он предлагает идею о «диалогичности» языка [18]. Несмотря на то что теория Бахтина развивалась по большей части в русле литературно-критического направления, ее значимость для понимания роли интертекстуальности и, следовательно, интердискурсивности нельзя недооценивать. Так, Бахтин отмечает, что тексты апеллируют к другим текстам, отражая в себе их «голоса». Причем это отражение может быть как позитивным, так и негативным.

Бахтин утверждает в своих работах, что язык является диалогичным, то есть в тексте всегда можно найти отклик на предшествующие ему тексты. По мнению Бахтина, диалогические отношения возможны не только между целыми высказываниями, но также и между отдельными словами, «если они воспринимаются не как безличные слова языка, а как знаки чужой смысловой позиции, как представители чужого высказывания, то есть если мы слышим в них чужой голос» [18, с. 108]. Поэтому, ссылаясь на теорию Бахтина, можно говорить о диалогичном характере дискурса: он ощущает на себе влияние других дискурсов.

Особенно это касается политического дискурса, в котором часто наблюдается переплетение нескольких перспектив в одном высказывании, поскольку говорящие внедряют дискурсы других людей в свой дискурс. В нем, как и в медиа-дискурсе, наблюдается частое использование «чужой речи», которую В.Н. Волошинов охарактеризовал как «речь в речи, высказывание в

высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» [33, с. 114].

То, что говорится в дискурсе, говорится на фоне того, что остается не озвученным, но воспринимается как данное. Знание, полученное человеком благодаря опыту, предшествующему прослушиванию каких-либо образцов дискурса, сложившимся интерпретациям и закрепленным в обществе смыслом, становится когнитивным фактором, который оказывает непосредственное влияние на порождение и/или восприятие других дискурсов [93, с. 211]. Именно в этом и заключается идея некой системы знаний, которой обладают все участники коммуникации.

Сам коммуникативный акт уже предполагает то, что его участники обладают общей информацией, которую они почерпнули из других источников. Е.С.Кубрякова называет эту систему «общим знанием» (англ. *common knowledge*), основанном на общности культурного фона, образования и т.п. собеседников [175, с. 174-175]. «Общее знание», наряду с «совместным знанием», является одним из двух типов знаний, выделяемых как в отечественной, так и в зарубежной традициях.

Более того, достижения когнитивной синтактики позволяют говорить о важности фоновых знаний не только для понимания речи, но и для ее слогового деления с целью придания речи большей выразительности и убедительности, поскольку именно слог является «основной произносительной и воспринимаемой в процессе речевого общения перцептивной единицей» [42, с. 6]. Это приобретает особую важность в политической коммуникации [42, с. 2-3, 19].

Готовясь к выступлению на публике, говорящий может предполагать с некоторой уверенностью, что его аудитория будет обладать похожим набором знаний. Мастерство автора, поэтому, заключается в том, чтобы использовать другие дискурсы настолько успешно и профессионально, чтобы читающий/слушающий смог распознать их в его дискурсе.

«Осознание связи данной цитаты или аллюзии с каким-то содержанием, которое встречалось в других текстах, а на самом деле, соотносится с

состояниями сознания другого или других коммуникантов, творивших свои дискурсы, следует называть интердискурсивностью» [93, с. 212]. Так в филологический обиход было введено понятие «интердискурсивность».

Феномены интертекстуальности и интердискурсивности очень схожи между собой, поскольку идея второго развилась именно из теории интертекста. Однако по своей природе новое явление представляется более объемным: оно подразумевает сочетание разных пластов знаний, соответствующее задачам коммуникации, и апеллирует к человеческому знанию. Данное знание включает в себе информацию о ранее прочитанных или прослушанных текстах, сложившееся мнение по тому или иному вопросу, прецедентные ситуации, что оказывает непосредственное влияние на восприятие новых дискурсов. Это различие можно выразить кратко следующим образом: если интертекстуальность – это переключение систем, находящихся в одной плоскости, то интердискурсивность предполагает когнитивное смешение разноплановых систем кодов и знания.

Интердискурсивность - это «не диалог «своего» и «чужого» текстов в форме цитат, аллюзий, реминисценций, но взаимодействие, взаимоналожение различных ментальных, т.е. над- и предтекстовых, структур, операций, кодовых систем, фреймов в процессе текстопроизводства. В его готовом результате - на текстовой плоскости - создается такая особая взаимосвязь языковых единиц, которая и инициирует в воспринимающем сознании (т.е. в голове читателя) переход от одного типа дискурса и, значит, типа мышления, к другому с целью создания сильного воздействующего эффекта» [93, с. 228].

Как только начинается восприятие дискурса, на поверхность выводится вся информация, заимствованная из других источников, но являющаяся опорой для данного дискурса. Благодаря таким когнитивным процессам происходит построение информационных цепочек, связывающих колоссальный объем разнообразных дискурсов воедино, тем самым расширяется информационная нагруженность дискурса, в котором эти цепочки берут начало. Таким образом, с

точки зрения интердискурсивности дискурс – это «интеграция многих дискурсов, соотнесенных содержательно и функционально в единое целое» [39, с. 20].

В качестве анализируемого материала, на примере которого можно проиллюстрировать идею интердискурсивности, выбрана победная речь Барака Обамы, произнесенная 4 ноября 2008 года в Чикаго. Она является одним из ключевых образцов риторики Б.Обамы, позволяющей поставить его в один ряд с такими выдающимися американскими ораторами, как Мартин Лютер Кинг, Малкольм Икс, Джон Фицджеральд Кеннеди, Франклин Делано Рузвельт и др.

Победную речь Б.Обамы характеризует особое «многоголосие»: в ней отчетливо слышны голоса предшественников нового президента как среди тех, кто возглавлял США до него, так и среди тех, кто посвятил свою жизнь борьбе за права всех представителей американского народа и заложил основу равноправия в Америке. Эта особенность отражает стремление Б.Обамы найти поддержку не только среди своих современников, но и у своих предшественников.

Особенно часто Барак Обама как имплицитно, так и эксплицитно обращается в своей речи к Мартину Лютеру Кингу, выдающемуся лидеру движения за гражданские права в США, поставившему перед собой задачу достичь целей мирным путем. Это становится очевидно уже в самом начале речи:

○ *If there is anyone out there who still doubts that America is a place where all things are possible; who still wonders if the dream of our founders is alive in our time; who still questions the power of our democracy, tonight is your answer² [161].*

---

² Слушатели Б.Обамы, знакомые с творчеством У.Шекспира или экранизациями его произведений, с некоторой долей вероятности могли распознать в этом высказывании еще один пример интердискурсивности. Дело в том, что высказывание может восходить к известному монологу Брута на смерть Цезаря из хроники У.Шекспира:

If there be any in this assembly, any dear friend of Caesar's, to him I say, that Brutus' love to Caesar was no less than his. If then that friend demand why Brutus rose against Caesar, this is my answer... [163].

За счет своего слогового своеобразия и особого ритма этот монолог может узнаваться в выступлении Б.Обамы. В результате, может произойти отождествление говорящего с Брутом, обладавшим в представленной версии событий тех лет безупречной репутацией и пользовавшимся у римлян заслуженным уважением. Иными словами, политическая риторика Б.Обамы выстраивается в соответствии с принципами классической торжественной поэзии, которая справедливо признается вершиной риторического мастерства.

Упомянув мечту основателей США, Обама апеллирует к Американской мечте, ставшей уже чем-то большим для американцев, чем просто понятие. Он подчеркивает тот факт, что мечта все еще жива, несмотря на то, что прошло немало времени с момента ее появления и провозглашения Мартином Лютером Кингом в речи «I have a dream».

Хотя имя Мартина Лютера Кинга не упоминается в речи, Барак Обама ссылается на него как на «проповедника из Атланты, который сказал людям «We Shall Overcome»» (*«a preacher from Atlanta who told a people that ‘We Shall Overcome’»*)[161]. Слова «We Shall Overcome» были хорошо известны людям, поскольку так называлась песня, популярная в период движения за гражданские права в США. Они, в свою очередь, были заимствованы из афроамериканской евангельской музыки, что привносит в речь еще и библейские мотивы. Мартин Лютер Кинг мастерски включил название песни в свою речь в Мемфисе 31 марта 1968 года, сделав эти слова еще более известными. Таким образом, эта цитата обращена как к Мартину Лютеру Кингу, усиливая его глубокую веру в мирное будущее афроамериканцев, так и к песне, которая объединила людей и символизировала надежду в их сердцах.

Более того, речь полна невыраженных обращений к Мартину Лютеру Кингу. Так, одно из звучаний его «голоса» можно найти в части, посвященной признанию непростого характера будущего, ожидающего всех жителей США:

○ *The road ahead will be long. Our climb will be steep. We may not get there in one year or even one term, but America <...> I promise you - we as a people will get there* [161].

Слово «promise» может активировать значительное количество семантических связей с библейской историей Исхода, которая нашла отражение в последней речи М.Л.Кинга «I’ve Been to the Mountaintop», произнесенной им в Мемфисе за день до его смерти. В ней М.Л.Кинг призывает к единению, экономическим действиям, бойкотам и мирным протестам. Заканчивая свою речь, он дает обещание: *«I’ve been up to the mountaintop, I’ve looked over and I’ve seen the promised land. I may not get there with you but I want you to know tonight that we*

as a people will get to the promised land» [136]. Это обещание отражает идею обновления страны, основанного на принципах морали и равенства.

К тому же победная речь Барака Обамы содержит в себе ссылку на самую известную речь Мартина Лютера Кинга «I have a dream». Образ «beacon burning» («*And to all those who have wondered if America's beacon still burns as bright...*» [161]) подражает одной из первых строк речи М.Л.Кинга: «*This momentous decree came as a great beacon light of hope to millions of Negro slaves who had been seared in the flames of withering injustice»* [135]. Таким образом Б.Обама представляет идею надежды в форме метафоры, используя образ маяка. Это сделано для того, чтобы надежда вела людей по миру страданий и жестокости, как маяк направляет моряков в темноте и дает им надежду на безопасность и успех.

Помимо вышеупомянутых аллюзий на лидера движения за гражданские права в США в победном обращении Барака Обамы звучат отголоски дискурсивных практик и Авраама Линкольна. Обращение к его речам является для нового президента чрезвычайно важным, поскольку именно А.Линкольн положил конец рабству в США и призвал людей внять строкам из Декларации независимости о том, что все люди созданы равными («*We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness»* [169]). Эти слова представляют особую ценность для Б. Обамы, потому что, как он пишет в своей книге «The Audacity of Hope», они, выражая основную идею Декларации независимости в краткой форме, являются отправной точкой американцев, их «starting point»: «Эти простые слова являются для нас, американцев, отправной точкой; они описывают не только суть нашей системы власти, но и смысл нашего общего мировоззрения» [77, с. 63] («*Those simple words are our starting point as Americans; they describe not only the foundation of our government but the substance of our common creed»* [160, с. 33]).

В дискурсе Барака Обамы можно найти две аллюзии на дискурс Авраама Линкольна. Сначала он цитирует его слова из Геттисбергской речи: “...*a government of the people, by the people and for the people has not perished from this*

Earth [161].”³ Обращение было сделано в 1863 году во время Гражданской войны в Америке. Его задачей было напомнить людям о равенстве. Единственное, что меняет Б.Обама, это структуру предиката. В оригинальной фразе А.Линкольн употребляет глагол *shall* в его модальной функции, чтобы обозначить утверждение, содержащее в себе гарантию того, что его последователям удастся сохранить государство, основанное на принципах демократии и равноправия [44, с. 117]. Замена Баракком Обамой такой структуры предиката на глагол в форме Present Perfect означает, что эти принципы остались теми же, несмотря на значительный промежуток времени, разделяющий эти две речи.

Затем Б.Обама упоминает имя А.Линкольна и вновь цитирует его, однако теперь - слова из его инаугурационной речи: “*We are not enemies, but friends...though passion may have strained it must not break our bonds of affection*” [161]. Эта цитата значительно усиливает идею единения: несмотря на то, что в выборах победил демократ, представители Республиканской партии не считаются врагами.

Действительно, именно единение всего народа является неотъемлемой составляющей представления Обамы о будущем, которое ждет его страну. Иными словами, оно едва ли возможно, если люди продолжают указывать на различия между собой. Обама продолжает убеждать их в этом, начиная еще с его обращения на Демократической Национальной Конвенции 2004 года, сделавшей его известным (цитата приведена на странице 45). Велика вероятность, что именно эти строки пришли на ум слушателям Обамы, когда он произнес следующие слова:

○ *It's the answer spoken by young and old, rich and poor, Democrat and Republican, black, white, Hispanic, Asian, Native American, gay, straight, disabled and not disabled - Americans who sent a message to the world that we have never been just a collection of individuals or a collection of Red States and Blue States: we are, and always will be, the United States of America* [161].

---

³ Изначально фраза звучала следующим образом: “...and that government of the people, by the people, for the people shall not perish from the earth” [145].

В данном случае можно говорить об интердискурсивности благодаря синтаксической структуре предложения: соединению ряда антонимов (или контекстуальных антонимов), указывающих на разноплановость структуры американского общества, при помощи союза “and”. В дискурсе Барака Обамы за такой структурой уже закрепились идея призыва к единству.

В разборе интердискурсивности победной речи Барака Обамы необходимо также упомянуть фразу «Yes we can», повторяющуюся рефреном в последней части данного образца дискурса. С риторической точки зрения «Yes we can» демонстрирует особую выразительную силу, поскольку обладает как минимум тремя достоинствами: позитивный взгляд на положение дел («Yes» и «can»), включение говорящего и аудитории в единое целое («we») и трехчастная структура высказывания («Yes we can»). Благодаря такой высокой концентрации удачно подобранных риторических средств, фраза может использоваться при ответе на любой вопрос о возможности преодоления трудностей, выпадающих на долю людей.

«Yes we can» не только повышает уверенность всех слушающих в их безграничных возможностях, но и отсылает их к известной в Америке песне с одноименным названием, вышедшей в 1973 году и исполненной группой The Pointer Sisters. Стоит отметить, что слова песни также призывают людей поверить в светлое будущее, объединить свои усилия ради него, стереть все преграды, разделяющие общество на группы, сеять вокруг себя доброту и помогать друг другу.

Как показал анализ данной фразы в одной из статей газеты *Washington Monthly* за 2009 год, она может иметь еще более глубокие корни, а именно обнаружить связь с испанской фразой *Si se puede* (англ. «Yes, it can be done»), которая в американских кругах прочно ассоциируется с Сесаром Эстрадой Чавесом, известным американским правозащитником и публицистом, боровшимся за права мигрантов. Во время одного из протестов он отказался поверить в безнадежность попыток своего профсоюза добиться справедливости и

настойчиво повторял фразу *Si se puede*, ставшую впоследствии известным слоганом его профсоюза [123].

Интересен в этой связи еще и тот факт, что данный слоган использовался на плакатах и брошюрах Демократической партии США, призывающих голосовать за Барака Обаму на выборах 2008 года. Таким образом, фраза «*Yes we can*», состоящая всего из трех слов, активировала смысловый пласт невероятного объема и определяет понимание аудиторией того исторического момента, свидетелями которого она является.

Аллюзии же на музыкальные произведения могут быть обнаружены не только в связи со словами «*Yes We Can*», но также с фразами «*all things are possible*» и «*It's been a long time coming but tonight ... change has come to America*». Первая отсылает слушателей к известной песне Элвиса Пресли «*Only Believe*», выпущенной в 1971 году, в которой он поет о том, что возможно все, если человек действительно верит в это. Стоит отметить, что данная идея имеет свои корни в Библии, а именно – в Евангелии от Марка. В Библии короля Иакова можно найти следующее: «*Jesus said unto him, If thou canst believe, all things are possible to him that believeth*» (Mark 9:23) [131]. Очевидно, что данная связь усиливает призыв Обамы верить в счастливое будущее американского народа, и тогда оно станет реальностью.

Вторая фраза вторит припеву из популярной в XX веке песни Сэма Кука «*A Change Is Gonna Come*», написанной в 1963 году, в год произнесения самой знаменитой речи Мартина Лютера Кинга «*I have a dream*»:

*It's been a long long time coming, but I know
A change is gonna come, oh yes it will* [113].

Таким образом, в зависимости от опыта и знаний каждый американец сумел восстановить цепочку связей разной глубины, однако все, несомненно, уловили эмоциональную насыщенность фразы Б.Обамы.

Еще два примера интердискурсивности победной речи Барака Обамы заслуживают внимания. Это относится в первую очередь к идее о том, что союз всех американцев «может быть усовершенствован» («*our union can be perfected*»).

Данное высказывание является адаптацией начальных слов из преамбулы к Конституции США:

«We the people of the United States, in order to form a more perfect union, establish justice, insure domestic tranquility, provide for the common defense, promote the general welfare, and secure the blessings of liberty to ourselves and our posterity, do ordain and establish this Constitution for the United States of America» [111].

Обама несколько раз ссылался на эту фразу в течение своей предвыборной кампании, что позволило ему имплицитно напомнить людям об обещании, которому должен быть верен президент, вступая в новую должность. И именно грандиозность планов Обамы побудила американцев голосовать за него на выборах в 2008 году.

В заключении своей речи Барак Обама напоминает аудитории об Американской мечте и латинском девизе, запечатленном на гербе США 1776 года:

○ *This is our time, to put our people back to work and open doors of opportunity for our kids; to restore prosperity and promote the cause of peace; to reclaim the American dream and reaffirm that fundamental truth, that out of many, we are one; that while we breathe, we hope.*

«Out of many, one» - это дословный перевод латинского девиза «E pluribus unum», который в сочетании с Американской мечтой позволяет в очередной раз усилить идею единства нации благодаря обращению к общим историческим корням.

В совокупности все вышеперечисленные примеры интердискурсивности в победной речи Барака Обамы, опирающиеся на «общее знание» как автора дискурса, так и его аудитории, позволяют первому достичь особенной глубины в выражении смысла и эмоций.

Формат диссертационной работы не позволяет произвести столь же полный анализ интердискурсивности в речах Мартина Лютера Кинга и Малкольма Икса, выбранных в качестве иллюстративного материала для данной работы, однако следует указать на основные черты интердискурсивности в них.

Речь Мартина Лютера Кинга «I have a dream» содержит в себе значительное количество готовых выражений из его же проповедей или из проповедей других людей, которые он вырабатывал, накапливал и использовал на протяжении всей жизни. Примером этого может быть фраза «Let freedom ring», которая обязана своим появлением Самуэлю Фрэнсису Смиту. Еще в 1831 году он написал слова песни «My Country 'Tis of Thee», более известной как «America», и положил их на мелодию национального гимна Великобритании «God Save the Queen». Песня до сих пор пользуется популярностью в Америке. Она была исполнена на обеих церемониях инаугурации президента Барака Обамы.

*My country, 'tis of thee,
Sweet land of liberty,
Of thee I sing;
Land where my fathers died,
Land of the pilgrims' pride,
From ev'ry mountainside
Let freedom ring! [157]*

Не вызывает никаких сомнений обоснованность предположения, что во время движения за гражданские права в США эти слова имели особое значение для афроамериканцев. И М.Л.Кинг нашел им прекрасное применение в своей речи.

Интересно заметить в данной связи, что пассаж «Let freedom ring» отсутствовал в подготовленном заранее письменном варианте речи, а появился лишь в ходе самого выступления [127, с. 71-85].

Впоследствии он не раз использовался М.Л.Кингом в других речах. И с каждым новым употреблением в современности фраза «Let freedom ring» отсылает адресатов к теме свободы и времени, когда люди боролись за физическую, а потом и моральную свободу, и поднимает огромный пласт скрытых смыслов и ассоциаций.

Помимо описанной выше, обращение Мартина Лютера Кинга имеет еще одну яркую особенность, которая может быть рассмотрена с позиций

интердискурсивности. Одним из главных источников языка лидера движения за гражданские права является Библия короля Иакова. Будучи ребенком, М.Л.Кинг часто посещал церковь, слушал проповеди отца и благодаря феноменальной памяти мог процитировать целые куски текста из Библии. Это детское увлечение нашло отражение в проповедях и публичных речах уже взрослого М.Л.Кинга.

Речь «I have a dream» буквально пропитана духом Библии: большинство метафор, использованных автором, уходят своими корнями именно в этот источник. Известный в Америке и за ее пределами юрист по образованию и политик Д.Д.Хэнсен в своей книге о выступлении М.Л.Кинга у Мемориала Линкольна в 1963 году приводит целую таблицу, в которой соотносит фразы из речи с оригинальным текстом из Библии короля Иакова. Здесь будет приведено лишь несколько примеров [127, с. 101-102].

Метафора М.Л.Кинга	Библейский источник [131]
“cup of bitterness and hatred”	ISAIAH 51:17: “You which hast drunk at the hand of the Lord, The cup of his fury; thou hast drunken the dregs of the cup of trembling, and wrung them out.”
“we will not be satisfied until justice rolls down like waters and righteousness like a mighty stream.”	AMOS 5:24: “But let judgment run down as waters, and righteousness as a mighty stream.”
“I have a dream that every valley shall be exalted”	ISAIAH 40:4: "Every valley shall be exalted, and every mountain and hill shall be made low”

Использование библейских аллюзий примечательно, поскольку благодаря им говорящему удастся апеллировать к сознанию слушающих, к их духовному опыту и тому, чему учит религия. В данном случае за счет интердискурсивности речь М.Л.Кинга приобретает религиозную базу, еще один смысловой план, который оказывается доступным только тем, кто знаком с текстом Библии в переводе короля Иакова.

Примеры интердискурсивности исследователь может найти и в речи «The ballot or the bullet» Малкольма Икса. Она как будто раскладывается на два смысловых плана: Америка глазами говорящего, то есть националистов, и Америка в видении главных их «оппонентов» - интеграционистов.

С начала и до самого конца речи Малкольм Икс делает нападки в сторону представителей интеграционизма:

- *And these handkerchief-heads who have been dillydallying and pussy footing and compromising - we don't intend to let them pussyfoot and dillydally and compromise any longer [152].*

Для усиления выражения своей позиции он апеллирует к религии. Будучи мусульманином, он не приветствует христианскую доктрину: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую» (Евангелие от Луки 6:29). Ее смысл заключается в том, что за обиду не нужно мстить. Именно это и проповедовал Мартин Лютер Кинг. Однако Малкольм Икс категорически не согласен с целесообразностью такой позиции:

- *...and now we have the type of black man on the scene in America today <...> who just doesn't intend to turn the other cheek any longer [152].*

- *There is no such thing as a non-violent revolution.*

- *Revolution knows no compromise.*

- *You don't do any singing (об использовании М.Л.Кингом цитаты из песни We Shall Overcome) [146].*

В целом ряде своих речей Малкольм Икс подчеркивал свою неготовность принять методы М.Л.Кинга. Так, например, в «A Message to the Grassroots» он сравнил идею интеграции с добавлением сливок в черный кофе:

- *It's just like when you've got some coffee that's too black, which means it's too strong. What you do? You integrate it with cream; you make it weak. If you pour too much cream in, you won't even know you ever had coffee. It used to be hot, it becomes cool. It used to be strong, it becomes weak. It used to wake you up, now it'll put you to sleep. This is what they did with the march on Washington. They joined it. They didn't*

integrate it; they infiltrated it. They joined it, became a part of it, took it over. And as they took it over, it lost its militancy. They ceased to be angry. They ceased to be hot. They ceased to be uncompromising [146].

В данном случае речь идет о том, что светлокожие американцы приняли участие в Марше на Вашингтон, что и отметил в своей речи М.Л.Кинг («...*many of our white brothers, as evidenced by their presence here today, have come to realize that their destiny is tied up with our destiny. And they have come to realize that their freedom is inextricably bound to our freedom*») [135]. С точки зрения Малкольма Икса их присутствие только ухудшило ситуацию, испортило саму суть марша, как сливки ослабляют вкус черного кофе.

Несовместимость точек зрения двух выдающихся борцов за права афроамериканцев проявляется и в следующем примере интердискурсивности. В речи «*The ballot or the bullet*» Малкольм Икс обращается к метафоре «стола братства», использованной М.Л.Кингом в своем выступлении у основания мемориала Линкольна. Если второй мечтает об объединении светлокожих и темнокожих американцев (*...the sons of former slaves and the sons of former slave owners will be able to sit down together at the table of brotherhood* [135]), то первый смотрит на эту ситуацию более реалистично и считает, что присутствие за столом представителей обеих групп еще не означает равенство и братство (*I'm not going to sit at your table and watch you eat, with nothing on my plate, and call myself a diner. Sitting at the table doesn't make you a diner, unless you eat some of what's on that plate. Being here in America doesn't make you an American* [152]).

Далее Малкольм Икс имплицитно ссылается на письмо М.Л.Кинга из Бирмингемской тюрьмы (*Letter from Birmingham Jail*), в котором тот говорит о сознательности белых американцев и в очередной раз выражает уверенность в светлом будущем всей страны.

○ *Don't change the white man's mind -- you can't change his mind, and that whole thing about appealing to the moral conscience of America -- America's conscience is bankrupt. She lost all conscience a long time ago. Uncle Sam has no conscience* [152].

Апогея противопоставление идей националистов и интеграционистов достигает в ставшей известной фразе Малкольма Икса: «*I don't see any American dream; I see an American nightmare*» [152]. В ней выражается весь смысл его дискурса: нужно быть реалистами, а не идеалистами, и трезво смотреть на вещи.

Итак, интердискурсивность является неотъемлемой составляющей каждого образца дискурса. Ее умелое использование помогает автору выйти на новый смысловой уровень, имплицитно выразить свою позицию, а также апеллировать к сознанию слушателей. Проанализированные примеры являются наглядным иллюстративным материалом для этого явления в дискурсе.

1.4. Прагматические характеристики политического дискурса

«Область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [11], называют прагматикой. Будучи тесно связанной с семантикой, которая нацелена на изучение содержания, передаваемого единицами языка, прагматика занимается значением высказываний в определенном контексте, тем, что подразумевается, но не озвучивается. Дело в том, что понимание значения слова или высказывания самих по себе, вне контекста, разительно отличается от интерпретации подразумеваемого и выражаемого смысла этого же слова или высказывания в определенном контексте.

Более того, истинный смысл высказывания часто оказывается гораздо более глубоким и обширным, чем значение того, что было озвучено. Следовательно, для извлечения этого смысла необходимо применить методы прагматического анализа, которые позволят интерпретировать сказанное с точки зрения скрытых смыслов.

С установлением новой, дискурсивно-когнитивной парадигмы на первый план в исследованиях лингвистов вышло взаимодействие языка и мышления, а также его результаты, рассматриваемые с позиций прагматики. Ученых стали

интересовать вопросы речевых актов, имплицатуры и пресуппозиции. Помимо этого, прагматика учитывает и достижения смежных наук, как, например, стилистики, психолингвистики, дискурс-анализа и других. Результаты исследований в этих областях науки учитываются при разработке прагматических теорий. Они, в свою очередь, занимаются изучением ситуаций речевого общения, а именно «особого вида деятельности, направленного на осуществление человеком определенных целей в сфере познания окружающего мира и его описания, на формирование мнений, на регулирование социального и индивидуального поведения людей» [38, с. 8].

Поскольку прагматика имеет дело со значением языковых единиц, разумным представляется начать с классификаций типов значения. Как известно, отечественная традиция опирается на классификацию академика В.В.Виноградова, выделившего несколько типов значения [28]:

- Номинативное, ничем не ограниченное значение, «опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений»;
- Номинативно-производное значение, образованное от номинативного и отражающего разные предметы действительности;
- Фразеологически связанное значение, проявляющееся только в конкретных коллокациях;
- Синтаксически обусловленное значение, реализующееся в ограниченном круге коллигаций слова.

Зачастую бывает непросто провести четкую границу между различными типами значения одного слова. Не способствует этому и постоянное приращение новых смыслов, что обусловлено запросами меняющегося мира. Следовательно, еще более сложная задача стоит перед тем исследователем, который хочет проследить семантику слова в диахронии. Однако такое изучение необходимо для того, чтобы правильно определить разного рода связи между словами (например, синонимическую связь).

В западном мире часто применяется другая классификация, предложенная Дженни Томас [171]. Она выделяет следующие типы значений:

- Абстрактное значение, а именно значение слов и предложений в изоляции (например, большое количество значений слова «way» в английском языке);
- Контекстуальное значение (например, в ситуации, когда человек встречает подругу, промокшую под дождем и говорит ей: «Oh, you look so beautiful today», - что на самом деле означает издевку и нечто совершенно обратное сказанному);
- Сила высказывания, которая проявляется в ситуациях, когда высказывание скрывает за собой нечто большее, чем просто сумму значений слов (например, если один спрашивает другого: «Do you feel cold?», - это может означать предложение выпить кофе, чтобы согреться, и т.п.).

В своем исследовании Дж.Томас концентрируется в первую очередь на контекстуальном значении высказывания и его силе, являющимися явлениями, на которых основывается прагматика.

Понятие «сила» (force) было введено Дж.Л.Остином в его работе «How to do things with words», посвященной теории речевых актов. В ней он разбирает речевой акт в понятиях локуции (конкретных слов, использованных в высказывании), иллокуции (намерения автора или силы высказывания, скрывающимися за этими словами) и перлокуции (эффекта, производимого словами на адресата).

Смысл локутивных актов заключается в выборе той или иной словесной оболочки для выражения мысли. Действительно, в зависимости от намерения автор оформляет свои слова по-разному.

Иллокутивные акты - это такие акты, которые существуют в нарывной связи с локутивными актами, если это позволяют условия коммуникации. Эта связь может быть проиллюстрирована выражением с глаголом «обещать»: «Я обещаю купить тебе эту машинку». Само произнесение этих слов и является действием.

С иллокутивными актами тесно связано понятие «перформативный глагол», или «перформатив». Дело в том, что в своих работах Дж.Л.Остин делит все

глаголы на констативы и перформативы. Первые используются для описания ситуации и могут быть осмыслены с точки зрения классических принципов истинности/ложности. Вторые же не поддаются такому осмыслению, а оцениваются с точки зрения их уместности/неуместности. Используя перформатив в речи, автор тем самым уже совершает действие, о котором он говорит, например, «Я обещаю...». Таким образом, перформативы можно считать эксплицитным выражением иллокуции высказывания.

Также Дж.Л.Остин отмечает, что, говоря что-то, человек не только выражает свои мысли, но и производит изменение социальной реальности, пусть и незначительное. Речевые акты, результатом которых является как раз такое изменение, называют перформативными речевыми актами, примером которых может быть фраза «Объявляю вас мужем и женой» или «Я обещаю...».

Перлокутивные акты являются по своей природе внешними для локутивных актов. Например, для того, чтобы приободрить адресата, говорящий может использовать различные выражения. Однако акт коммуникации станет перлокутивным только в том случае, если слова произведут на адресата должный эффект [102].

Несмотря на то что Дж.Л.Остин работал в основном с искусственно созданным материалом, он пришел к выводу о том, что функция высказывания в значительной степени продиктована социальными обстоятельствами, в которых оно озвучивается. Следовательно, для полного выполнения высказыванием своей функции оно должно быть помещено в идеальные для этого обстоятельства.

Разработка данной теории была продолжена Джоном Серлем. Он не принял классификацию перформативных глаголов Дж.Остина, поскольку не увидел четкости в критериях выделения их классов. Поэтому им было предложено классифицировать перформативные глаголы, задействованные в выражении иллокутивного акта, на основе целого ряда параметров, что позволяет получить представление о количестве функций, выполняемых этими глаголами.

- Ассертивы, или утверждения («assertives»): констатируют позицию говорящего, например, state, complain, report, claim;

- Директивы, или просьбы и приказы («directives»): связывают действия говорящего со слушающим, например, order, command, request, beg, advise, ask, recommend;
- Коммиссивы, или указания («commissives»): обязывают говорящего предпринять дальнейшие действия, например, promise, vow, offer, contract, threaten;
- Экспрессивы («expressives»): освещают психологическое отношение говорящего к положению дел, например, thank, congratulate, praise, blame, forgive;
- Декларативы, или объявления («declaratives»): приносят изменения в реальность, например, resign, dismiss, divorce, name, open (конференцию), sentence (в суде), bid (на аукционе), declare (в ЗАГСе) [классификация приведена по 114, с. 355-356].

Теория речевых актов развивалась также и в работах В.Лабова и Д.Фаншеля после изучения ими разговоров психиатров с пациентами. Результатом этого исследования стало подтверждение идеи о возможностях высказывания, а именно утверждение его неспособности представлять собой более чем один тип речевого акта единовременно.

Подобно Дж.Л.Остину и Дж.Серлю, В.Лабов и Д.Фаншель описывают коммуникацию с точки зрения того, как адресат интерпретирует слова говорящего и реагирует соответствующим образом. Однако нельзя обладать полной уверенностью, что он истолковывает услышанное правильно, то есть в соответствии с вложенным автором смыслом. В то же время невозможно говорить и о четком понимании адресанта своей интенции, вкладываемой в слова. Следовательно, исследователи неминуемо сталкиваются с проблемой интенциональности и вариативности в дискурсе [140].

Говоря о прагматике, необходимо упомянуть и открытия П.Грайса в области коммуникации. Огромную роль в развитии прагматических исследований сыграла разработка им принципа кооперации. Уже самым участием в коммуникации человек заявляет о своей готовности к кооперации с собеседником. Ученый

утверждает, что во время любой коммуникации человек интерпретирует сказанное, рассчитывая на то, что говорящий следует четырем максима́м:

1) Максиме качества (быть правдивым). Важно отметить, что в реальной жизни не столько обращают внимание на соблюдение этой максимы, сколько на ее нарушение.

2) Максиме количества (быть кратким). Выражение должно содержать ровно столько информации, чтобы ее было достаточно для взаимопонимания.

3) Максиме значимости (быть релевантным, то есть говорить по существу). Здесь стоит заметить, что, по мнению П.Грайса, выражению недостаточно быть истинным (то есть соблюдать максиму качества): оно должно еще и логически вытекать из реального положения вещей и соотноситься с ним.

4) Максиме манеры (быть понятным, то есть избегать двусмысленности и следить за организацией высказывания).

В связи с максима́ми П.Грайса необходимо оговорить тот факт, что они являются не правилами, а, скорее, рекомендациями, цель которых – подсказать говорящему должное оформление его мыслей. Используя и сочетая их с общими знаниями о мире, адресат может вывести прагматический смысл высказывания («контекстную импликатуру») и понять, какой смысл вкладывает говорящий в свои слова [125].

Очевидно, что в реальной коммуникации нельзя исключать нарушения в какой-либо максиме. Например, максима качества может быть нарушена, если говорящий использует гиперболу или метафору: «Я уже три часа жду трамвай» или «У тебя каменное сердце». Если адресат не поймет, что это просто усиление сказанного, фигура речи, то говорящий может быть обвинен во лжи. Тем не менее, говорящий может быть уверен, что его слова интерпретируют правильным образом, поскольку общественный транспорт ходит по расписанию, не предусматривающему такие большие временные интервалы, а сердце не может быть каменным. Этим знанием, однако, не обладают дети, поэтому они могут понять приведенные выражения буквально, то есть без нарушения первой максимы.

Максима количества может быть нарушена, если человек говорит слишком мало (как в случае резкости и грубости) или, наоборот, много (при излишней вежливости). При частой смене предмета разговора страдает максима значимости. Последняя же, максима манеры, может быть целенаправленно опущена для юмористического или эвфемистического эффекта, для иносказательного выражения. Например, часто можно услышать вопрос в общественном месте: «Где здесь можно припудрить носик?». Очевидно, что речь идет о расположении санузла, однако это облечено в другую, менее интимную форму.

Изучив основы принципа кооперации П.Грайса, Дж.Лич приходит к выводу, что максимы являются, скорее, «регулятивными», чем «конституирующими»: в отличие от норм языка, их соблюдение не является обязательным. Отсюда следует, что нарушение одной из максим П.Грайса не равнозначно нарушению какого-либо грамматического правила, а значит, не является препятствием для владения языком [143, с. 8-9].

При обсуждении принципа кооперации П.Грайса нельзя обойти стороной и принцип вежливости, сформулированный Р.Лакофф. Он также может быть сведен к цепочке максим, которым, считается, следуют говорящие. Р.Лакофф выделила три такие максимы:

1) Не будь навязчивым («Don't impose»). Смысл этой максимы состоит в соблюдении дистанции между говорящим и его собеседником. Под дистанцией имеется в виду близость взаимоотношений.

2) Предоставляй выбор («Give options»). Для того чтобы звучать вежливо, говорящий не может изъясняться только лишь командами и приказами. Наоборот, необходимо предоставлять адресату возможность как утвердительной, так и отрицательной реакции на сказанное. Для этого часто обращаются к косвенной речи, например, «Я бы хотел узнать, где находится библиотека».

3) Будь дружелюбным («Make your receiver feel good»). В данном случае дружелюбие в коммуникации расценивается как проявление вежливости.

Отличие этих максим от максим принципа кооперации П.Грайса состоит в том, что, если нарушается хотя бы одна из них, нарушаются и все остальные. Однако их соблюдение позволит говорящему успешно осуществить акт коммуникации.

Именно максимы вежливости помогают объяснить использование большого количества высказываний, не содержащих новую информацию. Например, людям свойственно извиняться за навязчивость («Прости, что отвлекаю, но...»), самой формулировкой предоставлять адресату возможность отказа («Не мог бы ты...») или превозносить/хвалить адресата с целью создания комфортной для него атмосферы («Ты гораздо лучше меня разбираешься в математике...»).

Очевидно, что принципы вежливости и кооперации часто оказываются несовместимыми, поскольку не всегда удается быть правдивым и вежливым одновременно. Более того, вежливость в большинстве случаев предполагает нарушение максимы краткости. Однако все эти конфликты разворачиваются лишь в подсознании носителя языка [112, с. 32-33].

Достижения прагматических теорий учитываются и в когнитивной науке. В связи с установлением новой парадигмы у исследователей появилась возможность говорить о взаимодействии когнитивизма и прагматики в решении важных вопросов современности. Так, Т.А.ван Дейк характеризует конечную цель когнитивных теорий прагматики как «прояснение характера связей между различными когнитивными (концептуальными) системами и условиями успешности речевых актов в конкретных ситуациях» [41, с. 12]. Для иллюстрации такого взаимодействия он приводит подробный анализ прагматического контекста речевого акта «Покажите, пожалуйста, ваш билет», основанный на характеристике задействованных фреймов. В результате ученый приходит к выводу, что, для того чтобы речевой акт возымел действие и был правильно интерпретирован, необходимо наличие всех характеристик прагматической ситуации [41, с. 26-28].

Дискурс-анализ также неразрывно связан с прагматикой. Это взаимодействие оказывается чрезвычайно важным, поскольку под пристальным

вниманием ученых первого направления часто оказываются пути, при помощи которых отрезки языка, рассмотренные в их полном текстуальном, социальном и психологическом контексте, приобретают значение и смысл для пользователей. Это быстро развивающаяся область языкознания, представляющая взгляд на процессы и проблемы в языке.

Очевидно, что успех коммуникации зависит не только от правильного построения высказывания, но есть какие-то еще факторы. Например, высказывание «Дверь открыта» может обозначать и просьбу закрыть ее во избежание сквозняка, и настороженность людей, пришедших домой и обнаруживших открытую дверь, и приглашение войти. Следовательно, одно и то же высказывание можно истолковать по-разному. Отсюда вытекает интерес к вопросу способов понимания его смысла адресатом в каждой конкретной ситуации. Ответ на него и пытаются найти прагматические теории.

Итак, роль прагматики в ежедневном общении велика. Не менее значима она оказывается и для политического дискурса. Так, необходимо принимать в расчет его прагматическую ориентацию, поскольку именно он оказывает влияние на политическую картину мира людей, вызывает в них эмоции и подталкивает к какому-либо действию.

В отношении дискурса, и особенно его политического варианта, необходимо помнить, что «язык обретает власть только тогда, когда им пользуются люди, обладающие властью; сам по себе язык не имеет власти» [31, с. 19]. Однако язык предоставляет массу средств для осуществления и транслирования власти. Прагматика же делает влияние политического дискурса еще более сильным, но не ощущаемым адресатами.

В таком случае можно говорить об убедительности политического дискурса, то есть ориентации на сферу эмоций адресата и использование приемов, усиливающих речевое воздействие на него с целью убеждения в процессе общения.

В первую очередь, апелляция к эмоциям адресата строится на включении адресата в оппозицию «свой – чужие», о которой уже шла речь в данной главе. В

англоязычном дискурсе это достигается частотным употреблением местоимения первого лица множественного числа «we», противопоставленного местоимению третьего лица множественного числа «they», и другими вариантами, замещающими их. Иллюстрацией этого могут послужить слова из речи Малкольма Икса «The ballot or the bullet», произнесенной в 1964 году:

○ *Not only did we give of our free labor, we gave of our blood. Every time he had a call to arms, we were the first ones in uniform. We died on every battlefield the white man had. We have made a greater sacrifice than anybody who's standing up in America today. We have made a greater contribution and have collected less. <...> The year when all of the white political crooks will be right back ... with their false promises, building up our hopes for a letdown, with their trickery and their treachery, with their false promises which they don't intend to keep [152].*

Как видно из приведенных примеров, «свои» работали и умирали на поле боя за «чужих», но ничего не получали за это взамен. Более того, первых окружает лексика, позитивно окрашенная или изображающая бескорыстие афроамериканцев («greater», «sacrifice», «contribution»), в то время как вокруг вторых сконцентрирована негативно окрашенная лексика («crook», «false», «letdown», «trickery», «treachery»). Таким образом, лексика отражает прагматическую установку автора на четкое противопоставление темнокожих и светлокожих американцев, причем его симпатия находится на стороне первых.

Далее, частотное повторение модальных глаголов может подтолкнуть адресатов к действию. Так, например, преобладание глагола «can» характерно для предвыборного дискурса и публичных выступлений, нацеленных на воодушевление слушателей, подобно дискурсу движения за гражданские права афроамериканцев в США. Победная речь Барака Обамы 2008 года получила широкое освещение в СМИ и запомнилась многим благодаря рефрену «Yes we can», озвученному ближе к концу речи:

○ *At a time when women's voices were silenced and their hopes dismissed, she lived to see them stand up and speak out and reach for the ballot. Yes we can. When there was despair in the Dust Bowl and depression across the land, she saw a nation*

conquer fear itself with a New Deal, new jobs, a new sense of common purpose. Yes we can. When the bombs fell on our harbor and tyranny threatened the world, she was there to witness a generation rise to greatness and a democracy was saved. Yes we can. She was there for the buses in Montgomery, the hoses in Birmingham, a bridge in Selma, and a preacher from Atlanta who told a people that "We shall overcome." Yes we can [161].

Такая частотность модального глагола «can» позволяет говорящему влиять на сознание аудитории: с каждым разом его фраза о безграничных возможностях американского народа звучит все убедительнее. Реакция публики закономерна: после третьего произнесения люди подхватывают этот рефрен и начинают повторять его вслед за говорящим. Этот случай иллюстрирует степень влиятельности произнесенного слова: идея автора стала убеждением его аудитории.

Еще один пример прагматического использования модального глагола «can» в афроамериканском дискурсе заслуживает внимания. Так, в речи «Racial Separation» (1963) Малкольма Икса выражения с этим глаголом являются имплицитным призывом сделать именно так, как говорит автор, а не иначе:

○ *The Honorable Elijah Muhammad teaches us that on our own land we can set up farms, factories, businesses. We can establish our own government and become an independent nation. <...> we can then enter into trade and commerce for ourselves with other independent nations. <...> we can establish our own agricultural system. We can grow food to feed our own people. We can raise cattle and use the hides, the leather, and the wool to clothe our people [151].*

Для политического дискурса также характерна тактика, подразумевающая озвучивание обещаний и способов решения назревших проблем. В этой связи газета The Guardian провела интересное языковое исследование способов выражения обещаний в предвыборном дискурсе М.Ромни и Б.Обамы. Корреспондентами было отмечено, что первый предпочитает структуру «I will», являющуюся по своей сути достаточно убедительной:

○ *I will reduce government spending. Our high level of debt slows GDP growth and that means fewer jobs. If our goal is jobs, we must stop spending over a trillion dollars more than we earn. To do this, I will eliminate expensive non-essential programs like Obamacare, and I will work to reform and save Medicare and social security, in part by means-testing their benefits [165].*

Второй же чаще использует фразу «I want», то есть озвучивает только лишь свое желание что-то сделать. Лишь время покажет, будут ли желания автора воплощены в жизнь [156]:

○ *I believe in insourcing. I want to take away tax breaks for companies shipping jobs overseas. Let's give them to companies that are investing right here, investing in American workers [цит.по 156].*

Нелишним будет заметить в данной связи, что американцы очень серьезно относятся к обещаниям своих политиков. Так, например, сайт politifact.com запустил проект под названием «The Obameter», ведущий учет обещаний президента. На момент написания диссертации, по данным сайта, Б.Обама сумел полностью сдержать 45% своих обещаний, по 24% был достигнут компромисс [170].

Помимо этого, для установления прагматической направленности того или иного образца дискурса можно обратиться к статистическим данным на «уровне прямого слова». Дело в том, что важность для исследователя может представлять даже частотность тех или иных слов в выбранном для анализа образце дискурса. Эпоха ручного подсчета давно канула в небытие, так как век компьютерных технологий позволяет воспользоваться большим количеством программ, при помощи которых можно осуществить подобный анализ. Одна из таких программ доступна на Интернет-сайте www.wordle.net [174], позволяющем представить количественные данные в визуальной форме. Ресурс является генератором облаков ключевых слов загружаемого на сайт текста. Преимуществом этой программы является то, что размер слова в облаке зависит от его частотности:

human being» [161]) и будущей работе над улучшением уровня жизни в стране («*I believe we can seize this future together...*» [162]).

Помимо этого, в облаке выступления Б.Обамы 2008 года отчетливо выделяются слова «new», «change», «never», «tonight», способствующие усилению беспрецедентности ситуации: впервые в истории США на пост президента страны избран афроамериканец. Вне всяких сомнений, это повлечет за собой значительные изменения в Америке. Они в свою очередь связаны с верой в безграничные возможности американцев; отсюда и частотность слова «Yes», которое является частью рефрена «Yes we can», отражающего позитивный взгляд Б.Обамы на будущее его страны.

Ориентация на будущее и идея движения вперед прослеживается и в победной речи 2012 года. Свидетельством тому являются слова «future» и «forward», выделяющиеся на фоне остальных слов в облаке этой речи. Следовательно, Америка все еще нацелена на развитие и совершенствование. Это позволит жителям добиться лучших в мире результатов:

- *We want our kids to grow up in a country where they have access to the best schools and the best teachers...*
- *...the best is yet to come* [162].

Из приведенного обзора видно, что ресурс wordle.net позволяет исследователю воочию увидеть частотность слов в интересующем его тексте и дает почву для дальнейшего анализа, поскольку самые частотные слова обладают наибольшей смысловой нагруженностью и должны произвести особый эффект на адресата.

Суммируя все вышесказанное, необходимо еще раз подчеркнуть, что прагматика играет особенную роль в политическом дискурсе, поскольку он является именно той областью, где важно облечь мысль в такую форму, которая не вызовет противоречия, но будет верно истолкована народом.

ГЛАВА 2. АФРОАМЕРИКАНСКАЯ КАРТИНА МИРА

2.1. Определение понятия «языковая картина мира» и ее роль в формировании личности

В данный момент в филологии наблюдается особый рост интереса к лингвокультурологии, которая занимается изучением взаимоотношений между языком и культурой. Расцвет этого научного направления может быть связан в первую очередь с разрушением границ между отдельными народами, что приводит к большей взаимной интеграции населения Земли. Следовательно, при межкультурной коммуникации появляется необходимость учитывать национальные характеристики как поведения, так и миропонимания разных народов. Именно лингвокультурология ставит перед собой задачу раскрытия и описания того, как эти характеристики отражены в языке.

Как наука лингвокультурология оформилась в конце XX века благодаря работам фразеологической школы, возглавляемой В.Н.Телия, а также трудам Ю.С.Степанова, А.Д.Арутюновой, В.А.Масловой и других языковедов. Главным объектом исследования в них является взаимодействие между языком и культурой. В.А.Маслова определяет лингвокультурологию следующим образом: это «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [73, с. 10].

Своими корнями идеи лингвокультурологии уходят еще в конец XIX – начало XX веков, а именно в этнолингвистическое направление, получившее распространение как в Европе (В.фон Гумбольдт) и Америке (Э.Сепир, Б.Уорф), так и в России (А.А.Шахматов, А.А.Потебня). Приверженцы этого направления считали, что вопросы взаимосвязи языка и культуры являются главными для языкознания. Уже они заметили, что язык воплощает собой культуру и национальный характер народа, говорящего на нем. В данном случае речь идет о том, что язык не только является средством хранения и передачи информации в

целях коммуникации или воздействия, но еще и отражает результат коллективного осмысления мира. Следовательно, язык исполняет роль некоего промежуточного звена между человеком и миром.

Впоследствии идеи В.фон Гумбольдта были развиты Л.Вайсгербером, Г.Гольцем, Г.Ипсенем и другими неогумбольдтианцами. Они отмечали, что язык занимает промежуточное положение между объективной действительностью и человеческим мышлением, то есть выступает в роли проводника от мысли к ее закреплению в языке и наоборот [50, с. 76].

Понимание и интерпретация мира находят свое отражение в языке носителей данной культуры. Однако может существовать и обратное влияние, когда язык определяет видение мира человеком. В данной связи необходимо вспомнить гипотезу Сепира-Уорфа. Она состоит в том, что язык играет творческую роль в познавательной деятельности человека. Реальный мир во многом строится на языковых традициях определенной группы людей. Видение мира передается из поколения в поколение при помощи языка. Ребенок начинает видеть мир таким, каким он представлен в его родном языке. Несомненно, влияние оказывается и в обратную сторону: новые веяния культуры, новые реалии окружающего мира находят свое отражение в языке, модифицируя языковую картину мира. Таким образом, можно говорить о теснейшей взаимосвязи культуры, языка и мышления [50, с. 77].

«Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном - языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [90, с. 165].

Отсюда Б.Уорф делает вывод, что, поскольку между культурами есть определенные различия, не существует двух языков, которые изображали бы мир одинаково. Это связано в первую очередь с различием между семантическими системами языков, что и определяет восприятие мира через язык. Следовательно, нельзя говорить об объективном отражении мира языком, ведь каждый народ расставляет свои акценты на конкретных жизненных реалиях, а значит, языки различаются своими «языковыми картинами мира». С необходимостью сгладить такие различия очень часто сталкиваются переводчики, перед которыми стоит задача передать то или иное понятие, существующее в культуре, а, следовательно, и в языке, одного народа посредством слов другого языка. Отсюда и теория, что все народы существуют в пространстве различного бытия, поскольку мыслят разными категориями [90, с. 166].

Однако не все лингвокультурологи склонны поддерживать теорию Сепира-Уорфа. Так, Ю.С.Степанов не сомневается в том, что в языковом сознании людей существуют некие культурные константы, однако заявляет о том, что нельзя отрицать наличие различий между культурами. При этом задача исследователя состоит в том, чтобы объективно изучить картину мира выбранной группы, не привнеся в нее элементы своего миропонимания. Критиковал гипотезу и Б.А.Серебрянников, опровергавший идею о творческой роли языка. По его мнению, функция языка по отношению к миру заключается лишь в его отражении. Таким образом, теория Сепира-Уорфа получила неоднозначную оценку, однако ее роль в становлении и развитии идей лингвокультурологии нельзя недооценивать [73, с. 61].

С оглядкой на гипотезу Сепира-Уорфа В.А.Маслова предлагает свой подход к пониманию функций языка по отношению к культуре. Он заключается в том, что язык признается неотъемлемой частью культуры, способствующей ее передаче из поколения в поколение. Рождаясь, человек с языком впитывает особенности видения мира тем социумом, в котором говорят на этом языке. Следовательно, язык можно назвать «основным инструментом овладения культурой» [73, с. 62]. Без языка культура будет обречена на исчезновение, так как

остановится механизм ее передачи следующим поколениям. Однако, в отличие от гипотезы Сепира-Уорфа, данная идея отрицает тот факт, что язык может определять культуру. Он лишь обслуживает ее, подменяя собой реальность.

Необходимо также помнить, что язык не только отражает окружающий мир таким, каким его видит человек, но и хранит эту информацию и передает ее из поколения в поколение. Следовательно, язык играет особую роль в формировании личности, задавая нормы поведения человека в мире. В нем уже заложены ценности и отношение человека к тому, что его окружает: «Человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем и т.д., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей. Воспитание ребенка проходит через воздействие национальной культуры, носителями которой являются окружающие люди» [25, с. 25].

Из данного подхода следует, что для выявления и описания культурной специфики какого-либо народа необходимо провести культурологический анализ языка. Такой анализ базируется на утверждении существования «картины мира» - «целостной совокупности образов действительности в коллективном сознании». [50, с. 74]. Каждый язык представляет свою, особую картину мира, поскольку обладает уникальным способом его концептуализации, то есть членит и интерпретирует мир по-своему. Чтобы быть понятой, языковой личности приходится организовывать свою речь в соответствии с этой картиной мира. В большинстве случаев человек даже не задумывается о том, как он строит высказывание, поскольку правила уже заложены языком на подсознательном уровне.

Постоянно осуществляя познавательную деятельность, человек фиксирует ее результаты в словах. Таким образом и создается языковая картина мира, структура которой оказывается сложным явлением: она включает в себя как перцептивные компоненты, формирующиеся при помощи органов чувств, так и неперцептивные, представляющие собой ментальные образования, или понятия.

Иными словами, картина мира – это взгляд человека на то, что его окружает. Различные народы по-своему видят и воспринимают окружающий мир,

что определяет возникновение тех или иных концептов в их культуре. Это восприятие находит выражение в языке: язык фиксирует все особенности восприятия мира, становясь хранилищем знаний о нем и закрепляя в себе общественно-исторический опыт. Сквозь призму этого сложившегося восприятия человек и смотрит на мир [73, с. 64]. Картина мира состоит из многоплановой системы образов, отражающих действительность так, как ее видит некий коллектив. Однако она может быть и индивидуальной, как, например, картина мира Ч.Диккенса.

Неоспорим тот факт, что у каждого слова есть денотат: за ним стоит конкретный предмет или явление реального мира. Ничто не может избежать вербального выражения. Однако часто происходит так, что для обозначения одного и того же явления в языках используется разное количество слов. Так, С.Г.Тер-Минасова приводит пример разнообразия обозначений падающего с неба снега в русском языке (пурга, метель, буран, снежная буря, вьюга, поземка и т.д.), противопоставляя его английскому слову *snowstorm*. Она объясняет это различие тем, что говорящий на русском языке в силу отличающихся погодных условий на территории распространения этого языка чаще сталкивается со снегом, чем англичанин, поэтому ему необходимо классифицировать данный вид осадков [89, с. 39].

Итак, между реальностью и языком стоит человеческое мышление: человек познает окружающий мир, осмысляет его и в процессе коммуникации передает свою систему представлений о мире собеседникам. Таким образом, слово отражает не сам предмет реальности, а то, как его видит конкретный носитель языка. Однако в то же время это восприятие уже обусловлено и предопределено культурой того или иного речевого коллектива, которая сложилась благодаря опыту предков, говоривших на этом языке. Следовательно, язык, мышление и культура практически неотделимы друг от друга.

Совокупность знаний человека, запечатленную в языковой форме, обычно называют «языковой картиной мира». Она уже долгое время занимает умы многих лингвистов. Еще со времен В.фон Гумбольдта к ее изучению проявляют

неугасающий интерес, что может быть связано с развитием когнитивной науки в последние годы, а именно с концептологией и теорией языковых гештальтов Дж.Лакоффа. В известной книге «Metaphors We Live By» Дж.Лакофф и М.Джонсон проводят анализ реализации глубинных содержательных единиц, то есть гештальтов, в языке и приходят к выводу о том, что английская концептуальная система является по своей сути крайне метафоричной. Именно концептам, существующим на подсознательном уровне, они отводят центральную роль в определении окружающей человека реальности [141].

Как уже было сказано, языковая картина мира представляет собой словесное выражение концептов, сформированных мышлением человека на основе его опыта познания и интерпретации окружающего мира. В.А.Маслова определяет концепт следующим образом: это «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной культуры» [72, с. 50]. Иными словами, концепт включает в себя наиболее значимые знания человека о мире, в то время как несущественные представления оказываются отброшенными.

Совокупность концептов представляет собой концептосферу, отражающую миропонимание носителя языка. К тому же концепт связан с нормами человеческого поведения, поскольку они фиксируют культурные особенности говорящих на каком-либо языке. При помощи концептов регулируются человеческие действия и объясняются традиции [29, с. 59-60].

На данный момент в лингвистике существует несколько подходов к пониманию концепта. Первый подход, представленный Ю.С.Степановым, тесно связывает этот термин с культурологией, в которой культура интерпретируется как совокупность концептов. В данном случае концепты помогают соотнести культуру с ментальным миром человека, а язык лишь обслуживает эти взаимоотношения, придавая им звучащую форму. Н.Д.Арутюнова постулирует семантический подход к пониманию концепта, в котором содержание концепта предопределено семантикой языкового знака. В третьем подходе (Е.С.Кубрякова) концепт осмысливается как результат взаимоотношений семантики слова с опытом

носителя языка, то есть концепт выступает в роли посредника между действительностью и словом [72, с. 46]. Ю.Д.Апресян также разработал свою теорию концепта, в которой видение мира носителями какого-либо языка он сравнивал со своего рода коллективной философией, навязываемой языком всем говорящим на нем.

В.И.Карасик выделяет два более общих подхода к пониманию концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурный [50, с. 96-97]. Сторонники первого понимания интерпретируют концепт как единицу «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [175, с. 90]. Из данного определения следует, что по смыслу концепт близок к понятию, являясь фиксатором человеческого опыта. Концепты возникают в процессе получения информации об окружающем мире и позволяют классифицировать ее на основе каких-либо общих признаков.

В отличие от первого подхода, в котором основной упор делается на когнитивный характер концепта, лингвокультурное направление определяет его как базовую единицу культуры.

Несмотря на различие в расстановке акцентов в данных подходах к пониманию концепта, они не являются взаимоисключающими, поскольку невозможно изучать концепт только с культурной точки зрения, без оглядки на ментальные процессы, происходящие в голове носителя языка. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [180, с. 43]. И, наоборот, сложно анализировать только лишь ментальную составляющую концепта без анализа его роли в конкретной культуре.

Из такого количества подходов можно сделать следующий вывод: термин «концепт» все еще не имеет четкого определения и характеризуется размытостью границ. Однако, проанализировав значительное количество толкований данного

понятия, В.А.Маслова выделила несколько его инвариантных признаков: «1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова <...>; 2) это основная единица обработки, хранения и передачи знаний; 3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции; 4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику; 5) это основная ячейка культуры. Следовательно, концепты представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему...» [72, с. 50].

Помимо вышеупомянутых идей, в трудах Ю.С.Степанова, основателя одной из московских лингвокультурологических школ, в которой занимаются описанием констант культуры в диахронии, разработана и теория «многослойности» концепта, развивающая идею о наличии в нем оценочного компонента: «У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия <...> с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры - исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д. <..> Концепты не только мыслятся, но и переживаются» [180, с. 41]. Будучи очень объемным с точки зрения заключенной в себе информации, концепт не может быть выражен в речи полностью, поэтому в каждом конкретном контексте концепт актуализируется лишь настолько, насколько это требуется [80, с. 26-29].

О сложности структуры концепта говорит и И.А.Стернин. По его мнению, существуют два типа значения: лексикографическое, используемое в словарях и состоящее из минимального количества признаков, выбранных лексикографами, и психологически реальное, представляющее собой «единство всех семантических компонентов, реально связанных с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [88, с. 260]. Второй тип гораздо шире и объемнее первого, однако содержание концепта представляется лингвисту еще более широким. Это объясняется тем, что концепт включает в себя не только оба типа

значения, но еще и энциклопедические знания человека о конкретном предмете. Концепт оказывается настолько объемным по смыслу, что зачастую не вся содержащаяся в нем информация может быть актуализирована в речи [88].

Именно сложный характер структуры концепта отличает его от термина «понятие», несмотря на то, что они имеют одинаковую внутреннюю форму («концепт» - от латинского *conceptus* «понятие»). В то время как понятие включает в себя лишь самые важные, необходимые признаки, концепт заключает в себе и весь спектр дополнительных признаков, релевантных для носителей языка. К ним относятся и история, и ассоциации, и оценочная окрашенность, и коннотации. Без концептов сложно представить какую-либо культуру, поскольку они являются своего рода носителями культурной памяти и знаний народа.

Во избежание путаницы необходимо также разграничить схожие термины «концепт» и «фрейм». Если первое – это значимая информация, зафиксированная в памяти человека, отражающая в себе восприятие и категоризацию мира, то в случае второго термина акцент делается на структуру, в которой эта информация хранится. «Фрейм имеет спиралевидный характер: человек вспоминает о чем-либо, вовлекая в исходных образ весь свой жизненный ассоциативный опыт, который как бы раскручивается по спирали» [50, с. 106-107].

Для того чтобы понять друг друга, говорящие должны разделять набор концептов, существующих в языке. Концепты, представленные только в конкретной культуре, часто называют «национально-специфическими». Именно они в высшей степени отражают особенности менталитета, набор ценностей и отношение народа к миру [67, с. 117; 49, с. 185]. Однако вопрос о том, каково количество таких концептов в каждом языке, все еще остается открытым. Так, А.Вежбицкая в своей работе «Язык. Культура. Познание» выделяет три ключевых концепта в русской культуре: «Душа», «Судьба» и «Тоска» - и описывает роль языковых средств (инфинитивов, безличных конструкций и других) в их выражении в языке [24]. В противоположность этому Ю.С.Степанов выделяет

гораздо больше концептов в русском языке, так что ему удастся составить из них настоящий словарь [180].

Важно помнить, что набор концептов в языке постоянно меняется, как и видоизменяется структура и сущность самих концептов, так как на разных исторических этапах происходит переосмысление мира. Представители различных слоев общества также видят мир по-своему. Поэтому можно не только говорить о национально-специфических концептах, но и об исторически- и социально-обусловленных концептах конкретной культуры.

Сколь разнообразно понимание термина «концепт», столь различны и методики описания и изучения концептов какого-либо языка. В данной работе анализ концептосферы афроамериканцев будет ориентирован на методику В.А.Масловой, продолжившей традицию Р.М.Фрумкиной. Они считают необходимым различать ядро, представляющее собой словарное значение слова, и периферию концепта, то есть результат субъективного опыта и контакта с действительностью, ассоциации и коннотации. В.А.Маслова предлагает следующие этапы установления смыслового объема концепта:

- «определить референтную ситуацию, к которой принадлежит концепт <...>;
- установить место данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям <...>;
- обращение к этимологии и учет ее особенностей;
- <...> привлечение к анализу самых разнообразных контекстов <...>;
- <...> сопоставление с анализом ассоциативных связей» [72, с. 65-66].

Данный метод анализа позволит в наиболее полном объеме увидеть то, что скрывается за тем или иным концептом в афроамериканской картине мира, и то, в какой форме это выражается в языке. Изучение концептов в сознании индивида позволяет выйти на уровень социума, а оттуда уже - на культуру целого народа, то есть понять, как коллективный опыт зафиксирован в мышлении и языке большой группы людей.

2.2. «Афроамериканская мечта» как ключевой концепт афроамериканской картины мира: возникновение и эволюция концепта

Англоязычному дискурсу, в том числе и политическому дискурсу, уделялось и продолжает уделяться много внимания. Он является хорошей иллюстрацией ключевой роли языка в публичных выступлениях политических лидеров, дипломатических переговорах, дебатах и т.п., поскольку именно язык позволяет оказывать значительное воздействие на аудиторию, создавая определенный образ оратора. Целью любого выступления является принятие публикой мнения говорящего и побуждение ее к действиям. Для достижения этой цели автор должен произнести убедительную речь, насыщенную эмоционально, поэтому политический дискурс так наполнен разнообразными языковыми средствами выразительности [81, с. 4]. Этому же способствует и использование интердискурсивности.

В связи с освещением большого круга тем в политическом дискурсе, в нем находит наиболее полное отражение картина мира той или иной речевой общности, представление о которой создается благодаря реализации концептов в дискурсе.

Анна Вежбицкая классифицировала концепты политического дискурса, разделив их на две группы: 1) концепты, являющиеся в то же время терминами в области философии и политологии, например, «democracy», «parliament»; 2) неспециальные, те самые национально-специфичные концепты, наиболее ярко отражающие концептуальную картину мира какого-либо народа, например, «freedom», «power», «justice» [23, с. 144]. Именно к последней группе и обращен исследовательский интерес в данной работе.

Одни из лучших образцов англоязычного политического дискурса можно найти в Америке. На протяжении истории США особое значение имели публичные выступления политиков и ведущих культурных деятелей страны. Особый рост их роли наблюдается в XX и XXI веках, когда умение говорить на публике стало необходимой чертой любого политического деятеля. Именно в это

время в политическом дискурсе лучше, чем в любом другом типе дискурса, находит выражение собирательный образ народа США.

Если говорить об американском менталитете в целом, то ему свойственны индивидуализм, рациональность, автономность личности и самоутверждение [14, 66, 99]. Наиболее известным, многогранным и постоянно обновляющимся концептом американской картины мира является концепт «Американская мечта» (the American Dream).

Концепт «Американская мечта» тесно связан с верой американского народа в свою «избранность» с социальной и культурной точек зрения. Это объясняет дистанцированность американцев от «остального» мира как один из компонентов американского самоопределения. Американская мечта относится к числу национально-специфичных концептов, хотя в современных картинах мира и других народов начинают возникать подобные концепты. Так, сейчас можно говорить о «Грузинской мечте», о которой заявила грузинская демократическая партия с одноименным названием [78], и об «Украинской мечте», подробно описанной корреспондентом телепередачи «Однако» [70], и, возможно, ожидать появления новых. Тем не менее, все они являются национально-специфичными, поскольку характерны только для наций, в рамках которых они возникли, и отражают их стремления и надежды.

Термин «Американская мечта» был впервые употреблен Дж.Т.Адамсом в книге «The Epic of America», где он определил его как «ту мечту о государстве, в котором жизнь должна быть лучше, и богаче, и полноценнее для всех и предоставлять возможности для каждого, судя по их возможностям и достижениям» («that dream of a land in which life should be better and richer and fuller for everyone, with opportunity for each according to ability or achievement») [15, с. 5-6].

Несмотря на то что термин был введен лишь в 1931 году, сама Мечта возникла гораздо раньше – на заре истории американского общества. Задолго до того, как «Новый Свет» стал страной, он существовал в умах людей в качестве мечты. Для пилигримов Америка стала воплощением мифической страны

Эльдорадо, где они стремились не только основать свое собственное государство, но и получить свободу вероисповедания, а также где тирания «Старого Света» будет вытеснена свободой, равенством и братством.

Анализ семантики политических концептов оказывается непростой задачей, поскольку многие концепты характеризуются высокой степенью абстрактности и не соответствуют какому-либо объекту материального мира. В связи с этим Е.Р.Левенкова вслед за другими исследователями в области концептологии предлагает принять «полевую модель концепта»: за ядро концепта принимается словарная дефиниция, а дополнительные смыслы и ассоциации, проявляющиеся в момент реализации концепта в дискурсе, составляют поле вокруг ядра [66, с. 108].

На данный момент существует множество определений Американской мечты, каждое из которых выдвигает на первый план ту или иную ценность американского общества.

Так, The Longman Dictionary of English Language and Culture [184, с. 33] предлагает следующее определение Американской мечты:

«**American Dream** (the): the idea that the US is a place where everyone has the chance of becoming rich and successful. Many immigrants to the US in the early 20th century believed in the American Dream».

В The Oxford Guide to British and American Culture [188, с. 13] была опубликована еще одна дефиниция данного концепта:

«The **American Dream**: the belief of Americans that their country offers opportunities for a good and successful life. For minorities and people coming from abroad to live in America, the dream also includes freedom and equal rights».

В словарях, посвященных исключительно американскому варианту английского языка можно найти следующие дефиниции: «the U.S. ideal according to which equality of opportunity permits any American to aspire to high attainment and material success» [182]; «the values and social standards that people traditionally try to achieve in the U.S., such as democracy, equal rights, and wealth» [187].

Если сопоставить приведенные словарные статьи, то можно увидеть, что в некоторых версиях добавлено восприятие Американской мечты иммигрантами и представителями национальных меньшинств. Это говорит о внимании к представителям других рас, в особенности – к афроамериканцам, а также о том, что для них Мечта значит нечто отличное от стандартного понимания концепта, что чрезвычайно важно для данной работы.

Итак, семантическую основу концепта «Американская мечта» составляют 4 измерения:

- 1) мечта о богатстве/материальном благополучии («rich» / «material success» / «wealth»);
- 2) мечта об успехе («success»);
- 3) мечта о равенстве и равноправии («equal rights», «equality of opportunity»);
- 4) мечта о свободе и демократии («freedom», «democracy»).

В настоящее время отмечается некая дихотомия в понимании Американской мечты: с одной стороны, налицо желание людей разбогатеть быстро и без значительных усилий; но, с другой стороны, американцы хотят жить просто счастливой жизнью, поскольку трагедия 11 сентября 2001 года заставила их переосмыслить ценности их общества [14, с. 80].

Абсолютными для всего мира можно считать такие ценности, как «жизнь, здоровье, знания» [94, с. 48]. Особый же интерес в данной работе представляют относительные ценности, то есть те, отношение к которым предопределено эпохой, классовой принадлежностью человека и т.п.

Будучи жителями США, афроамериканцы отчасти разделяют взгляды американцев на мир, поскольку их объединяет не только территория, но и общая история. Так, можно говорить об общих для всех жителей концептах «power/ might/ ability», «time», «government» и др. [66, с. 78-86]. Концептуальными доминантами являются «life, liberty and happiness», так часто цитируемые из Декларации независимости США (1776 года) в выступлениях американских политических деятелей.

Среди наиболее распространенных концептов американской культуры можно также назвать «patriotism» и «privacy». Эти понятия значимы и идеологически, так как тесно связаны с историей и ценностями американцев [79, с. 3]. Национальному менталитету американцев также часто приписывают индивидуализм и материализм. Первый заключается в признании приоритета отдельной личности над приоритетами всего общества. Своими корнями он уходит во время иммиграции пилигримов в Северную Америку, поскольку они противопоставили свои пуританские нравы и приверженность традициям религиозным тенденциям начала XVII века в Англии. Также индивидуализм подразумевает полагание только на свои силы и сопротивление влиянию, оказываемому со стороны [99, с. 38].

Вторая характеристика американского народа – «материализм» - предполагает главенство материальных ценностей над духовными и стремление к приобретению материальных благ. Л.Л.Баранова указывает на тесную связь материализма и концепта «Американская мечта», а также включает первый в список компонентов второго [14].

Однако есть ряд концептов, на восприятие которых наложили отпечаток особенности истории США, а именно многовековое угнетение афроамериканцев белыми жителями Америки. В связи с этим у темнокожих жителей Америки сложилась своя собственная, особая Мечта - «Афроамериканская мечта». Этот новый концепт является ключевым для афроамериканской картины мира, так как в нем заключается суть жизненных устремлений афроамериканцев и их надежды на будущее, которыми они жили на протяжении многих десятилетий.

Можно говорить о новизне концепта «Афроамериканская мечта». Это объясняется тем, что на протяжении долгого времени он считался составляющей частью более обширного концепта Американской мечты и не выделялся особо, что определяет наличие в его концептуальном поле многих компонентов, типичных для последнего и описанных выше. В данном же случае он рассматривается как автономный концепт, обладающий своими характеристиками, нередко отличающимися его от Американской мечты.

Несложно представить, о чем мечтали афроамериканцы на протяжении последних двух столетий. Тем, к чему они больше всего стремились, была физическая свобода. Только после отмены рабства в США в 1865 году афроамериканцы смогли начать новую жизнь, несмотря на то, что отношение к ним было все еще негативным. Поэтому можно говорить о появлении нового компонента в интерпретации Афроамериканской мечты – желания добиться равноправия и такого же отношения к себе, как к белому населению страны. Афроамериканцы мечтали получить возможность осуществлять выбор без ограничений, налагаемых на них расой и цветом кожи.

За всю историю своего существования Афроамериканская мечта претерпела значительное количество трансформаций и не раз пополнялась новыми компонентами. Ее развитие тесно связано с борьбой афроамериканцев за равные права. Как известно, особое место в истории этой борьбы отводится движению за гражданские права в США, апогеем которого стала речь Мартина Лютера Кинга Мл. «I have a dream», произнесенная 28 августа 1963 года в Вашингтоне. В ней он впервые обозначил наличие Мечты, особой Мечты, характерной только для его народа, и определил ее следующим образом: «*It is a dream deeply rooted in the American dream <...> a dream that one day this nation will rise up and live out the true meaning of its creed: 'We hold these truths to be self-evident; that all men are created equal'*» [135]. Эти слова можно считать обнаружением Афроамериканской мечты, а ее ключевым ценностно-смысловым признаком в середине XX века, по мнению Мартина Лютера Кинга, была идея расового равенства.

Обозначив приведенной фразой основополагающий компонент в своем понимании Мечты, М.Л.Кинг развивает свою мысль при помощи ряда картин действительности после претворения Мечты в жизнь: «*the sons of former slaves and the sons of former slave owners will be able to sit down together at the table of brotherhood*», «*one day right there in Alabama little black boys and black girls will be able to join hands with little white boys and white girls as sisters and brothers*» [135].

Таким образом, в развитии тесных, почти семейных отношений он и видит смысл ценностей, обозначенных в известной фразе из Декларации независимости США.

Мартин Лютер Кинг апеллирует к сознанию афроамериканцев, воссоздавая темные изображения настоящего. Оно соотносится с представлениями об аде и ассоциируется с суровыми погодными условиями:

- *dark and desolate valley of segregation*
- *storms of persecution*
- *winds of police brutality*
- *heat of injustice*
- *heat of oppression* [135].

Для характеристики современного ему отношения светлокожих американцев к афроамериканцам лидер движения за гражданские права в США использует ряд прилагательных и существительных с негативными коннотациями: «*dark*», «*desolate*», «*storms*», «*heat*». Они обозначают явления, препятствующие нормальному существованию людей. Это же характеризует и несправедливость, гонения и притеснения.

Несмотря на это, будущее афроамериканцев видится Мартину Лютеру Кингу ясным и радостным. Он вновь прибегает к метафорике, часто обращаясь и к библейским мотивам:

- *joyous daybreak to end the long night of their captivity*
- *sunlit path of racial justice*
- *invigorating autumn of freedom and equality*
- *oasis of freedom and justice* [135].

В данном случае будущее уподобляется приятным природным явлениям, связанным с солнечным светом, теплом и яркими красками. В понимании говорящего это именно то, к чему всеми силами должны стремиться афроамериканцы.

Позднее, в 1965 году, Мартин Лютер Кинг напомнил своим единомышленникам о существовании особой Мечты в их сердцах, основанной в первую очередь на ценностях, зафиксированных в Декларации независимости

США: «*It wouldn't take us long to discover the substance of that dream. It is found in those majestic words of the Declaration of Independence, words lifted to cosmic proportions: "We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by God, Creator, with certain inalienable Rights, that among these are Life, Liberty, and the pursuit of Happiness." This is a dream. It's a great dream*» [137]. Здесь с целью привлечения особого внимания он интонационно выделяет слова «*all men*», поскольку они предполагают отсутствие разделения американского общества по расовому признаку.

Л.Л.Баранова отмечает в одной из своих работ, что в том же году в своей проповеди М.Л.Кинг ввел словосочетание «*the shattering of the American dream*» [14, с. 81]:

○ *...my dream has often turned into a nightmare; I've seen it shattered. <...> I had a nightmare and saw my dream shattered one night in Marion, Alabama, when Jimmie Lee Jackson was shot down. I saw my dream shattered one night in Selma when Reverend Reeb was clubbed to the ground by a vicious racist and later died. And oh, I continue to see it shattered as I walk through the Harlems of our nation and see sometimes ten and fifteen Negroes trying to live in one or two rooms. <...> So yes, the dream has been shattered, and I have had my nightmarish experiences, but I tell you this morning once more that I haven't lost the faith. I still have a dream that one day all of God's children will have food and clothing and material well-being for their bodies, culture and education for their minds, and freedom for their spirits. I still have a dream this morning... [137].*

Здесь отчетливо звучит отсылка к речи современника М.Л.Кинга Малкольма Икса, оспорившего существование Мечты в сердцах афроамериканцев и провозгласившего наличие «кошмара» («*a nightmare*») вместо нее. Однако, несмотря на наличие негативного опыта и у лидера движения за гражданские права, он все же не отказывается от веры в будущее своего народа и продолжает надеяться на воплощение своей мечты.

Идеи Мартина Лютера Кинга получили широкое распространение среди афроамериканцев в США в связи с его ведущей ролью в движении за

гражданские права в США - историческом событии, которое можно рассматривать как один из наиболее важных этапов развития Афроамериканской мечты.

Несмотря на это, среди афроамериканцев не было полного согласия в интерпретации Мечты. Ее понимание зависело в первую очередь от самоопределения людей, от того, какая составляющая их национальной принадлежности оказывалась для них наиболее важной: являются ли они представителями исключительно африканского народа, или все же Америка наложила значительный отпечаток на их жизнь?

Никто не сумел превзойти У.Э.Б.Дюбуа, афроамериканского общественного деятеля, в формулировании данной проблемы. Среди его работ самой известной является книга «The Souls of Black Folk», в которой он привлек внимание к «двойственности» афроамериканского характера: «Любой может почувствовать свою двойственность – американец, негр; две души, два мышления, два непримиримых стремления; два борющихся идеала в одном темнокожем теле, только лишь упорная сила которого удерживает его от того, чтобы быть разорванным пополам» («One ever feels his twoness, - an American, a Negro; two souls, two thoughts, two unreconciled strivings; two warring ideals in one dark body, whose dogged strength alone keeps it from being torn asunder») [119].

Такая дилемма привела к разделению афроамериканцев на два лагеря: интеграционистов и националистов. Члены первого считали возможным гармонично совмещать в себе характеристики двух наций и устанавливать тесные связи с белыми американцами на основе Декларации независимости США. Оптимизм интеграционистов при обсуждении вопроса о получении афроамериканцами всех гражданских прав в Америке был в некоторой степени предопределен религией, а именно христианством. Проповедники не раз повторяли, что Иисус Христос принес себя в жертву ради всех людей на земле вне зависимости от цвета их кожи. Таким образом, идея равенства происходит не только от зафиксированного в Декларации независимости, но и от прописанного в религии. Это позволило афроамериканским проповедникам стать выдающимися

лидерами в борьбе за равенство между жителями Америки. Среди них наиболее известными являются Мартин Лютер Кинг-старший, Мартин Лютер Кинг-младший, Уильям Холмс Бордерс и Вернон Джонс, выступавшие против сегрегации и расизма в церкви.

С другой стороны, представители националистического лагеря считали важной только африканскую составляющую их индивидуальности и, следовательно, отрицали возможность быть и африканцами, и американцами одновременно. Такая точка зрения была предопределена историей афроамериканцев в Новом Свете: после продолжительного периода рабства они подверглись сегрегации, эксплуатации и попали под целый ряд политических и социальных ограничений. Единственным возможным способом положить конец такому отношению к себе, по мнению националистов, был возврат к истокам, а именно переезд обратно в Африку. Только в этом случае они получают шанс развивать свою культуру вне отрыва от исторически закрепленной за ними территории.

Среди приверженцев такого подхода можно назвать Дэвида Волкера, Мартина Робинсона Делани, родоначальника национализма в США, Элайджу Мухаммада, лидера организации «Нация ислама», и защитника прав темнокожего населения США Малкольма Икса. Они не видели будущего своего народа в Америке, как и не видели никакой другой Мечты, кроме исключительно Африканской [110, с. 3-17].

Подтверждением этому можно считать одну из самых известных речей Малкольма Икса «The Ballot or the Bullet». В ней он называет происходящее в Америке кошмаром: «*I don't see any American dream; I see an American nightmare*». Такая позиция подкрепляется широким использованием негативно окрашенной лексики: «*victim*», «*suffer*», «*hell*» [152].

Будучи борцом за права своих соотечественников, Малкольм Икс избрал для себя тактику, отличную от тактики его современника – Мартина Лютера Кинга. В речи он полемизирует с последним, жестко отвергая идею мирного решения конфликта («*the "turn the-other-cheek" stuff*», «*And these handkerchief-*

heads who have been dillydallying and pussy footing and compromising...» [152]). Ораторскую манеру Малкольма Икса часто называют «яростной риторикой» («violent rhetoric»). Она проявляется в первую очередь в его отношении к светлокожим американцам. На протяжении всей речи автор не перестает показывать свою «анти-белую» направленность и повторять, что представляет точку зрения лишь радикально настроенных афроамериканцев, не ассоциирующих себя со светлокожими американцами. Последних он часто называет «голубоглазыми дьяволами», «двуногими змеями», «светлокожими обезьянами и животными» («*blue-eyed devils*», «*two-legged snakes*», «*white apes and beasts*») [110, с. 96]. Такой выбор языковых средств определяет негативную стилистическую окрашенность дискурса Малкольма Икса.

Решение возникшей проблемы Малкольм Икс выражает бескомпромиссной оппозицией «the ballot or the bullet» («право голоса либо пуля»). Данное противопоставление определяет собой содержание всего выступления, заключающегося в том, что афроамериканцам пора вступить за свои права:

○ *If we don't do something real soon, I think you'll have to agree that we're going to be forced either to use the ballot or the bullet. It's one or the other in 1964. It isn't that time is running out - time has run out!* [152]

Очевидно, что говорящий призывает слушателей к активным действиям, не исключая вероятности их жестокой ответной реакции, что разительно отличает позицию Малкольма Икса от мнения Мартина Лютера Кинга.

Тем не менее, не вызывает сомнения тот факт, что какими бы ни были средства достижения поставленных афроамериканцами целей, представители направлений интеграционизма и национализма боролись за одно и то же - свободу и равноправие. Малкольм Икс и Мартин Лютер Кинг сошлись во мнении о том, что рабство в Америке отличалось беспрецедентными масштабами и степенью жестокости. «It is true that the type of slavery that was practiced in America was never practiced in history by another country», - говорил Малкольм Икс. Мартин Лютер Кинг соглашался с ним: «Nobody in the history of the world has suffered like the black man» [цит. по 103, с. 317]. Таким образом, можно сделать вывод, что они

оба понимали необходимость изменения сложившейся ситуации в эпоху волнений, чтобы привести людей к исполнению их Мечты.

События последних лет не окрашены в столь же радикальные цвета, как это было в XIX и XX веках. Это связано в первую очередь с тем, чего афроамериканцам удалось достичь в 2008 году, а именно с избранием первого афроамериканца на пост президента страны.

2008 год принес значительные изменения в состав компонентов Афроамериканской мечты. Этот год был одним из наиболее продуктивных для афроамериканцев и по своей значимости встает в один ряд с такими событиями, как подписание Декларации независимости США и отмена сегрегации и дискриминации.

Победа Барака Хуссейна Обамы на выборах стала важным достижением для афроамериканцев. Его жизнь и карьера дали им возможность, наконец, почувствовать себя равными светлокожим гражданам Соединенных Штатов и надеяться на радужное будущее с большим потенциалом. Данное событие показало, что расизм больше не является столь животрепещущим вопросом, каким он был во времена Мартина Лютера Кинга и Малкольма Икса, и что людей оценивают, как мечтал лидер движения за гражданские права в США, не «по цвету кожи, а по чертам их характера» [135].

Помимо четко продуманной политической стратегии Б.Обаму характеризует уникальная личная история, которая стала широко известна благодаря его книгам «Dreams from My Father» и «The Audacity of Hope», которые побудили многих американцев выразить ему поддержку на выборах. Его риторика также оказывает сильное влияние на слушателей. Он умело использует ее для достижения своих целей: убедить людей поверить в него и его силы изменить страну и рассказать историю своей жизни, которая показывает, что Мечта все еще жива в сердцах американцев и что она может быть претворена в жизнь во время его президентства.

В действительности Барак Обама сам стал воплощением Афроамериканской мечты: будучи темнокожим, он сумел достичь беспрецедентных высот в американской политике. Он не раз упоминал Мечту в своих книгах и выступлениях на публике. Для него она связана с мечтами его родителей о лучшем возможном воспитании и образовании для своих детей, потому что они верили, «что в Америке для людей разного цвета кожи, происхождения или достатка не существует барьеров на пути к успеху» [переведено из 159].

В связи с достижениями Барака Обамы в области политики можно трактовать его понимание Мечты как компромисс между Американской мечтой и Афроамериканской мечтой. В его дискурсе отсутствуют примеры его самоопределения только как афроамериканца. Наоборот, он ощущает себя полноценным американцем, не переставая подчеркивать необоснованность деления народа на группы по социальным или расовым признакам:

○ *It's the answer spoken by young and old, rich and poor, Democrat and Republican, black, white, Latino, Asian, Native American, gay, straight, disabled and not disabled – Americans who sent a message to the world that we have never been a collection of Red States and Blue States: we are, and always will be, the United States of America* [161].

Это позволяет говорить о слиянии в его дискурсе двух фундаментальных концептов, являющихся ключевыми для культуры жителей США – белых американцев и афроамериканцев. Действительно, в своей победной речи 2012 года избранный на второй срок президент США несколько раз замечал, что все жители Америки мечтают об одном и том же: «*we have common hopes and dreams*» [162].

Обращение Барака Обамы к идее мечты можно считать закономерным. Это объясняется стремлением жителей США к самоидентификации. Однако в его дискурсе рассматриваемый концепт приобрел новые черты. Это означает, что концепт не теряет свою актуальность. «Если концептуализируемая область важна для языкового сообщества, если имеется потребность подробно и

дифференцированно обозначать оттенки концепта» [51, с. 143], можно говорить об эволюции национально-специфичного концепта.

Барак Обама добавляет новый компонент Мечты – идею изменения к лучшему. Она имеет положительную оценочность, поскольку связана с надеждами на светлое будущее. Метафорическое осмысление изменения связано в дискурсе Б.Обамы с моделью движения, в котором «change» само становится субъектом действия: «*change has come to America*» [161]. Лексема «change» стала ключевой в предвыборной кампании Б.Обамы 2008 года: лозунг его партии звучал как «Change We Need».

Раскрытию содержания рассматриваемого компонента Мечты способствуют такие слова, отражающие то, что заложено в значении «change», как «renew», «new», «different», например «*I look forward to working with them to renew this nation's promise in the months ahead*» [161]. В семантике «different» в случае дискурса Б.Обамы превалирует положительный оценочный компонент. Это определяет отношение аудитории к переменам, связанным с избранием нового президента: «*they [people] believed that this time must be different; that their voice could be that difference*» [161]. В результате у слушающих формируется особое, позитивное видение грядущих перемен.

Прилагательное «new» играет особую роль в дискурсе представителей США, поскольку оно закреплено в таких устойчивых словосочетаниях, обозначающих американские реалии, как «The New Deal» (название экономической политики, проводимой Ф.Д.Рузвельтом), «The New Frontier» (термин, использованный Дж.Ф.Кеннеди для определения предлагаемой им политической программы) и «The New Realism» (направление в философии). Первое находит свое выражение в победной речи Барака Обамы в ряду однородных конструкций, связанных словом «new»: «*a New Deal, new jobs and a new sense of common purpose*» [161]. Данная фраза становится одним из обещаний Обамы, которые он делает в заключении своего выступления после оглашения результатов выборов в США.

Таким образом, можно говорить об идеологическом характере компонента «change» в победной речи Барака Обамы 2008 года. Он является неотъемлемой частью концептуального поля Мечты в ее современном понимании.

Афроамериканская картина мира была бы неполной без еще нескольких концептов, нашедших свое выражение в языке. Среди них особого внимания заслуживает концепт «**freedom**» («свобода»), являющийся по своей природе аксиологическим. Именно он во многом определял тенденции в американском обществе, поскольку уже изначально пилигримы бежали в Новый Свет с целью освободиться от власти англиканской церкви. Впоследствии афроамериканцы боролись с жизненными обстоятельствами, рабством, угнетением и притеснениями. Таким образом, мысль о свободе преследовала жителей США на протяжении нескольких веков и не могла остаться не выраженной в политическом дискурсе.

Рассмотрение семантики концепта «freedom» необходимо начать с его толкования в лексикографических источниках. Так, The Longman Dictionary of Contemporary English определяет эту лексическую единицу как: 1) the right to do what you want without being controlled or restricted by anyone; 2) the state of being free and allowed to do what you want; 3) the state of being free because you are not in prison; 4) freedom from something - the state of not being affected by something that makes you worried, unhappy, afraid etc. [183].

Словарь The Oxford Advanced Learner's Dictionary добавляет к этому списку еще и «the freedom of sth – permission to use sth without restriction». А The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners выделяет еще и форму множественного числа слова «freedom», обозначающую различные виды свободы, например, «basic/fundamental/political freedoms» [185].

The Merriam-Webster Dictionary предлагает более компактную дефиницию, в большей степени, на взгляд автора диссертации, отражающую американское понимание свободы: the quality or state of being free: as a) the absence of necessity, coercion, or constraint in choice or action; b) liberation from slavery or restraint or from the power of another [186].

Анализ словарных статей позволяет говорить о понимании свободы как отсутствия контроля, вмешательства со стороны, а также как свободы от рабства. Эти ключевые смысловые признаки представлены в анализируемых образцах афроамериканского политического дискурса.

Если до 1865 года, года принятия Тридцатой поправки к Конституции США, концепт свободы подразумевал под собой фактическую свободу от рабства, то в первой (с точки зрения хронологии) анализируемой речи («I have a dream» Мартина Лютера Кинга) он отражает нечто более тонкое – отношение к афроамериканцам в обществе и их моральное состояние. Теперь основными компонентами этого концепта стали избавление от сегрегации и дискриминации, уравнивание афроамериканцев и белых американцев в правах и признание их как неотъемлемой части популяции США.

- ... *the Negro still is not free. One hundred years later, the life of the Negro is still sadly crippled by the manacles of segregation and the chains of discrimination.*
- ... *quest for freedom left you battered by the storms of persecution and staggered by the winds of police brutality.*

Однако новая интерпретация свободы Мартином Лютером Кингом все еще сродни свободе от рабства, поскольку противопоставляется состоянию человека, закованного в кандалы. В данном случае имеет место метафорическое осмысление неспособности афроамериканцев вырваться из оков сегрегации и дискриминации.

Помимо этого, понимание свободы тесно связывается говорящим с другими составляющими жизни, к которой так стремятся афроамериканцы, поскольку оно часто оказывается с ними в паре, связанной соединительным союзом «and». К таким случаям относятся следующие: “freedom and ... justice” и “freedom and equality” [135]. Следовательно, для М.Л.Кинга свобода оказывается настолько же важной, как равенство и справедливость, прописанные в Декларации независимости.

Более того, концепт «freedom» в его дискурсе часто встречается в метафорических моделях, представляющих свободу как нечто заряжающее

энергией, утоляющее жажду и позволяющее двигаться дальше в своем развитии: «*an invigorating autumn of freedom*», «*our thirst for freedom*», «*an oasis of freedom*» [135].

Для того чтобы получить желанную свободу, афроамериканцам необходимо самим прилагать усилия. Поэтому в политическом дискурсе Мартина Лютера Кинга концепт «freedom» предполагает осуществление борьбы за свободу.

○ *We must forever conduct our struggle on the high plane of dignity and discipline. We must not allow our creative protest to degenerate into physical violence. <...> we must rise to the majestic heights of meeting physical force with soul force.*

○ *With this faith, we will be able to work together, to pray together, to struggle together, to go to jail together, to stand up for freedom together, knowing that we will be free one day* [135].

Однако, как видно из приведенных примеров, борьба подразумевает не вооруженное восстание, а постоянное движение вперед, душевные силы, стремление изменить ситуацию и заботу о своем будущем. Из этого следует, что Мартин Лютер Кинг, в отличие от Малкольма Икса, не был сторонником радикального подхода к изменению ситуации, а проповедовал интеграцию с белым населением страны.

Концепт «freedom» нашел свое отражение и в дискурсе Малкольма Икса, а именно в анализируемой речи «*The Ballot or the Bullet*», однако в нем он приобретает иное осмысление. Так, ключевой в данном обращении становится строгая оппозиция двух понятий: «ballot» и «bullet». В своем лексикографическом значении первое слово представляет собой избирательную систему в США: говорящий требует от властей предоставления афроамериканцам возможности голосовать.

Однако в рассматриваемом материале данное слово расширяет свои семантические границы, начиная символизировать собой свободу и становясь выражением концепта «freedom» в дискурсе Малкольма Икса: «*By ballot I only mean freedom*» [152]. Более того, в данной речи «ballot» может включать в себя все то, чего так долго были лишены афроамериканцы.

Второй компонент оппозиции играет не менее важную роль в дискурсе Малкольма Икса. Он является открытым призывом афроамериканцев к борьбе: «...*I think you'll have to agree that we're going to be forced either to use the ballot or the bullet. It's one or the other in 1964. It isn't that time is running out – time has run out!*» [152]. И в этом заключается основополагающее отличие его позиции от позиции Мартина Лютера Кинга, о чем он косвенно заявляет в своем обращении: «*We want freedom now, but we're not going to get it saying "We Shall Overcome." We've got to fight until we overcome*» [152]. В данном случае апелляция к «общему знанию» всех афроамериканцев при помощи интердискурсивной ссылки на дискурс М.Л.Кинга позволяет говорящему четко противопоставить свои взгляды стороннику интеграции с белым населением Америки.

Ко времени выдвижения Барака Обамы на пост президента США афроамериканцы уже получили право голоса и другие гражданские права, поэтому в его дискурсе данный концепт не получает такого же освещения, как в дискурсе его предшественников. В победной речи Б.Обамы 2008 года упоминание о свободе полностью отсутствует, однако в 2012 году он напоминает согражданам о ключевых ценностях, на которых построено его государство: «*But also a country that moves with confidence beyond this time of war, to shape a peace that is built on the promise of freedom and dignity for every human being*» [162]. Также Б.Обама актуализирует понимание свободы как невмешательства, говоря о самодостаточности американской нации и целях на будущий президентский срок: «...*I am looking forward to <...> freeing ourselves from foreign oil*» [162]. В современном Б.Обаме мире обладание нефтяными скважинами сродни наличию власти, поэтому он будет стремиться освободить Америку от зависимости от экспортеров нефти.

Еще одним концептом, играющим определяющую роль в афроамериканской картине мира, является концепт «**unity**» («единство»). Его основной реализацией в дискурсе становится онтологическая оппозиция «we» - «they» [66, с. 115].

Первый член оппозиции получает следующее воплощение в афроамериканском дискурсе:

- Во-первых, все авторы используют местоимение первого лица множественного числа «we» и его притяжательную форму, имея в виду либо всех афроамериканцев, либо жителей США в целом вне зависимости от цвета их кожи. «*Now is the time to lift our nation from the quicksands of racial injustice to the solid rock of brotherhood*» [134]; «*... we must learn to forget our differences*» [152]; «*Our climb will be steep. We may not get there in one year or even one term...*» [161].

- К тому же, говорящие активно используют лексемы со значением единения, совместного действия и целостности («together», «one», «unity»): «*With this faith, we will be able to work together, to pray together, to struggle together, to go to jail together, to stand up for freedom together, knowing that we will be free one day*» [135]; «*We have to come together with warmth so we can develop unity and harmony that's necessary to get this problem solved ourselves*» [152]; «*In this country, we rise or fall as one nation, as one people*» [161]. Как видно из примеров, каждый из авторов дискурса пытается обратить внимание слушающих на то, что, только объединившись, они сумеют достичь своей цели.

- Помимо вышеперечисленных способов выражения концепта «unity» в выбранных образцах дискурса, внимания заслуживает еще один. Он заключается в призыве всех жителей США забыть о расовых и классовых различиях: «*...all of God's children, black men and white men, Jews and Gentiles, Protestants and Catholics, will be able to join hands*» [135]; «*It's the answer spoken by young and old, rich and poor, Democrat and Republican, black, white, Hispanic, Asian, Native American, gay, straight, disabled and not disabled - Americans who sent a message to the world that we have never been just a collection of individuals or a collection of Red States and Blue States: we are, and always will be, the United States of America* » [161].

- Однако не во всех выбранных образцах афроамериканского дискурса прослеживается столь оптимистичная позиция автора по поводу взаимоотношений между двумя лагерями, отличающимися лишь цветом кожи и

набором гражданских прав. Так, местоимение «we» используется также и для выражения противопоставления афроамериканцев и белых американцев. Например, Мартин Лютер Кинг, используя синекдоху, обращается к последним, как ко всей стране в целом: «*We have also come <...> to remind America of the fierce urgency of Now*» [135]. Он разделяет понимание свободы этими двумя группами, однако верит, что они тесно связаны между собой: «*...[they] have come to realize that their destiny is tied up with our destiny. And they have come to realize that their freedom is inextricably bound to our freedom*» [135]. Так, будучи сторонником интеграции афроамериканцев с белыми американцами, Мартин Лютер Кинг, в отличие от Малкольма Икса, не создает радикального противопоставления «своих» и «чужих» в речи «I have a dream».

В противоположность этому, оппозиция «we» - «they» позволяет Малкольму Иксу выражать свою агрессию по отношению к последним. Относящееся к белым американцам, местоимение «they» в его речи соседствует чаще всего с негативными конструкциями или со словами с отрицательной коннотацией: «*with their false promises, building up our hopes for a letdown, with their trickery and their treachery, with their false promises which they don't intend to keep*». Таким образом, Малкольм Икс четко обозначает свою радикальную позицию, пропитанную нелюбовью и недоверием к белому населению США.

Завершает описание афроамериканской картины мира не менее значимый концепт, находящий воплощение в дискурсе вот уже несколько веков, - концепт «**struggle**» («борьба»).

В англоязычных лексикографических источниках «struggle» определяется следующим образом: 1) an attempt to do something that takes a lot of effort over a period of time; 2) a fight, or a war a) an attempt to defeat someone or something, or to stop them from having power over you; 3) something that takes a lot of physical or mental effort [185].

Из данной словарной статьи видно, что основными компонентами понимания борьбы являются применение чрезвычайных усилий для достижения

желаемого, а также ее значительная временная продолжительность. В половине случаев «struggle» определяется через слово «fight», которое подразумевает использование физической силы или оружия в борьбе.

Интерпретация борьбы в дискурсе афроамериканцев различается от автора к автору в зависимости от их взглядов на пути решения возникшей проблемы. Так, для Мартина Лютера Кинга характерен призыв к противлению на духовном уровне: «*We must forever conduct our struggle on the high plane of dignity and discipline. We must not allow our creative protest to degenerate into physical violence. Again and again, we must rise to the majestic heights of meeting physical force with soul force*». В его дискурсе концепт «struggle» по значению, скорее, близок ко второй дефиниции, приведенной выше: он не имеет точек соприкосновения с часто синонимичным «fight». Наоборот, борьба появляется в его дискурсе в окружении слов, обозначающих высшие духовные начала, - «dignity», «discipline», «soul».

В противоположность дискурсу М.Л.Кинга, в дискурсе Малкольма Икса концепт «struggle» получает довольно частотное употребление, причем сам автор заявляет о его совершенно новом семантическом наполнении: «*So, we're giving a new interpretation to the civil-rights struggle, an interpretation that will enable us to come into it, take part in it*» [151]. Новое понимание борьбы связано в первую очередь с призывом к активным действиям до победного конца: «*We've got to fight until we overcome*» [152].

Интересен тот факт, что в дискурсе Барака Обамы концепт «struggle» получает неравномерное освещение. Поскольку его победу на выборах в США в 2008 году можно считать победой всех афроамериканцев в борьбе за равные права, в актуализации рассматриваемого концепта не было необходимости: цели достигнуты, так что бороться больше не за что. Несмотря на это, спустя четыре года своего президентского срока Барак Обама вновь вводит концепт борьбы в свой дискурс.

В победной речи 2012 года Барак Обама ставит в один ряд несколько значений борьбы, а именно военные действия за пределами государства и

преодоление сложностей: «*You'll hear the deep patriotism in the voice of a military spouse who's working the phones late at night to make sure that no one who fights for this country ever has to fight for a job or a roof over their head when they come home*» [162]. Говоря о будущем страны, Б.Обама надеется на упорное желание всех американцев внести свой вклад в улучшение социальных условий жизни, поэтому он призывает их бороться за новые рабочие места и новые возможности («*to fight for new jobs and new opportunities*»).

Как видно из приведенных примеров, в победной речи 2012 года концепт борьбы выражается при помощи только лишь лексической единицы «fight», подразумевающей активную борьбу для достижения целей. В некоторых значениях понятие «fight» близко к «struggle», однако все же первыми в словарях идут его дефиниции, связанные с войной или применением физической силы, например, 1) if people fight, they use guns or other weapons against each other; 2) if people or animals fight, they hit, kick, or bite each other a) to hit someone as part of a sport, especially boxing; 3) to disagree or argue about something; 4) to try very hard to prevent something from happening or getting worse; 5) to try in a very determined way to achieve something; 6) to try very hard not to show a feeling or not to do something you want to do; 7) to compete in order to win something or get something [185]. Лишь к пятому значению из данного списка on-line словарь Macmillan в качестве синонима приводит глагол «to struggle». Из этого можно сделать вывод, что Барак Обама не исключает физическую активность как возможный вариант достижения поставленных целей.

Таковы основополагающие концепты афроамериканской картины мира, которые нашли отражение в политическом дискурсе, а именно в дискурсе движения за гражданские права, представленного в данной работе речами Мартина Лютера Кинга и Малкольма Икса, а также современном дискурсе Барака Обамы.

Подводя итог сказанному выше, можно утверждать, что афроамериканская картина мира XX века характеризуется четким противопоставлением реальности

и идеала, необходимостью борьбы, стремлением к свободе и верой в «Мечту». На актуализацию концептов в дискурсе середины XX века значительнее всего повлияло деление афроамериканцев на интеграционистов и националистов, однако все же все перечисленные концепты в той или иной форме присутствуют в дискурсе представителей этих групп.

«Афроамериканская мечта» оказывается сложным, всеобъемлющим и многоплановым концептом, включающим в себя целый ряд компонентов, трансформирующихся в зависимости от эпохи. Она является фундаментом афроамериканской картины мира, которая в XXI веке сблизилась с «Американской мечтой» благодаря дискурсу Барака Обамы. Однако политические события могут подтолкнуть «Афроамериканскую мечту» к началу нового витка ее развития, поэтому нельзя говорить о ее исчезновении в связи с избранием первого афроамериканца на пост президента США.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ РИТОРИКИ

3.1. Основные положения риторики

Умение политика красиво и правильно говорить всегда высоко ценилось обществом. Еще в Древней Греции и Древнем Риме риторика возводилась в ранг искусства, и юношей обучали ей в специальных школах, что позволило эпохе античности воспитать выдающихся раторов, труды которых переведены на множество языков и читаются до сих пор. Среди наиболее известных необходимо назвать Демосфена, одним из первых мастерски овладевшего методами успешной аргументации и применявшего восклицания и вопросно-ответную форму изложения; Сократа и Платона, обративших всеобщее внимание на диалогичную речь и преподававших методы ведения спора; а также Аристотеля, систематизировавшего знания того времени о риторике [6, с. 4-6].

Нельзя обойти стороной и Цицерона, которого по праву называют выдающимся римским оратором. Для него риторика была не только одним из искусств, но и частью «целостного античного миропонимания» [1, с. 6]. Более того, он считал, что любой человек должен овладеть основами этого искусства и применять их в обыденной речи. Действительно, ораторское искусство часто помогало открывать двери к гражданской карьере. Что касается профессиональных ораторов, то им следовало проходить дополнительную подготовку, результаты которой они могли бы применить в гражданских спорах [83, с. 20].

Итоги античной риторики подвел Марк Фабий Квинтиллиан в своем трактате «Образование оратора». В нем он предлагает построить обучение таким образом, что будущий оратор в итоге получит всеобъемлющие знания из разных областей науки и искусства: философии, права, этики, организации речи и т.п. Ценность этого труда заключается в том, что в нем автором заложены основы методики преподавания ораторского искусства, многие из которых остаются актуальными и по сей день.

В рамках риторики эпохи античности было выработано немало понятий, которыми пользуются и сейчас, а также представлений о коммуникации. Так, например, Аристотель отмечал, что «речь состоит из трех элементов: самого говорящего, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому он обращается и которое есть, собственно, конечная цель всего (я имею в виду слушателя)» [8, с. 14]. Как видно из приведенной цитаты, уже тогда ученым было понятно, что именно влияние на адресата посредством вербальных средств является целью любой коммуникации.

Начиная с эпохи античности, риторическая компетенция всячески поощрялась, поскольку помогала человеку преуспеть в жизни, хоть и не занимала больше центральное место в воспитании гражданина. В Средние Века риторика была включена в образовательные программы, так как считалось, что настоящий мужчина должен уметь произносить речи на публике, а также легла в основу гомилетики, то есть искусства христианской проповеди. С изобретением печатного станка и появлением первых тиражей книг риторика стала тесно ассоциироваться с понятием стиля. Однако разнообразие языков и, следовательно, различие в их стилевых возможностях и предпочтениях привело к появлению национальных школ риторики.

Российская риторика обязана своим развитием М.В.Ломоносову. Он отдавал приоритет рациональному синтаксису и рассматривал предложения с точки зрения логичности доводов, а также отступлений от этой логичности, рассчитанных на привлечение внимания и оказание эмоционального воздействия. Помимо этого он развивал стилистику русского языка, создавая правила выбора лексических, фонетических и синтаксических средств выразительности [83, с. 36-50].

В современном мире отношение к риторике может быть названо двояким. С одной стороны, слово все еще остается одним из самых влиятельных механизмов в различных сферах жизни, и особенно в политике. Более того, в нынешнее время средств массовой информации и развитых технологий это слово может быть воспринято не только присутствующей при выступлении оратора аудиторией, но

и далеко за пределами занятой ею территории. Зачастую политики даже избирают для себя особые манеры речевого поведения, которые становятся их «визитными карточками». Следовательно, умение убедительно говорить сохраняет свой чрезвычайно важный характер и по сей день. Более того, оно все еще остается одним из критериев, на основе которых «отбираются лица, способные занимать ответственные должности» [32, с. 3].

Другие общественные задачи риторики состоят: «1) в воспитании ратора – достойного гражданина, компетентного в публичной речи; 2) в создании норм публичной аргументации <...>; 3) в организации речевых отношений, которые составляют базис общества...» [32, с. 3].

С другой стороны, сейчас слово «риторика» все чаще стало ассоциироваться с фальшивостью и излишней напыщенностью. Национальный корпус русского языка изобилует такими примерами:

- *Ее риторика, ленивая мораль, вздорные, ленивые мысли о гибели мира — все это мне глубоко ненавистно...* [А. П. Чехов. Леший (1888)]
- *Впрочем, всё сказанное выше— риторика, эмоции и сплошной субъективизм.* [Вадим Самодуров. Клоны, которые играют в карты (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.02.07] [76].

Этим объясняется некоторое недоверие к сказанному на публике слову.

Тем не менее, в современной науке базовым определением риторики считается дефиниция, данная Аристотелем в его труде «Риторика»: риторика – это «искусство находить возможные способы убеждения относительно любого предмета» [8, с. 8]. Приведенное определение требует некоторого толкования. Дело в том, что, действительно, в античное время не столько была важна истинность речи, сколько ценилось ее правдоподобие. Этим объясняется то, что риторику могли использовать в корыстных целях, чтобы скрыть истинное положение вещей [82, с. 72].

В лингвистике риторика определяется как «теория выразительной речи, изучающая наиболее эффективные способы ее построения» [179, с. 389]. Более распространенную дефиницию дает в предисловии к сборнику статей

французских языковедов А.К.Авеличев: риторика – «это наука о способах убеждения, разнообразных формах преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемого с учетом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта» [1, с. 10].

Представляется необходимым дать толкование данному определению. В его главу ставится убеждение как основная характеристика красноречия.

Действительно, задачей любого риторического выступления является убеждение адресата в правильности того или иного мнения, а также в правомерности какого-либо действия. Помимо этого, «преимущественно языковое воздействие на аудиторию» подразумевает еще и важную роль мимики и жестов говорящего, поскольку, дублируя сказанное, они, таким образом, усиливают вкладываемую в слова мысль. Безусловно, оратор должен знать свою аудиторию, разделять с ней культурный и исторический фон. Чтобы быть понятым, ему необходимо апеллировать к общему для них опыту и говорить доступным языком.

«Главная особенность риторики в том, что она и сосредоточивается на структуре языковой личности отправителя и получателя речи — ратора, на речевой технике аргументации и на методе построения целесообразного высказывания» [32, с. 4-5]. Иными словами, для ораторского искусства крайне важной оказывается личностная составляющая речи.

Более того, риторика учитывает особенности культурно-исторического фона того языкового общества, в котором имеет место выступление оратора. Следовательно, можно говорить о существовании русской, американской, французской, немецкой и других риторик, а универсальная риторика оказывается невозможной [32, с. 4-5]. В этом плане интерпретация риторического материала тесно связана с идеями когнитивной науки и лингвокультурологии, особенно с тем, как ментальные процессы находят свое выражение в вербальной форме, несущей на себе отпечаток культурного и исторического опыта, а также опыта осмысления мира той или иной языковой общностью.

Помимо этого, риторический анализ устного материала часто проводится с целью выявления его фонетических особенностей. Риторическая фонетика

изучает «просодические и паралингвистические признаки, используемые говорящим для установления контакта со слушающим и воздействия на него» [цит. по 5, с. 11]. Такой подход к риторике приобретает особое значение и в рамках преподавания иностранных языков, поскольку овладение произносительным стандартом иностранного языка является одним из условий достижения эффективной коммуникации [117, с. 115-126].

При обсуждении риторической фонетики нельзя забывать и о понятии «тембр II», который отличается от тембра I своей стилистической маркированностью, имеющей целью привлечение внимания слушающего, и который характеризуется сверхсегментными особенностями организации высказывания. Особое внимание этим понятиям уделяют на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Т.В. Аниховская, Е.С. Долецкая, О.С. Миндрул, О.С. Ахманова, Л.В. Минаева, М.Э. Конурбаев, Л.В. Целебрицкая и др.).

На протяжении своей истории риторика развивалась в тесной связи и с другими науками. Так, например, она близка к прагматике, поскольку обе рассматривают язык как инструмент человеческой деятельности, обладающий не сравнимой ни с чем силой. Риторические средства способствуют выражению замысла автора, то есть прагматической установки текста.

Без риторики невозможно представить распространенный в Америке контент-анализ, описанный в первой главе данной диссертации, ведь он также ставит перед собой вопросы восприятия конкретного речевого произведения и анализирует отношение аудитории к тем или иным текстovým формулировкам.

Теория коммуникации также взяла многое из риторики. Так, например, она концентрируется вокруг определения эффективности речи. Та, в свою очередь, зависит от степени схожести исходной мысли, закодированной автором, и результата ее декодирования адресатом. Именно препятствия во взаимопонимании и стали предметом исследования в рамках этой теории.

Помимо этого, риторику часто связывают с таким популярным на сегодняшний день направлением, как теория аргументации. Ее отправным пунктом является идея о том, что одной из основных категорий человеческой деятельности является убеждение, интерес к которому проявляют представители разных наук: лингвисты, логики, психологи, философы, риторы и другие. Основу теории аргументации заложил Х.Перельман, определявший ее объект как «изучение дискурсивных приемов, позволяющих вызвать или усилить сочувствие к предложенным для одобрения положениям» [цит. по 1, с. 15].

Сторонники данной теории пытаются осуществить поиск наиболее удачных моделей аргументации. Они понимают аргументацию как «определенную человеческую деятельность, протекающую в конкретном социальном контексте и имеющую своей конечной целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости каких-то положений» [48, с. 4]. Отсюда вытекает формулировка основной задачи теории коммуникации, а именно выявление и объяснение механизмов убеждения аудитории автором какого-либо словесного произведения.

3.2. Американская политическая риторика

Как следует из краткого исторического обзора, умение говорить на публике всегда ценилось в мире политики. Оно не потеряло своей важности и в XXI веке. Слово все еще остается одним из самых сильных методов влияния на мысли и поступки людей. Правильный выбор и успешное использование вербальных средств во многом зависят от целевой установки автора и таких экстралингвистических факторов, как ситуативная и социальная обусловленность.

Особенность политической риторики заключается в том, что перед политиком стоит более широкая задача, чем перед представителем любой другой профессии. А.Г.Алтунян выделяет три ее составляющие. Во-первых, политику необходимо «убедить аудиторию, что именно его точка зрения истинна, что именно его видение проблем и общества адекватно реальности и что в рамках

именно так понятой действительности возможно эти проблемы решить» [4, с. 17]. В данной ситуации выполнение задачи возможно лишь в том случае, если аудитория увидит актуальность озвученных проблем и согласится с необходимостью решать их.

Во-вторых, политик «должен предложить такую картину текущего момента и так ее изобразить, чтобы нашлись общие точки соприкосновения между видением ситуации аудиторией и его изложением» [4, с. 17]. Иными словами, говорящий должен учитывать социальные, расовые, конфессиональные и другие особенности его аудитории и оперировать категориями, понятными слушающим.

Третья задача политика состоит в необходимости «доказать, что предложенное им решение актуальных для аудитории проблем – лучшее из всех возможных» [4, с. 17]. Для реализации этой цели говорящему следует прибегать к логически обоснованным аргументам, красочным образам и риторическим средствам, которые привлекут внимание слушателей, закрепятся в их памяти и впоследствии будут выданы за их собственные идеи. Достижение последней цели зависит от мастерства и опыта автора, от его умения использовать средства выразительности в достаточном количестве и расставлять их в правильных местах, чтобы аудитория была готова принять участие в активных действиях, а не осталась пассивной.

Вне сомнения, современная американская риторика преследует все эти цели. Она является продолжательницей античного ораторского искусства. Так, идеи, высказанные Аристотелем в его труде «Риторика», давшем научное обоснование этой компетенции человека, сохраняют свою актуальность до сих пор. Рост внимания к риторике в США наблюдается с начала XX века, когда ее вновь стали преподавать в образовательных учреждениях. В то же время появляются и американские теоретики красноречия: Дж.А.Уинанс, представляющий психологическое направление, в сфере интересов которого находятся проблемы управления эмоциональным состоянием адресата; Дж.Кэмпбелл, Х.Ч.Уилченс и другие. В настоящий же момент американские

специалисты уделяют большое внимание ораторской деятельности президентов и используют ее в качестве материала для исследований.

В конце XX века Т.М.Бережная выделила несколько направлений современной американской риторики. Первое направление трактует риторику как речевое общение с точки зрения теории и практики, что очень близко классической риторике. Результатом теоретического осмысления становятся многочисленные учебные пособия, направленные на культивирование ораторских навыков у представителей делового мира.

Второе направление рассматривает риторику с литературной точки зрения, а именно дает авторам рекомендации по успешному использованию языка на письме, так же, как и в устной речи, направленного на оказание максимального воздействия на адресата.

Третье направление имеет более тесную связь с миром политики. В нем в центр ставятся вопросы оказания влияния на массовую аудиторию при помощи вербальных средств [19].

Эта классификация подходов к пониманию риторики в современной Америке сохраняет свою актуальность и по сей день, ведь ораторское искусство остается одним из самых эффективных средств осуществления политической борьбы и поддержания авторитета политика. В сфере интересов данного исследования лежит последнее направление, поскольку именно оно рассматривает ораторское искусство вне отрыва от политического фона.

Политическая риторика предполагает особый подход к языку, поскольку от правильного выбора и удачной расстановки вербальных средств зависит не только успех коммуникации, но и степень влияния на аудиторию, а, следовательно, и результативность той или иной политической программы.

Американская политическая риторика часто обращается к целому ряду стереотипов: 1) об уникальности прошлого американского народа; 2) о гордости, испытываемой за сохранение и поддержание национального своеобразия населения; 3) о наборе черт национального характера, включающего внимание друг к другу, сплоченность и оптимизм; 4) о главных жизненных ценностях

(свободе, праве и т.п.). Упоминание этих стереотипов можно найти в большом количестве примеров дискурса американских политиков [58, с. 62].

Многие из перечисленных выше стереотипов нашли свое выражение и в афроамериканском дискурсе. Однако исторические периоды наложили свои отпечатки на их специфику. Так, афроамериканский дискурс движения за гражданские права едва ли выражает гордость за прошлое страны и поддержание национального своеобразия. Наоборот, в нем подчеркивается разобщенность американского общества. Тем не менее, и М.Л.Кинг, и Малкольм Икс апеллируют к ценностям общества и напоминают о необходимости забыть о различиях ради общего будущего:

- *...we must first learn to forget our differences* [152].
- *With this faith, we will be able to work together, to pray together, to struggle together, to go to jail together, to stand up for freedom together...*
- *We must forever conduct our struggle on the high plane of dignity and discipline* [135].

В современном дискурсе, проиллюстрированном в данной работе дискурсом Барака Обамы, можно обнаружить все стереотипы американских политических выступлений. Так, уникальность прошлого находит свое выражение благодаря внедрению историй жизни различных людей в речи президента США. Одной из наиболее известных является биография Энн Никсон Купер, которая стала свидетельницей более чем векового развития Америки. Очевидно, что Б.Обама гордится изменениями, произошедшими в стране за этот период, поскольку они доказывают неограниченность возможностей американцев.

Внимание Б.Обамы к национальному, религиозному, социальному и т.п. своеобразию стало считаться характерной особенностью его дискурса после его выступления на Демократической Национальной Конвенции в 2004 году. Впоследствии он не раз повторял, что американский народ един:

- *It's the answer spoken by young and old, rich and poor, Democrat and Republican, black, white, Hispanic, Asian, Native American, gay, straight, disabled and*

not disabled Americans who sent a message to the world that we have never been just a collection of individuals or a collection of red states and blue states; we are and always will be the United States of America [161].

Помимо этого говорящий верит в то, что его народ живет в лучшей стране («...*we live in the greatest nation on earth*» [162]), основанной на принципах свободы и человеческого достоинства как главных жизненных ценностях («...*a country that moves with confidence beyond this time of war to shape a peace that is built on the promise of freedom and dignity for every human being*» [162]).

Вера политиков в уникальность их страны чрезвычайно важна для поддержания духа народа. Чем чаще она находит выражение в дискурсе, тем больше людей начинают разделять эту веру благодаря убедительности произнесенного слова.

3.3. Специфика афроамериканской риторики и ее эволюция

3.3.1. Риторика движения за гражданские права афроамериканцев в США

Как уже отмечалось ранее, афроамериканская риторика представлена в данной диссертации дискурсами середины XX века, то есть времени движения за гражданские права афроамериканцев в США, и начала XXI века, а именно дискурсом нынешнего американского президента Барака Обамы. Временной разрыв между ними позволяет провести сравнительный анализ материала с точки зрения риторических средств, использованных авторами для передачи их идей и мыслей и в значительном количестве случаев также способствующих выражению призывов, обращенных к аудитории. Особое внимание при анализе будет уделено наиболее частым и ярким риторическим средствам, выбор которых продиктован историческими условиями.

Движение за гражданские права афроамериканцев в США в 60-х годах XX века охватывает собой период выступлений и протестов, направленных на то, чтобы положить конец расовой сегрегации и дискриминации темнокожих жителей США и добиться для них полного набора гражданских прав.

Ситуация была такова, что к середине XX века бóльшая часть афроамериканцев проживала на юге страны, где все еще сильны были законы Джима Кроу, серьезно ограничивающие в правах темнокожее население. В южных штатах сегрегация пронизывала буквально все аспекты жизни людей: разделение на зоны существовало в школах, гостиницах, ресторанах, автобусах и т.п.; даже над питьевыми фонтанами висели таблички с указаниями, какая часть населения может ими пользоваться. Более того, у афроамериканцев не было права участвовать в выборах.

К 1963 году, году Марша на Вашингтон за рабочие места и свободу, начиная с бойкота автобусных линий в Монтгомери в 1955 году, тысячи афроамериканцев поучаствовали в акциях против несправедливости, получивших название «Движение за гражданские права афроамериканцев в США». Формы протеста включали в себя бойкоты, сидячие демонстрации (например, в Гринсборо (штат Северная Каролина)), марши (например, от Сельмы до Монтгомери (штат Алабама)) и др.

Результатом этого движения стал Закон о гражданских правах 1964 года, запретивший расовую, гендерную, религиозную и национальную дискриминацию на рабочих местах и в сферах услуг и торговли. Год спустя был принят Закон об избирательных правах, благодаря которому афроамериканцы получили возможность участвовать в государственных выборах разного уровня. В целом, упорство и самоотверженность афроамериканцев позволили им добиться прекращения угнетения в различных сферах жизни и хотя бы доли уважения со стороны светлокожих американцев [127, с. 1-5].

Перед тем как приступить к разбору наиболее типичных для афроамериканского дискурса движения за гражданские права средств выразительности, необходимо объяснить само понятие риторического приема. Любой политический текст можно разложить на три составляющие: «1) уровень прямого слова, содержательный уровень: то, что сказано прямо; 2) риторический уровень: то, как сказано; 3) уровень априорных посылок: идеи, представления, лежащие в основе прямого слова» [4, с. 30]. Очевидно, что в сфере интересов

риторики лежит именно второй уровень политического текста, а именно принципы оформления мысли, выбор средств выразительности и т.п.

Важно оговорить в самом начале, что использование риторических средств не является отклонением от общеупотребительной нормы языка. Наоборот, риторический прием, опираясь на нормы, типизирует и обобщает их, делая их наиболее выразительными. Например, анафора следует всем правилам синтаксиса языка, но благодаря повтору слов выделяется на фоне остальных синтаксических конструкций.

Однако А.А.Волков предостерегает всех занимающихся риторикой от принятия ошибочного мнения о том, что риторические средства являются лишь украшениями речи, несмотря на то что их основная функция заключается именно в этом. Тем не менее, этим их функционал отнюдь не ограничивается. Так, например, они могут способствовать осмыслению высказывания, выделению его из ряда однотипных, приращению новых смыслов и организации хода мысли [32, с. 285-286].

Для политического дискурса использование большого количества выразительных средств является достаточно типичным, поскольку к этому располагают ситуации общения политиков с публикой. Прежде всего говорящему необходимо постоянно удерживать внимание аудитории, что едва ли возможно без языковых модуляций, поэтому большая часть ораторских выступлений (афроамериканские не являются исключением) изобилует различными риторическими приемами, которые часто выстраиваются в целую систему, переплетаясь друг с другом.

Классическая риторика оставила после себя богатое разнообразие средств выразительности. На сегодняшний момент существует большое количество их классификаций. Вслед за В.Я.Задорновой, И.В.Арнольд и другими исследователями, которые ориентируются на принципы классической филологии, в данной диссертации принимается точка зрения, в соответствии с которой все приемы можно разделить на изобразительные средства, или тропы, и выразительные средства, или фигуры речи.

Первая группа включает в себя «все виды образного употребления слов» [9, с. 46]: метафору, метонимию, гиперболу, литоту, иронию и т.п. Квинтиллиан определял троп как «самовыражение, от естественного и главного знаменования на другое перенесенное, для красоты речи» [53, с. 126]. Пользуясь терминологией Р.Якобсона, тропы можно назвать «парадигматическими», поскольку они предполагают выбор слов и выражений по усмотрению автора из целой массы возможных вариантов [68, с. 170]. Необходимость осуществить выбор подталкивает автора к применению творческого подхода к тому, в какую форму он облечет свои мысли, поэтому тропы являются наиболее разнообразными средствами выразительности из всех риторических средств.

Вторую группу представляют фигуры речи. Фигура речи – это «некий оборот речи, от общего и обыкновенного образа изъяснения мыслей отступающий» [53, с. 126]. В эту группу входят те средства, которые «повышают выразительность речи и усиливают ее эмоциональность при помощи особых синтаксических построений: инверсия, риторический вопрос, параллельные конструкции, контраст и т.д.» [9, с. 45]. Они, в отличие от тропов, являются синтагматическими, так как связаны с расположением частей внутри высказывания/предложения.

В соответствии с классификацией риторических средств, приведенной выше, целесообразным представляется начать с рассмотрения одного из важнейших тропов, а именно - метафоры. Метафора – это «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [179, с. 231].

Метафоры зачастую помогают авторам найти наиболее адекватное выражение их мыслям. Интересно в этом отношении высказывание академика В.В.Виноградова: «...метафора, если она не штампована, есть акт утверждения индивидуального миропонимания, акт субъективной изоляции. В метафоре резко выступает строго определенный, единичный субъект с его индивидуальными тенденциями мировосприятия. Поэтому словесная метафора — узка, субъектно замкнута и назойливо «идейна», то есть слишком навязывает читателю

субъективно-авторский взгляд на предмет и его смысловые связи» [цит. по 37, с. 128]. Следовательно, для эффективности воздействия метафора не должна быть стертой, а, наоборот, свежей и оригинальной, быть результатом воображения автора.

Нельзя недооценивать роль метафоры в политике. Теория политической метафоры позволяет по-новому взглянуть на уже известный феномен метафоры в ее политическом окружении. Умело использованная метафора становится орудием аргументации и мощным средством выражения прагматических установок автора.

В рамках этой теории не существует единого направления исследования метафоры. Так, Э.В.Будаев и А.П.Чудинов выделяют целый ряд методов. Первый, риторический, или, как принято в отечественной традиции, семантико-стилистический, представляет собой развитие классического подхода к определению метафоры. Подобно Аристотелю, сторонники этого подхода считают ее просто одним из средств выразительности, который помогает разнообразить стиль и оказать особое воздействие на адресата.

Второй подход основывается на достижениях когнитивистики и, следовательно, рассматривает метафору как одну из форм осмысления и интерпретации окружающего мира человеком. Третий подход развивается в рамках критического дискурс-анализа и подразумевает использование метафор для осуществления и поддержания власти. При помощи метафор можно выразить дискриминацию, социальное неравенство и т.п. Другие исследования связаны с контент-анализом целых корпусов текстов, а также с применением достижений психолингвистики [21, с. 21].

В рамках прагматического подхода Г.П.Грайса и Дж.Серля метафора рассматривается как нарушение максимы качества (быть правдивым). Иными словами, при каждом использовании метафоры человек произносит нечто заведомо ложное, а адресату необходимо восстановить импликатуру и избежать буквального понимания высказывания.

В данной диссертации особую важность приобретают риторическое и когнитивное направления теории политической метафоры. Если ориентироваться на хронологию появления этих направлений, логичным будет начать именно с риторического направления, основы которого заложил М.Осборн. В результате своих исследований он пришел к выводу о существовании архетипичных метафор, а именно, метафор, связанных с природными реалиями, понятными представителям любой языковой общности, поскольку они закреплены в общечеловеческом опыте и придают политическому дискурсу чрезвычайную убедительность [21, с. 30].

Проиллюстрировать этот феномен можно при помощи метафор из речи Мартина Лютера Кинга «I have a dream». Лидер движения за гражданские права афроамериканцев в США часто прибегает к метафоричности изложения, так что абстрактные понятия «свобода», «бедность», «дискриминация», «сегрегация» и другие приобретают физические очертания:

- *storms of persecution*
- *winds of police brutality*
- *heat of injustice*
- *heat of oppression*
- *the flames of withering injustice*
- *the manacles of segregation and the chains of discrimination* [135]

Действительно, унижение, вызванное угнетением и отсутствием гражданских прав, сродни негативным ощущениям при сильной жаре, во время шторма, а также физической боли от оков, кандалов и пламени. Придание абстрактным вещам физической формы помогает говорящему лучше донести свою идею до аудитории, поскольку в таком случае налицо апелляция к конкретным физическим ощущениям.

С установлением когнитивной парадигмы метафора привлекла к себе особое внимание лингвистов. Как уже говорилось ранее, идея концептуальной метафоры Дж.Лакоффа и М.Джонсона открыла перед исследователями новые горизонты для изучения, а именно то, что анализ метафорических моделей,

выраженных в каком-либо языке, может содействовать выявлению национально-культурных особенностей и опыта его носителей [141].

Сделанные Дж.Лакоффом и М.Джонсоном выводы о метафоре как главном способе мышления позволяют говорить о необходимости анализа метафор политической коммуникации, поскольку именно они могут выявить особенности мышления политика и его истинное отношение в проблеме. Эта идея была положена в основу такого современного направления, как теория политической метафоры, возникшего на стыке политической лингвистики и метафорологии и опирающегося на их достижения [21, с. 5].

Согласно теории концептуальной метафоры, процесс метафоризации заключается в осмыслении одной информации через другую, то есть переносе из области-источника (англ. source domain) в область-мишень (англ. target domain). Иными словами, метафора как будто прокладывает мост от чего-то непонятного, неизвестного, абстрактного к более понятному, известному и конкретному (например, время - деньги, любовь – путешествие). Чаще всего осмысление происходит именно в таком направлении, а не наоборот.

Как пишут Э.В.Будаев и А.П.Чудинов, в современных российских исследованиях наблюдается тенденция к синтезу основ когнитивного и дискурсивного подхода к анализу политической метафоры (А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов, Н.О.Празян, А.М.Стрельникова, А.П.Чудинов и др.). Это приводит к тому, что в сфере интересов исследователей лежат не только способы категоризации мира при помощи метафоры, но и ее лингвосоциальные характеристики, то есть особенности экстралингвистической реальности, в которой создается данная метафора [21, с. 39].

Именно такой подход и лег в основу анализа метафор афроамериканского политического дискурса, представленного в данной диссертации личностными дискурсами М.Л.Кинга, Малкольма Икса и Б.Обамы.

Метафорой, создающей наиболее яркие образы и прослеживающейся в целом ряде образцов дискурса движения за гражданские права, является

метафора пути («Жизнь афроамериканца – это путь (к лучшему миру)»). Стоит отметить, что, несмотря на то что метафора пути является стертой метафорой, она отличается чрезвычайной продуктивностью и частотностью как в английском языке, так и в мире политики. Она имеет особое значение в американской культуре, поскольку связана с историческим опытом народа: пересечением Атлантического океана с надеждой обрести лучший мир в Новом Свете, а также освоением Запада США в XIX веке. Этим объясняется периодическое обращение американских политических деятелей к метафоре пути.

В дискурсе Мартина Лютера Кинга можно найти много примеров этой метафоры. Причиной этого можно считать идею автора о том, что спасение афроамериканцев в Америке сродни исходу евреев из египетского плена, описанного в Библии. Именно с этой истории он начинает свою известную речь «I've been to the Mountaintop»:

○ *You know, whenever Pharaoh wanted to prolong the period of slavery in Egypt, he had a favorite, favorite formula for doing it. What was that? He kept the slaves fighting among themselves. But whenever the slaves get together, something happens in Pharaoh's court, and he cannot hold the slaves in slavery. When the slaves get together, that's the beginning of getting out of slavery. Now let us maintain unity [136].*

Действительно, для того чтобы победить, то есть добиться полноценных гражданских прав, афроамериканцам в первую очередь необходимо достичь взаимопонимания внутри своей группы и не тратить силы на разногласия между собой. Только в этом случае они смогут вместе преодолеть сложный путь к новому миру.

Этот новый, светлый и лучший мир М.Л.Кинг, вновь внедряя в свой дискурс аллюзию на Библейскую историю, называет «the Promised Land» («Земля обетованная»). В Библии это наименование носит земля, обещанная Богом потомкам Авраама. При этом говорящий отмечает, что Бог показал ему эту землю. Таким образом, у жизненного пути афроамериканцев появляется конкретный пункт назначения:

○ *And He's allowed me to go up to the mountain. And I've looked over. And I've seen the Promised Land. I may not get there with you. But I want you to know tonight, that we, as a people, will get to the promised land!* [136]

В данном случае метафора пути к лучшему миру переплетается с идеей единства, а апелляция к религии напоминает людям о существовании прецедентной ситуации, что не может не вселять надежду в аудиторию.

На протяжении своей жизни Мартин Лютер Кинг не переставал призывать афроамериканцев к движению вперед (*We must move on* [132]), проповедуя при этом отказ от жестокости (*You can't walk straight when you hate* [133]). Помимо этого, сами марши, в которых он принимал участие, являлись символами того пути, который афроамериканцам необходимо пройти вместе (отсюда и призывы «*Let us march*» [134]). Таким образом, метафора пути лежит в самой основе движения за гражданские права.

В отличие от М.Л.Кинга, Малкольм Икс не обращался к метафоре пути так же часто. В его дискурсе можно найти лишь несколько примеров реализации этой концептуальной метафоры. Несмотря на то что на жизненном пути афроамериканца оказывается слишком много препятствий, Малкольм Икс считает, что правда поможет преодолеть их:

○ *You don't have anybody putting blocks in your path but people who are a part of the government* [152].

○ *Truth will make us walk for ourselves* [152].

○ *But as racism leads America up the suicide path, I do believe, <...> that the whites of the younger generation <...> will turn to the spiritual path of truth—the only way left to America to ward off the disaster that racism inevitably must lead to* [150].

Однако метафора пути не является единственной в дискурсе движения за гражданские права. Так, еще одной яркой метафорой, которую использует в своем дискурсе М.Л.Кинг, является «Справедливость – это денежные средства». В известной речи «*I have a dream*» можно найти следующие выражения:

○ *In a sense we've come to our nation's capital to cash a check.*

- *...the architects of our republic <...> were signing a promissory note...*
- *It is obvious today that America has defaulted on this promissory note...*
- *...America has given the Negro people a bad check, a check which has come back marked "insufficient funds."*
- *But we refuse to believe that the bank of justice is bankrupt. We refuse to believe that there are insufficient funds in the great vaults of opportunity of this nation. And so, we've come to cash this check, a check that will give us upon demand the riches of freedom and the security of justice [135].*

Как видно из приведенных примеров, выделенные слова связаны с финансовой, банковской тематикой. Мартин Лютер Кинг неслучайно выбрал именно такую метафору для выражения своей мысли. Действительно, в Декларации независимости США прописано равенство всех жителей Америки. Говорящий называет это «долговым обязательством», которое необходимо соблюдать всем. Однако реальная ситуация доказывает обратное, как будто банк, в котором хранилась справедливость, обанкротился.

В данной связи интересно отметить, что, апеллируя к дискурсу и позиции своего современника, Малкольм Икс использовал эту же метафору. В речи «A Message to the Grassroots» он произнес: «*King became bankrupt, almost, as a leader*» [146]. Так он хотел показать несостоятельность точки зрения М.Л.Кинга относительно непротивления злу насилием и нехватку у того новых идей после Марша на Вашингтон.

Сам Малкольм Икс не столь же часто облакал свои мысли в метафорическую оболочку. Тем не менее, одной из наиболее ярких метафор в его речи «The ballot or the bullet» является метафора, связанная с образом сидящего за столом человека с пустой тарелкой:

- *I'm not going to sit at your table and watch you eat, with nothing on my plate, and call myself a diner. Sitting at the table doesn't make you a diner, unless you eat some of what's on that plate [152].*

Этим приемом говорящий хотел показать абсурдность предложений его соотечественников прийти к союзу со светлокожими американцами, поскольку

смирение и непротивление будут лишь декорациями, но суть положения афроамериканцев в США от этого не изменится. Только лишь равенство позволит этим двум группам жителей страны сесть за один стол.

Несмотря на небольшое количество отдельных метафор в этом образце дискурса Малкольма Икса, вся речь целиком представляет собой развернутую метафору, которая обозначена еще в названии, под которым она известна, - «The ballot or the bullet». В данном примере метафорическое содержание облечено в форму антитезы, одну из самых любимых фигур речи Малкольма Икса.

Прием антитезы состоит в «антонимировании сочетаемых слов» [179, с. 49]. Иными словами, в основе этой фигуры речи лежит контрастное сопоставление одного явления с другим, то есть на поверхность выводятся противоположные характеристики сравниваемых явлений/предметов. Реализация антитезы в устном политическом дискурсе может происходить как на уровне фраз, так и на уровне более объемных отрезков. Достаточно часто, чтобы сделать акцент на контрастной информации, антитеза дополняется синтаксическим параллелизмом, что позволяет без особого труда вычленить различия.

С помощью метафоры-антитезы «*the ballot or the bullet*» говорящий указывает на то, что светлокожие американцы должны осуществить выбор: дать афроамериканцам возможность участвовать в выборах президента и государственной администрации или быть готовыми ответить за ущемление в правах.

○ ...*I think you'll have to agree that we're going to be forced either to use the ballot or the bullet. It's one or the other in 1964. It isn't that time is running out – time has run out!* [152]

Как уже было сказано, заголовок, под которым известно это выступление Малкольма Икса, является сугубо метафоричным. В узком смысле «ballot», т.е. избирательный бюллетень, обозначает право афроамериканцев на участие в выборах. Однако для автора это слово имеет более широкое значение – свободу («*By ballot I only mean freedom*» [152]). Можно предположить, что оно может заменять собой вообще все то, чего были лишены афроамериканцы. Что касается

слова «bullet», то оно воплощает в себе желание темнокожих американцев отомстить за многовековое угнетение своего народа. Следовательно, слова «ballot» и «bullet» становятся контекстуальными антонимами в данной ситуации.

На протяжении своей речи Малкольм Икс не раз повторяет эту метафору-антитезу. Таким образом, сразу несколько риторических средств способствуют выразительности данной фразы.

Не менее яркий пример антитезы содержит в себе противопоставление «American dream» («Американской мечты») и «American nightmare» («Американского кошмара»), которое уже было упомянуто во второй главе данной диссертации, а также контраст между образом корабля «Mayflower», на котором пилигримы прибыли в Новый Свет, и корабля, доставляющего рабов:

○ *You didn't come here on the "Mayflower." You came here on a slave ship—in chains, like a horse, or a cow, or a chicken. And you were brought here by the people who came here on the "Mayflower." You were brought here by the so-called Pilgrims, or Founding Fathers [146].*

В дискурсе Малкольма Икса антитеза может быть использована и в качестве призыва, например, к единению:

○ *And these people [речь идет об участниках Бандунгской конференции 1955 года – авт.] who came together didn't have nuclear weapons, they didn't have jet planes, they didn't have all of the heavy armaments that the white man has. But they had unity [146].*

Несмотря на то что историческая ситуация середины XX века – сосуществование светлокожих и темнокожих жителей Америки, обладавших разными правами и возможностями, на одной территории – располагала к четкому противопоставлению представителей обеих групп, антитеза не нашла одинакового применения в дискурсах авторов того времени.

Так, как уже было сказано ранее, Мартин Лютер Кинг был сторонником интеграционизма, т.е. проповедовал идею непротивления и единства всех жителей США. Этим объясняется малое количество примеров антитезы в выбранном для анализа образце дискурса – речи «I have a dream». Несмотря на то

что лидер движения за гражданские права афроамериканцев разграничивает судьбы темнокожих и белокожих американцев, он отмечает, что одни не могут существовать без других. Это же относится и к идее свободы:

○ *...many of our white brothers <...> have come to realize that their destiny is tied up with our destiny. And they have come to realize that their freedom is inextricably bound to our freedom [135].*

Помимо этого, в рамках движения за гражданские права антитеза может достигать высших уровней выразительности при описании прошлого/настоящего и будущего афроамериканцев. Так, например, в дискурсе М.Л.Кинга прошлое описывается как нечто зыбкое, темное и глубокое, а будущее – как что-то светлое и надежное:

○ *Now is the time to rise from the dark and desolate valley of segregation to the sunlit path of racial justice. Now is the time to lift our nation from the quicksands of racial injustice to the solid rock of brotherhood [135].*

Вероятно, это противопоставление связано с одной из ориентационных концептуальных метафор, выделяемых Дж.Лакоффом и М.Джонсоном, - «Good is up, bad is down» (рус. «Хорошее ориентировано вверх, плохое – вниз») [141, с. 18]. Следовательно, все негативное из истории пребывания афроамериканцев в США должно остаться в прошлом, а лучшая жизнь ждет их в будущем.

Помимо метафоры внимания заслуживают многочисленные примеры еще одного тропа – синекдохи. Ее смысл заключается в «замене названия целого названием какой-либо его части, в названии частного вместо названия общего и наоборот» [179, с. 405]. Чаще всего изучаемые авторы используют этот прием, когда им необходимо упомянуть всех жителей США или обратиться к ним. В таких случаях название страны подразумевает под собой людей:

○ *It is obvious today that America has defaulted on this promissory note, insofar as her citizens of color are concerned. Instead of honoring this sacred obligation, America has given the Negro people a bad check...*

○ *We have also come to this hallowed spot to remind America... [135]*

- *1964 threatens to be the most explosive year America has ever witnessed* [152].
- *...America has a very serious problem.*
- *... it's wrong for America to draft us...* [146]

Риторические приемы могут заключаться и в модификации синтаксической структуры высказывания, то есть в создании особой его организации, выделяющей его из числа остальных и, соответственно, привлекающей внимание адресата. Обнаружение синтаксических риторических приемов в дискурсе может способствовать раскрытию замысла автора, поскольку очевидно, что особому оформлению подвергаются самые важные мысли.

Одним из наиболее частотных синтаксических риторических средств является параллелизм. Он заключается в повторе структуры высказывания или его части в составе другого высказывания/его части. К этому приему прибегают не только в области политической риторики, но и в науке, художественной литературе, журналистике и т.п.

Большое количество примеров параллелизма можно обнаружить в дискурсах выбранных борцов за гражданские права афроамериканцев - М.Л.Кинга и Малкольма Икса. В первом случае данному приему отводится важная роль, поскольку на дискурс М.Л.Кинга значительное влияние оказал язык Библии, изобилующий примерами параллельной структуры.

В целом же параллельная структура предложения позволяет говорящему усилить какую-либо идею и привнести в нее новые оттенки смысла. Параллелизм может быть использован на разных уровнях синтаксиса, начиная от отдельных слов и заканчивая целыми предложениями. Поэтому он входит в число наиболее эффективных и частотных риторических средств [124, с. 447].

1. Параллелизм на уровне слова:

- *the dark and desolate valley*
- *the cup of bitterness and hatred* [135]
- *brothers and sisters, friends and enemies*[152]

2. Параллелизм на уровне словосочетания:

- *the riches of freedom and the security of justice*
- *from every village and every hamlet, from every state and every city* [135]
- *whether you are educated or illiterate, whether you live on the boulevard or in the alley, you are going to catch hell*
- *your vote, your dumb vote, your ignorant vote, your wasted vote*
- *they lynch you in Texas with a Texas accent and lynch you in Mississippi* [152]

3. Параллелизм на уровне предложения:

- *... many of our white brothers, as evidenced by their presence here today, have come to realize that their destiny is tied up with our destiny. And they have come to realize that their freedom is inextricably bound to our freedom* [135]
- *It'll be ballots or it'll be bullets. It'll be liberty or it'll be death*
- *If they draft you, they send you to Korea... If you can be brave over there, you can be brave right here. And if you fight here, you will at least know...* [152]

Помимо параллелизма авторы часто используют в своей риторике повторы. «Повтором <...> называется фигура речи, которая состоит в повторении звуков, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, т.е. достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить» [9, с. 128]. Успешно использованные повторы позволяют говорящему усилить ту или иную идею и сделать ее запоминающейся. Однако у них есть и более прозаичная функция: оратор вынужден повторять свои наиболее важные мысли, чтобы они закрепились в памяти аудитории.

Анафора и эпифора считаются разновидностями повтора. Анафора – это «фигура речи, состоящая в повторении начального слова в каждом параллельном элементе речи» [179, с. 47]. В случае с эпифорой внимание приковано к последнему слову. Использование этих фигур речи в качестве риторических средств способствует передаче и усилению конкретного сообщения.

Вероятно, один из самых удачных, и поэтому известных, пассажей с анафорой может быть найден в речи Мартина Лютера Кинга «I have a dream»:

I have a dream that... (x4)

I have a dream today!

I have a dream that...

I have a dream today!

I have a dream that... [135]

Именно благодаря ему сейчас речь известна под названием «I have a dream». В целом же значительная часть обращения М.Л.Кинга представляет собой синтаксические структуры, объединенные анафорой: «*One hundred years later*», «*Now is the time*», «*We can never be satisfied*», «*Go back to*», «*With this faith*». При помощи анафоры М.Л.Кингу удалось соединить различные темы.

Значительная доля высказываний в речи Малкольма Икса «The ballot or the bullet» также строится с применением анафоры:

○ *I'm not here tonight to discuss my religion. I'm not here to try and change your religion. I'm not here to argue or discuss anything...*

○ *I'm not a politician...I'm not a student...I'm not a Democrat. I'm not a Republican...[152]*

○ *This is not even a government....It is not a government...*

Для усиления своей мысли автор обращается и к эпиторе:

○ *All of us have suffered here <...> political oppression at the hands of the white man, economic exploitation at the hands of the white man, and social degradation at the hands of the white man.*

○ *This government has failed the Negro. This so-called democracy has failed the Negro. And all these white liberals have definitely failed the Negro [152].*

Наивысшей степени выразительности Малкольм Икс достигает при соединении этих двух риторических средств в симплоге:

○ *We're not even as far up as we were in 1954. We're behind where we were in 1954. There's more segregation now than there was in 1954. There's more racial animosity <...> than there was in 1954.*

○ *Being here in America doesn't make you an American. Being born here in America doesn't make you an American.*

○ *Everyone who's filibustering is a senator – that's the government. Everyone who's finagling in Washington, D.C., is a congressman - that's the government.*

Все приведенные примеры показывают, что для привлечения внимания аудитории говорящий создает ряд параллельных образов, что позволяет ему выразить сразу несколько смежных идей в одном высказывании.

Одной из особенностей синтаксической структуры может стать и наличие риторического вопроса, сущность которого, по мнению И.Р.Гальперина, «заключается в переосмыслении грамматического значения вопросительной формы», то есть в нем одновременно реализуются значения вопроса и утверждения [37, с. 215]. Это средство выразительности делает монолог похожим на диалог. Иногда автор обращается с вопросом к аудитории, а иногда – к самому себе, как бы предугадывая мысли слушателей.

Риторический вопрос оказывается эффективным средством выразительности, поскольку привлекает к себе внимание благодаря отличной от повествовательного предложения структуре и интонационному оформлению. Обычно риторическому вопросу соответствует особая просодия: для него характерны высокий участок диапазона, повышение громкости и паузация, а также возможны изменения тона и темпа [45, с. 37].

Использование риторических вопросов, скорее, характерно для дискурса Малкольма Икса, чем Мартина Лютера Кинга. Вероятно, это вновь можно объяснить различием между подходами этих борцов за права к решению судьбы афроамериканцев: интеграционизмом и национализмом. Если М.Л.Кинг пытается найти компромисс, призывает к мирным действиям, то его современник ставит массу вопросов перед светлокожими американцами (об источниках несправедливости и сроках ее прекращения). Однако он не обходит стороной и афроамериканцев, поскольку пытается понять, почему они бездействуют.

Малкольм Икс хочет получить ответы на свои вопросы, причем, чем быстрее, тем лучше. Поэтому риторические вопросы в его дискурсе отличаются краткостью и четкостью:

- *And what have they given you for it?*
- *What kind of logic is that?*
- *Why?*
- *So, where do we go from here?* [152]

В целом, речь «The ballot or the bullet» насчитывает тридцать риторических вопросов.

Как видно из проведенного анализа, наиболее частотными риторическими средствами дискурса движения за гражданские права афроамериканцев в США являются метафора, синекдоха, антитеза и различные формы синтаксических модификаций структуры высказывания.

Дискурс Мартина Лютера Кинга отличается особой духовностью и глубиной идеи о мире. Вероятно, это связано с его опытом чтения проповедей и значительным количеством аллюзий на текст Библии.

Чаще всего афроамериканская проповедь начинается с медленного и очень выразительного чтения библейских текстов. Такая манера была выбрана намеренно: благодаря модуляциям в интонации, повторам и изменениям темпа проповедник делает акценты на том, на что слушающему необходимо обратить внимание. Иначе текст может быть неверно истолкован прихожанами.

В целом, стиль чтения библейских текстов темнокожими проповедниками отличается неторопливостью. Говорящим удалось овладеть искусством паузации для создания выразительного эффекта, для смены направления развития мысли, для подогревания интереса к тому, что будет озвучено далее. Несмотря на общую размеренность стиля, афроамериканцы часто заканчивают свои проповеди при помощи так называемого «whooping», похожего на песнопение и являющегося отличительной чертой афроамериканских проповедей, начиная еще со времени рабства. Читаемый текст начинает приобретать мелодию и, следовательно, становится чрезвычайно выразительным. Такой метод позволяет выйти на новый

уровень проповедования: паства не только слышит озвучиваемые слова, но и чувствует их. Наиболее успешные проповедники, достигшие особого мастерства в технике «whooping», используют все возможности ритмики, тональности и мелодики [106].

М.Л.Кинг бы неподражаемым проповедником. Его проповеди посещало большое количество афроамериканцев. В них ему удавалось достичь плавности речи, трансформировать материал из различных источников таким образом, что он приобретал новые черты, и продемонстрировать свое владение искусством афроамериканской гомилетики.

Во время же Марша на Вашингтон более широкая публика стала свидетелем его таланта. Таким образом, у памятника А.Линкольну лидер движения за гражданские права афроамериканцев в США прочел не просто речь, а настоящую проповедь: если начало обращения все же ближе формальному стилю, то стиль конца больше напоминает именно проповедь.

Подготовленную М.Л.Кингом речь «I have a dream» можно считать воплощением тематических стандартов политической риторики середины XX века в США: он апеллирует к идеалам Америки, выступает против реформизма, призывает к ненасильственному противлению и расовой интеграции. Однако речь помнят до сих пор именно благодаря озвучиванию идеи, объединившей всех афроамериканцев, - идеи об особой мечте, которой не было в подготовленном черновике выступления.

Роль дискурса М.Л.Кинга в преобразовании США нельзя недооценивать. Несмотря на то что по завершении выступлений лидера движения за гражданские права американские штаты не превратились в оазисы свободы и справедливости, он сумел найти правильные слова для выражения того, о чем думали все афроамериканцы. Таким образом, заслугой М.Л.Кинга в первую очередь является то, что он положил начало трансформации американского общества.

Что касается Малкольма Икса, то после разрыва с «Нацией ислама» он стал все больше сходиться во взглядах с М.Л.Кингом. Его дискурс отличают прозрачность и искренность. Первая заключается в прямолинейности выражения

его мыслей. Несмотря на обилие использованных риторических средств, каждое из них было простым и понятным, поскольку в их основу был положен жизненный опыт среднестатистического афроамериканца. Таким образом, риторические средства способствовали не завуалированности, а выразительности идей Малкольма Икса.

Вторая особенность состоит в трансляции простой истины, которую видел именно он и должен был увидеть каждый американец. Так, например, говорящий не побоялся сказать, что не видит больше «Американскую мечту»: для него она превратилась в «Американский кошмар».

Действительно, перед Малкольмом Иксом стояла непростая задача: его дискурс должен был быть доступным всем американцам без исключения и оказать на каждую из расовых групп свое влияние. Однако если афроамериканцы видели в его речах лишь голые факты их нелегкой жизни в Америке, то светлокожие американцы обращали внимание лишь на жестокость и ненависть в словах говорящего. Следовательно, каждая группа должна была прийти к своим выводам [155, с. 117].

3.3.2. Риторика начала XXI века

Начало XXI века ознаменовалось важным в истории США событием: на пост президента страны впервые был избран человек с темным цветом кожи. Это стало прорывом для афроамериканцев, поскольку успех Барака Обамы показал, что перед ними, наконец, открыты разнообразные пути развития и самореализации. Б.Обама стал воплощением их мечты в реальность.

Стоит отметить, что американская президентская риторика является «одной из эффектных форм идеологического воздействия, целью и функцией которой является распространение и внедрение в массовое сознание определенных идей и представлений о характере социально-политических процессов и явлений внутренней и международной политики Соединенных Штатов Америки в интересах власть имущих» [19, с. 80]. Этим объясняется не ослабевающий

интерес специалистов к публичным речам, интервью, пресс-конференциям, инаугурационным речам и другим видам президентской риторики.

Впервые громко Б.Обама заявил о себе на Демократической Национальной Конвенции в 2004 году. С этого момента к его риторике приковано внимание всего мира. Корпус его речей в сети Интернет уже достаточно объемен и постоянно пополняется новыми образцами. Для более детального риторического анализа в рамках данной работы были выбраны его две победные речи (2008 и 2012 годов), поскольку они являются одними из наиболее ярких с точки зрения его авторского стиля.

При сопоставительном анализе победных речей 2008 и 2012 годов можно заметить, что более поздний образец политического дискурса Б.Обамы уступает в своей экспрессивности первому. Причиной этого может служить разделяющий их президентский срок длиной в четыре года. Если в 2008 году Б.Обама впервые вступал в должность президента США и, видя перед собой океан возможностей, готов был обещать народу свернуть горы на пути к достижению лучшей жизни, то в 2012 году за его плечами уже был четырехлетний опыт, показавший, что не все его планы так легко претворить в жизнь.

Как отмечают в газете *The Washington Post*, некоторые избиратели отнеслись с недоверием к парящей в высоте риторике Б.Обамы и его грандиозным планам на будущее, поэтому к 2012 году ему пришлось более реалистично подойти к своим ожиданиям от нового президентского срока, в результате чего «кандидат надежды и перемен стал кандидатом скромных планов и достижимых целей» («the candidate of hope and change became the candidate of modest plans and achievable goals»), что неминуемо сказалось на использовании экспрессивных средств [138].

Многие речи Б.Обамы насквозь биографичны и автобиографичны. Это объясняется тем, что для нынешнего президента США его политические взгляды неразрывно связаны с личным опытом и фактами биографии. Последние стали известны широкой публике благодаря двум книгам, написанным самим Б.Обамой

и ставшим бестселлерами в Америке, - «Dreams from My Father» (1995) и «The Audacity of Hope» (2006).

Первая книга содержит в себе описание жизни Б.Обамы до поступления в Гарвард. Она наполнена картинками жизни людей, окружавших его и встречавшихся ему на жизненном пути. Книга посвящена его отцу, несмотря на то, что сам Б.Обама видел его лишь один раз в возрасте 10 лет. Однако автор помнит стремление отца к знаниям и справедливости, которые будущий президент унаследовал от него.

В отличие от «Dreams from My Father», написанной на заре политической карьеры Б.Обамы, в книге «The Audacity of Hope» прослеживается образ уже опытного политика. Ее содержание посвящено не столько жизненным событиям, сколько размышлениям о различных сферах американской действительности. Эти наблюдения подкрепляются историями из личного опыта Б.Обамы.

Возможно, благодаря последней книге, манеру Б.Обамы говорить стали называть «риторикой надежды» (англ. «rhetoric of hope»), которую можно определить как использование вербального материала с целью подтолкнуть людей к заботе друг о друге, объединению надежд и стремлений ради общего будущего и вере в то, что они отстаивают одни и те же ценности вне зависимости от возраста, пола, расы или происхождения [101, с. 123].

Из обзора книг Б.Обамы видно, что для него его собственный опыт и опыт отдельных людей имеют колоссальное значение. Этим объясняется то, что в его победном дискурсе можно обнаружить автобиографические моменты, связанные с семьей и предвыборной кампанией:

- ... *without the unyielding support of my best friend for the last 16 years, the rock of our family, the love of my life, the nation's next first lady, Michelle Obama* [161].

- *I was never the likeliest candidate for this office. We didn't start with much money or many endorsements. Our campaign was not hatched in the halls of Washington; it began in the backyards of Des Moines and the living rooms of Concord and the front porches of Charleston* [162].

Помимо этого, в дискурсе Б.Обамы можно найти много примеров историй жизни простых людей, которые избираются им с особой тщательностью и которые призваны проиллюстрировать те или иные феномены американской действительности: историю, политику, здравоохранение и т.п. В данной связи интересно заметить, что эта особенность выступлений Б.Обамы на публике может быть связана с традицией афроамериканского проповедования. Дело в том, что темнокожие проповедники любят включать в свои проповеди различные нарративы. Истории служат иллюстративным материалом для того, о чем учит Библия. Однако лишь тщательный подбор историй позволяет усилить дидактическое начало в проповеди [100]. Истории в речах президента США преследуют ту же цель.

Так, победная речь 2008 года содержит рассказ о 106-летней Энн Никсон Купер, которую говорящий выделяет из всей массы людей неслучайно. История ее жизни уникальна: она родилась спустя несколько десятилетий после отмены рабства в США, но тогда афроамериканцы еще не обладали полным набором гражданских прав. На протяжении своей жизни она оказывалась свидетельницей индустриального и культурного развития США, а также, что не менее важно, движения за гражданские права. Ее история способствует изображению постоянно развивающейся и совершенствующейся Америки.

Из победной речи 2012 года публика узнала о восьмилетней девочке, страдающей лейкемией, и ее семье, которая потратила все свои средства на борьбу со страшной болезнью. Эта история позволила Б.Обаме показать значимость проводимых им реформ, поскольку именно благодаря реформе здравоохранения у этой девочки остается шанс на жизнь.

В целом дискурс Б.Обамы наполнен большим количеством упоминаний о людях из разных штатов и социальных слоев, что выводит абстрактные идеи на материальный уровень, делая их нагляднее для публики.

○ *We believe in a generous America, in a compassionate America, in a tolerant America, open to the dreams of an immigrant's daughter who studies in our schools and pledges to our flag. To the young boy on the south side of Chicago who*

sees a life beyond the nearest street corner. To the furniture worker's child in North Carolina who wants to become a doctor or a scientist, an engineer or an entrepreneur, a diplomat or even a president — that's the future we hope for. That's the vision we share [162].

Из всего этого можно сделать вывод, что для Б.Обамы личные истории представителей его народа обладают бóльшей важностью, чем какие-либо статистические данные о процентной разнице в результатах выборов между кандидатами на пост президента страны.

Подобно дискурсу, созданному в период движения за гражданские права афроамериканцев в США, в дискурсе Барака Обамы можно обнаружить многочисленные метафоры. Особенно важным является тот факт, что говорящий продолжает метафору пути, однако теперь это путь всех американцев. Так, уже первое предложение его победной речи 2012 года заключает в себе идею движения и позволяет говорящему построить мост от прошлого к будущему:

- *Tonight, more than 200 years after a former colony won the right to determine its own destiny, the task of perfecting our union moves forward* [162].

В данном примере идея движения вперед сочетается с идеей непрерывности и преемственности. Интересно отметить и тот факт, что «Forward» было слоганом президентской кампании Б.Обамы в 2012 году. В победной речи оно встречается еще несколько раз:

- *we can work together to move this country forward*
- *That's where we need to go – forward* [162]

Метафора пути оказывается мощным средством выражения идей автора, поскольку, с одной стороны, позволяет говорить о препятствиях и сложностях, встречавшихся на жизненном пути всего американского народа и каждого человека в отдельности:

- *our road has been hard*
- *while our journey has been long*
- *It's not always a straight line. It's not always a smooth path*
- *the roadblocks that stand in our path*

С другой же стороны, эта метафора дает возможность взглянуть вперед, поскольку, в отличие от хаотичного движения, у пути есть некий конечный пункт, то, к чему стремятся люди, и то, ради чего стоит преодолевать все препятствия, возникающие по дороге. Даже если пункт назначения все еще кажется в значительной степени размытым и расплывчатым, он манит людей, позволяет им двигаться в правильном направлении и не дает им оглядываться назад: «*the best is yet to come*» [162].

Тем не менее, движение не подразумевает под собой пассивности и бессмысленного ожидания манны небесной. Для обретения лучшего будущего людям необходимо неустанно трудиться. К этому и призывает своих соотечественников Б.Обама: «*there is so much more to do*» [162]. Они также должны осознавать тяжесть пути, ведь путь вверх не может быть легким, хотя он и ведет к чему-то лучшему и более доброму (здесь вновь прослеживаются отголоски концептуальной метафоры «Good is up, bad is down»):

○ *The road ahead will be long. Our climb will be steep. We may not get there in one year or even in one term, but America, I have never been more hopeful than I am tonight that we will get there. I promise you: We as a people will get there. <...> There will be setbacks and false starts* [161].

В данном отрывке из победной речи Б.Обамы 2008 года четко прослеживается аллюзия на речь «I've been to the mountaintop» М.Л.Кинга («*But I want you to know tonight, that we, as a people, will get to the promised land!*» [136]). Благодаря ей вся история Америки представляется как длинный путь по направлению к благополучию.

К тому же любое передвижение предполагает наличие лидера – того, кто поведет остальных в правильном направлении. Очевидно, что для страны им стал новый президент. Однако Б.Обама наделяет каждого американца лидерскими полномочиями, поскольку считает, что именно США призваны подсказать всему миру, в каком направлении ему следует двигаться: «*...a new dawn of American leadership is at hand*» [161].

Метафора пути тесно связана с идеей единства нации, выраженной в размещенном на гербе США девизе «E Pluribus Unum» (англ. «Out of many, one»). Американский народ представлен как единая семья («*we are an American family*» [162]), которая блюдет как интересы общества («*we rise or fall together as one nation and as one people*» [162]), так и интересы каждого индивида («*each of us will pursue our own individual dreams*» [162]).

Н.О.Празян, занимающаяся изучением метафор и иронии в английском политическом дискурсе, обнаружила большое количество примеров, иллюстрирующих метафору пути, в первой инаугурационной речи Б.Обамы и выступлении Х.Клинтон на Демократической Национальной Конвенции. Это позволяет сделать вывод о значительной продуктивности метафоры и ее способности создавать яркие и живые образы [81, с. 94-97].

Историческая ситуация середины XX века едва ли могла позволить борцам за права афроамериканцев в США использовать юмор в своих публичных речах. Однако в XXI веке избрание Б.Обамы на пост первого афроамериканского президента страны, а потом и переизбрание на второй срок дали ему возможность вставить небольшую шуточную ремарку в свою победную речь 2012 года.

○ *And I'm so proud of you guys. But I will say that for now one dog's probably enough* [162].

В данной фразе речь идет о желании Саши и Малии, дочерей Б.Обамы, завести еще одного щенка в Белом Доме. Благодаря трогательности и юмористичности этой фразы аудитория разразилась смехом, что, вне всякого сомнения, способствовало росту положительных эмоций публики.

Синтаксическая структура дискурса Б.Обамы играет значительную роль в привлечении внимания аудитории к тому, о чем идет речь. Параллелизм, анафорические конструкции и комбинации из двух или трех слов создают особые ритмические формы, которые добавляют дискурсу музыкальность.

Выдающийся лингвист Д.Кристал отметил в своем блоге в Интернете в день победы Б.Обамы на выборах 2008 года, что он был поражен началом победной речи нового президента, но потом изменил свою точку зрения и высоко

оценил риторическое мастерство говорящего. Дело в том, что Б.Обама начал свое обращение со сложноподчиненного предложения, открывающегося условной придаточной частью с тремя последующими изъяснительными придаточными частями и заканчивающегося главной частью всего из четырех слов.

If there is anyone out there

1)who still doubts that America is a place where all things are possible,

2)who still wonders if the dream of our founders is alive in our time,

3)who still questions the power of our democracy,

tonight is your answer [161].

Кажется, что такая структура не только не способствует усвоению информации, но и мешает ему. Однако, как пишет Д.Кристал, в данном случае говорящий следует одному из самых важных риторических правил, а именно делит высказывание на трехчастные группы там, где это возможно. Именно с учетом этого правила и построено первое предложение победной речи 2008 года. Более того, триптих (термин Д.Кристалла) дополнен синтаксическим параллелизмом, что позволяет автору достичь высшей степени экспрессивности сказанного [116].

Это далеко не единственный пример трехчастной организации высказывания в дискурсе Б.Обамы. Наоборот, он изобилует ими:

- *...cynical and fearful and doubtful...*
- *...on this date, in this election, at this defining moment...*
- *...the millions of Americans who volunteered, and organized, and proved...*
- *...to give \$5 and \$10 and \$20 to the cause.*
- *...a government of the people, by the people, and for the people.*
- *...two wars, a planet in peril, the worst financial crisis in a century [161].*

Кроме того, самая запоминающаяся фраза победной речи Б.Обамы 2008 года – «Yes we can» - тоже имеет форму триптиха.

Однако любой оратор знает, что средство выразительности оказывает должный эффект только до тех пор, пока его не используют слишком часто. Этим объясняется перемежение триптихов с двухчастными конструкциями:

- *...we have never been just a collection of individuals or a collection of red states and blue states...*
- *...we are, and always will be, the United States of America.*
- *...brave and selfless leader...*
- *...the men and women he grew up with on the streets of Scranton and rode with on that train home to Delaware... [161]*

Не менее выразительным приемом в риторике Барака Обамы оказываются повторы. Они делают ее еще более запоминающейся. Так, например, победную речь 2008 года часто называют речью «Yes we can» по рефрену в ее последней части, который буквально электризует аудиторию. Для того чтобы оценить выразительность этого рефрена, достаточно послушать запись выступления или взглянуть на его стенограмму:

MR. OBAMA: At a time when women's voices were silenced and their hopes dismissed, she lived to see them stand up and speak out and reach for the ballot. Yes we can.

When there was despair in the Dust Bowl and depression across the land, she saw a nation conquer fear itself with a New Deal, new jobs, a new sense of common purpose. Yes we can.

AUDIENCE: Yes we can!

MR. OBAMA: When the bombs fell on our harbor and tyranny threatened the world, she was there to witness a generation rise to greatness and a democracy was saved. Yes we can.

AUDIENCE: Yes we can!

MR. OBAMA: She was there for the buses in Montgomery, the hoses in Birmingham, a bridge in Selma, and a preacher from Atlanta who told a people that "We shall overcome." Yes we can.

AUDIENCE: Yes we can!

MR. OBAMA: A man touched down on the Moon, a wall came down in Berlin, a world was connected by our own science and imagination. And this year, in this election, she touched her finger to a screen and cast her vote, because after 106 years

in America, through the best of times and the darkest of hours, she knows how America can change.

Yes, we can.

AUDIENCE: Yes, we can [161].

В данном случае повтор фразы «Yes we can» способствует созданию максимальной напряженности и эмоциональности сказанного, так что голоса людей из толпы сливаются в едином утверждении: «Yes we can!».

Помимо этого, анафоры придают еще бóльшую организованность дискурсу Б.Обамы:

- *I've seen it in the family business...I've seen it in the soldiers...I've seen it on the shores of New Jersey and New York... [162];*

- *This is our chance to answer that call. This is our moment. This is our time... [161]*

Барак Обама часто восхваляют за его риторические способности и ставят в один ряд с такими известными американскими ораторами, как М.Л.Кинг, А.Линкольн, Дж.Ф.Кеннеди и др. [105], поскольку именно риторика становится в его устах одним из наиболее эффективных способов влияния на аудиторию. Некоторые люди даже отмечают, что после прослушивания речей Б.Обамы они не помнят их точного содержания, но позитивное чувство, вызванное этими речами, долго не оставляет их [167].

Как и в научной сфере, в политике одним из способов оценки авторитета и популярности политика является его цитируемость. В этом отношении Б.Обаме почти нет равных. Его дискурс отличается эмоциональностью и смысловой насыщенностью, поэтому он разобран на цитаты, несмотря на сравнительно небольшой период политической деятельности автора: «*There's not a liberal America and a conservative America; there's the United States of America*»; «*I don't oppose all wars. What I am opposed to is a dumb war*»; «*In the face of impossible odds, people who love their country can change it*»; «*Do we participate in a politics of cynicism or a politics of hope?*»; «*You know, my faith is one that admits some doubt*» и, конечно, «*Yes we can*» [цит. 59, с. 13].

Дискурс Б.Обамы отличает яркий ораторский стиль. В нем достигается баланс эмоциональности и рациональности, что облегчает его восприятие аудиторией. Риторика нынешнего президента США образна и полна средств выразительности, умелое сочетание которых позволяет автору добиться конечной цели политической коммуникации – убеждения.

В политическом дискурсе внешняя оболочка оказывается чрезвычайно важной, ведь наиболее успешный лидер – тот, который обладает ораторскими способностями (А. Линкольн, Т.Рузвельт, Ф.Д.Рузвельт, Дж.Ф.Кеннеди, М.Л.Кинг, Малкольм Икс, Р.Рейган, Б.Обама; Л.Д.Троцкий, И.М.Хакамада, В.В.Путин и др.). Эта взаимосвязь актуальна и сейчас: помимо лидерских качеств в человеке мира политики XXI века ценится его умение говорить на публике. Вне сомнений, особая роль отводится президенту, поскольку он воплощает собой всю страну и является главным коммуникатором народа [129, с. 79].

В заключение необходимо отметить, что музыкальность языка играет особую роль в афроамериканской риторике. Она будто бы передается из поколения в поколение на генетическом уровне. Действительно, еще во времена рабства в США афроамериканцы придавали огромное значение песням, которые они пели во время работы в полях и на плантациях. Эти песни сплачивали их и помогали на время забыть о невзгодах и трудностях их жизни. Более того, они могли служить некой системой кодов, доступной только посвященным и помогавшей осуществлять тайную коммуникацию. Так, например, песней могли предупредить о приближении хозяина, в песнях передавались планы побегов и т.п. [164, с. XIV].

Впоследствии песни периода рабовладения нашли свое отражение в госпелах, зародившихся на американском Юге, джазе и блюзе. Джаз традиционно считают одним из главных механизмов выражения афроамериканской культуры. Он обладает значительным потенциалом воплощения чувственности ее носителей в музыкальной форме и создания новых смыслов и риторических возможностей. Джаз синтезирует в себе особые форму и содержание, отвергает

привычные правила, а, следовательно, его можно назвать тем идеалом, к которому стремились афроамериканцы в жизни.

Использование ораторами афроамериканского происхождения выразительного языка соответствует их риторической стратегии: они прибегают к разнообразным риторическим приемам, совмещая их с музыкальностью афроамериканской манеры изложения, чтобы создать уникальный синтез. Благодаря этому афроамериканская риторика является в значительной степени вдохновляющей и запоминающейся. По мнению адресатов этой риторики, целью такого беспрецедентного синтеза можно считать освобождение разума американцев, как темнокожих, так и светлокожих, от оков, которые сдерживали их на протяжении нескольких веков. Ораторы призывают людей построить новый мир, основанный на принципах свободы, равенства и братства [154, с. 114].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний момент можно наблюдать непрекращающийся рост интереса к политическому дискурсу. Это связано в первую очередь с его ключевой ролью в формировании сознания публики, ее отношения к тем или иным явлениям окружающего мира. Наличие массового адресата придает политическому дискурсу еще большее значение. Следовательно, анализ этой разновидности дискурса может позволить обнаружить механизмы управления общественным мнением.

Данное диссертационное исследование представляет собой применение трех подходов к анализу политической коммуникации: дискурсивного, лингвокогнитивного/лингвокультурного и риторического.

На первом этапе были очерчены границы понятия «политический дискурс»; рассмотрено его жанровое своеобразие, которое расширилось за счет выделения жанра победной речи будущего президента; проанализированы интердискурсивные связи выбранного материала с другими образцами дискурса; выделены прагматические характеристики политического дискурса.

Второй этап включил в себя применение методов лингвокогнитивного и лингвокультурного анализа материала, а именно была проанализирована концептуальная картина мира, нашедшая выражение в афроамериканском политическом дискурсе.

В рамках третьего этапа были сформулированы особенности афроамериканской риторики и прослежены закономерности выбора тех или иных средств выразительности в зависимости от замысла автора и исторического контекста.

Данное диссертационное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Являясь неисчерпаемым источником материала для разностороннего филологического анализа, что было продемонстрировано в трех главах основной части диссертации, политический дискурс характеризуется многообразием

жанров, различных по своим функциональным особенностям, что было проиллюстрировано комплексным разбором функций жанров публичной речи и победной речи будущего президента.

2. При анализе любого образца дискурса необходимо учитывать его интердискурсивные связи, позволяющие автору добиться большей глубины смысла, доступной лишь ограниченному количеству адресатов, обладающих определенным опытом, знаниями и т.п., за счет ассоциаций с другими авторами или образцами дискурса.

3. «Языковая картина мира» играет ключевую роль в формировании мировоззрения личности, поскольку оно идет параллельно с освоением языка. В языке уже заложено отношение конкретной языковой общности к явлениям окружающего мира, поэтому можно утверждать, что язык играет ключевую роль в овладении культурой.

4. Анализ языкового материала позволяет говорить о наличии таких национально-специфичных концептов в афроамериканской картине мира, как «freedom», «unity», «struggle/fight», а также выделить особый концепт – «Афроамериканская мечта».

В этой связи необходимо отметить, что компоненты концепта «Афроамериканская мечта» претерпели ряд изменений со времени прибытия первых афроамериканцев на территорию США и до нынешнего момента. Можно представить их в следующей хронологической последовательности:

- Свобода от рабства
- Равноправие
- Расовое равенство во всех сферах жизни
- Отсутствие барьеров на пути к успеху
- Изменение к лучшему

Концепт «unity» одинаково представлен во всех выбранных образцах дискурса. Однако интерпретация остальных концептов зависит от взглядов автора дискурса. Так, для М.Л.Кинга «freedom» - это не ограниченное ничем физическое

состояние человека; для Малкольма Икса – право участвовать в выборах; а для Б.Обамы – невмешательство в жизнь каждого гражданина.

Активация одного из компонентов концепта «struggle/fight» также зависит от позиции автора: в дискурсе М.Л.Кинга «struggle» не имеет семантических соприкосновений с «fight», поскольку лидер движения за гражданские права афроамериканцев был сторонником идеи непротivления на физическом уровне; Малкольм Икс, наоборот, призывает к активным действиям, но все же чаще использует лексическую единицу «struggle» для вербализации своих мыслей; в дискурсе Б.Обамы преобладает использование «fight», подразумевающее более активные действия как метод достижения поставленных целей.

5. Поскольку риторика учитывает особенности культурно-исторического фона, можно говорить о существовании афроамериканской политической риторики. Для нее характерно использование особых средств выразительности с целью усиления идеи автора.

Так, авторы дискурса движения за гражданские права афроамериканцев в США часто использовали метафору и антитезу, способствующие изображению современной авторам действительности, а также различные формы модификаций синтаксиса высказывания, направленные на усиление производимого словами эффекта.

Современный дискурс, представленный в данной работе дискурсом Б.Обамы, характеризуют частая апелляция к опыту автора и других людей, использование метафор и повторов, а также ориентация на классические риторические приемы построения высказывания.

Многие использованные метафоры основаны на концептуальных метафорах, выделенных Дж.Лакоффом и М.Джонсоном [140].

6. Метафора пути («Жизнь афроамериканца – это путь (к лучшему миру)») представлена во всех выбранных образцах политического дискурса, поэтому можно сделать вывод о ее ключевой роли в отображении видения афроамериканцами истории своего пребывания в США.

7. Анализ частотности лексических единиц позволяет выделить слова, обладающие наибольшей смысловой нагруженностью и, следовательно, производящие особое воздействие на адресата.

В заключение необходимо отметить, что дискурсом, и его политической разновидностью в том числе, интересуются представители большого количества наук, что в дальнейшем позволит составить более многогранное представление об этом явлении. Синтез традиционных и новых подходов открывает целый ряд перспектив перед учеными, поэтому дискурс еще долгое время будет находиться в фокусе внимания исследователей, принадлежащих к различным направлениям в науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авеличев, А.К. Возвращение риторики / А.К. Авеличев // *Общая риторика: Пер. с фр. / Ж.Дюбуа, Ф.Пир, А.Тринон и др.; (общ.ред. и вступ.ст. А.К.Авеличева).* – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
2. Александрова, О.В. Общие и частные проблемы филологии и когнитивной лингвистики / О.В. Александрова // *Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр.; под ред. проф. Е. С. Кубряковой.* — Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. — С. 40-45.
3. Александрова, О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: учебное пособие / О.В. Александрова. – М.: Высш.шк., 1984. – 211 с.
4. Алтунян, А.Г. Анализ политических текстов: учебное пособие / А.Г. Алтунян – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
5. Аниховская Т.В. Риторика интеллективного общения (на материале телевизионных программ новостей Би-Би-Си): дис...канд.филол.наук: 10.02.04 / Татьяна Владимировна Аниховская. - М., 2004. – 190 с.
6. Апресян, Г.З. Ораторское искусство / Г.З.Апресян. — М.: Издательство Московского Университета, 1972. – 256 с.
7. Аристотель. Риторика / Аристотель // *Античные риторики.* – М.: Изд-во МГУ, 1978. – Книга 1 - 278 с.
8. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель; [сопровождаящая статья В.Н.Макарова]. – М.: Лабиринт, 2000. – 224 с.
9. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 5-е изд., сипр. и доп. / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
10. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова [Электронный ресурс] // *Лингвистический энциклопедический словарь / под ред.В.Н. Ярцевой.* — М.: Советская энциклопедия, 1990. — Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html>.

11. Арутюнова, Н.Д. Прагматика / Н.Д. Арутюнова [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/389e.html>.
12. Ахманова, О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. — 1977. — №3. — С. 47–54.
13. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — М.: Знание, 1991. — 64 с.
14. Баранова, Л. Л. Концепт «американская мечта»: его структура и реализация в языковой деятельности людей / Л.Л. Баранова // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. — Рязань, 2007. — N 5. — С. 78-84.
15. Баранова, Л.Л. Американская мечта: учебно-методическое пособие / Л.Л. Баранова. — М.: МАКС Пресс, 2006. — 60 с.
16. Баранова, Л.Л. Онтология английской письменной речи: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Баранова Людмила Львовна. — М., 1996. — 336 с.
17. Барт, Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989 — С. 413-422.
18. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. — М.: НЕХТ, 1972. — 512 с.
19. Бережная, Т.М. Современная американская риторика как теория и практика манипулирования общественным сознанием : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Татьяна Михайловна Бережная. — М., 1986. — 211 с.
20. Берк К. Риторика Гитлеровской «Борьбы» / К. Берк // Политическая лингвистика. - Вып. 5 (25). - Екатеринбург, 2008. - С. 149-160.
21. Будаев, Э.В. Метафора в политической коммуникации: Монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. — М.: Флинта: Наука. 2008. — 247 с.

22. Будаев, Э.В. Риторическая критика в американской политической лингвистике / Э.В. Будаев, Е.Е. Аникин, С.С. Чащина // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2008. — Вып. 2(25) – С. 134-135.
23. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков (пер.с англ.) /А. Вежбицкая. – М.: Языки рус.культуры, 1999. – 777 с.
24. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание (пер.с англ.) / А. Вежбицкая. — М.: Рус.словари, 1996. – 416 с.
25. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.. / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — 4-е изд., перераб.и доп. — М.: Рус. яз., 1990.— 246 с.
26. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений: учебное пособие для филол. специальностей ун-тов / В.В, Виноградов; сост. Ю.А. Бельчиков; [предисл. Ю.В. Рождественского]. — М.: Высш. школа, 1978. – 360 с.
27. Виноградов, В.В. О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка) / В.В. Виноградов // Изв. АН СССР, сер. ОЛЯ - 1955. - Т. 14, вып. 4. - С. 305-320.
28. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162-189.
29. Вишнякова, О.Д. Лингвистические параметры транслируемости регулятивных концептов / О.Д. Вишнякова, Т.А. Пашутина // Сборник научных и научно-методических статей. - 2009. - Вып.6. - С. 58-72.
30. Водак, Р. Взаимосвязь «Дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Р. Водак // Современная политическая лингвистика / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. - С. 123-136.
31. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
32. Волков, А.А. Основы риторики: учебное пособие для вузов / А.А. Волков. — М.: Академический Проект, 2003. — 304 с.

33. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В.Н. Волошинов. – Л.: Прибой, 1930. — 188 с.
34. Выготский, Л.С. Мышление и речь. Монография / Л.С. Выготский. — 5-е изд., испр. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
35. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация. / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики 1972. — М.: «Наука», 1973. — С. 349-372.
36. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессии и эмоциональности в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову в день его 60-летия. — М.: Изд-во МГУ, 1958. - С. 107-110.
37. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
38. Голоднов, А.В. Риторический метадискурс: к определению понятия / А.В. Голоднов // Вестник Ленинградского государственного университета им.А.С.Пушкина. – 2008. – Вып. 2(13). – С. 7-18.
39. Данилевская, Н.В. Научный текст в аспекте интердискурсивного подхода / Н.В. Данилевская // Вестник Пермского Университета. Серия Рос. и заруб.филология. —2009. — Вып.3. — С. 18-22.
40. Дейк, Т.А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
41. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер.с англ. / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
42. Дечева, С.В. Слогоделение в английской речи (когнитивная силлабика): автореф.дис...док.филол.наук: 10.02.04 / Светлана Владимировна Дечева. - М., 1995. – 43 с.
43. Дмитриев, И.В. Контент-анализ: сущность, задачи, процедуры [Электронный ресурс] / И.В. Дмитриев. – 2005. Режим доступа: <http://www.psyfactor.org/lib/k-a.htm>.

44. Долгина Е.А. Краткая грамматика английского языка (с упражнениями) / Е.А. Долгина. – М.: Московский Лицей, 2000. – 270 с.
45. Долецкая Е.С. Риторика лекторской речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Елена Станиславовна Долецкая. – М., 1982. – 171 с.
46. Зеленский, В.В. Послесловие / В.В. Зеленский // Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга / В. Одайник. – СПб.: Ювента, 1996. – С. 368–380.
47. Зубова, У.В. Вертикальный контекст в работах отечественных и зарубежных филологов / У.В. Зубова // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». - 2013. - №4. - С. 62-66.
48. Ивин, А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
49. Карасик, В.И. Здравый смысл как лингвокультурный концепт / В.И. Карасик // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. посвящается юбилею проф. Н. Н. Болдырева; под ред. проф. Е. С. Кубряковой. - Тамбов: изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. - С. 184-203.
50. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2012. – 477 с.
51. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. - М.: Гнозис, 2009. — 406 с.
52. Караулов, Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С.5-11.
53. Квинтилиан, М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений / М.Ф. Квинтилиан. – СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1834. – Ч.2. — 521 с.
54. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде доклада... докт. филол. наук: 10.02.19 / Андрей Александрович Кибрик. – М., 2003. — 90 с.

55. Кибрик, А.А. Дискурс [Электронный ресурс] / А.А. Кибрик, П.Б. Паршин // Энциклопедия «Кругосвет». - 2001. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html?page=0,0
56. Кибрик, А.А. Функционализм / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления; под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А.Секериной. - Изд.2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 276-329.
57. Клушина, Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н.И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда.– Воронеж, 2011. – Вып.9. – С. 26-33.
58. Ковалева Е.И. Преемственность традиций классической риторики в американских публичных выступлениях (на материала выступлений общественно-политических деятелей США): дис. ... канд.филол.наук / Елена Ивановна Ковалева. — М., 2000. – 204 с.
59. Константинова, А.А. Современный американский политический дискурс: паремии в риторике Барака Обамы / А.А. Константинова // Вестник Томского Государственного Университета. Серия: Филология. - 2010. - №331 - С. 7-13.
60. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
61. Кубрякова, Е.С. Виды пространств текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – М.: Диалог-МГУ, 1997. - С. 15-26.
62. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. Серия "Теория и история языкознания". – М.: РАН, ИНИОН, 2000. – С. 5–13.
63. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения. Текст. Структура и семантика. / Е.С. Кубрякова. — М., 2001. — 1 т. — С. 72-81.

64. Лакофф, Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе / Дж. Лакофф // Современная политическая лингвистика / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – С. 59-71.
65. Лассвелл, Г. Стиль в языке политики / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2007. — Вып.2(22). – С. 165-177.
66. Левенкова, Е.Р. Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ. дис. ... док.филол.наук: 10.02.04 / Елена Романовна Левенкова. — Самара, 2011. – 423 с.
67. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. — М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
68. Лотман, Ю.М. Избранные статьи. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллин: «Александра», 1992. – 1 т. – 479 с.
69. Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа.— М.: «Языки русской культуры», 1994. — 506 с.
70. Лунев, С. Что такое украинская мечта / С. Лунев // «Однако». - 14.08.2012. – Режим доступа: http://www.odnako.org/blogs/show_20248/.
71. Ма, Т.Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода): автореф. дис. ... док.филол.наук: 10.02.04 / Татьяна Юрьевна Ма. – М., 2012. – 43 с.
72. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
73. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ.высш.учеб.заведение / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
74. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика.– Екатеринбург, 2008. – Вып.1 (24). – С. 43-48.
75. Менджерицкая, Е.О. Когнитивный синтаксис современного английского языка: предмет и принципы анализа / Е.О. Менджерицкая // Научный

журнал «Вестник Самарского госуниверситета». Гуманитарная серия «Языкознание». – Самара: Изд-во СамГУ, 2009 — № 7 (73) — С. 219-225.

76. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>.

77. Обама, Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты / Б. Обама. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 413 с.

78. Партия Грузинская мечта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gd.ge/?lang=Rus>.

79. Пашутина, Т.А. Ключевые концепты американской культуры «privacy» и «patriotism» и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса: автореф. дис. ... канд.филол.наук: 10.02.04 / Татьяна Александровна Пашутина. — Белгород, 2009. – 199 с.

80. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 2000. – 30 с.

81. Празян, Н.О. Лингвокогнитивные и прагматические основы использования метафоры и иронии в английском политическом дискурсе: дис....канд.филол.наук: 10.02.04 / Нарине Овиковна Празян. — М., 2011. – 199 с.

82. Рождественский, Ю.В. Принципы современной риторики / Ю.В. Рождественский; под ред.В.И. Аннушкина. – М.: Флинта Наука, 2003. — 176 с.

83. Рождественский, Ю.В. Теория риторики: учебное пособие / Ю.В.Рождественский; под ред. В.И.Аннушкина. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 512 с.

84. Серио, П. Как читают тексты во Франции. [пер.с фр. И.Н.Кузнецовой] / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса; пер.с фр. и португ.; общ.ред.и вступ.ст. П.Серио; предисл.Ю.С,Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12-54.

85. Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций [пер.с фр. В.И.Селиванова] / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса; пер.с фр. и португ.; общ.ред.и

вступ.ст. П.Серио; предисл.Ю.С,Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 337-384.

86. Смолененкова, В.В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: автореф.дис....канд.филол.наук: 10.02.19 / Валерия Владимировна Смолененкова. — М., 2005. – 24 с.

87. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М.,1995. – С.35-73.

88. Стернин, И.А. Типы значений и концепт / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. посвящается юбилею проф. Н. Н. Болдырева; под ред. проф. Е. С. Кубряковой. - Тамбов: изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – с. 257-282.

89. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

90. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике. - М.: Изд-во иностр.лит., 1960. - Вып.1. - С. 135-168.

91. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; под общ. ред. Бр.Левченко.— Киев: Ника-Центр, 1996.— 208 с.

92. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А.Секериной. - Изд.2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 329-370.

93. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

94. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.

95. Чудинов, А.П. Современная политическая лингвистика: учебное пособие / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т. , 2011. – 252 с.

96. Шейгал, Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса / Е.И. Шейгал // Жанры речи. — Саратов, 2002. — №3 — С. 205-214.
97. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса дис...док.филол.наук: 10.02.01, 10.02.19 / Елена Иосифовна Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 с.
98. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. — 1992. — 1 т. — С. 37-67.
99. Шурыгина, Е.Н. Лингвокогнитивные характеристики концепта «американский индивидуализм» (на материала англоязычных словарей и справочно-энциклопедической литературы) [Электронный ресурс] / Е.Н. Шурыгина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems. – 2014. - №10(42). - С.36-48. – Режим доступа: <http://www.sisp.nkras.ru>.
100. Anyabwile T. Elements of Styles in Black Preaching [Электронный ресурс] / T. Anyabwile // The Front Porch. – 16.07.2014. – Режим доступа: <http://thefrontporch.org/2014/07/elements-of-styles-in-black-preaching/>.
101. Atwater, D.F. Senator Barack Obama: The Rhetoric of Hope and the American Dream / D.F. Atwater // Journal of Black Studies - Sage Publications, Inc., 2007 – November. - Vol. 38, No. 2. - P.121-129.
102. Austin, J.L. How to do things with words / J.L. Austin // The Discourse Reader / ed. by A.Jaworski and N.Coupland. - 2nd edition. – N.Y.: Routledge, 2006. - P.55-65.
103. Baldwin, L.V. Between Cross and Crescent: Christian and Muslim Perspectives on Malcolm and Martin / L.V. Baldwin, A.Y. Al-Hadid. – Gainesville: University Press of Florida, 2002. – 475 p.
104. Benoit, W.L. Content Analysis on Political Communication / W.L. Benoit // The Sourcebook for Political Communication Research / ed. by H.Bucy, L.Holbert – N.Y.: Routledge, 2011. - P.268-279.

105. Benson, J. What Makes Obama a God Speaker? [Электронный ресурс] / J. Benson // Observer. - 02.13.2008. – Режим доступа: <http://observer.com/2008/02/what-makes-obama-a-good-speaker/>.
106. Blake, J. Black Preachers Who ‘Whoop’ – Minstrels or Ministers? [Электронный ресурс] / J. Blake // CNN. – 20.10.2010. – Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2010/LIVING/10/20/whooping/>.
107. Blackledge, A. Discourse and Power in a Multilingual World / A. Blackledge. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. – 252 p.
108. Blake, J. Black preachers who ‘whoop’ – minstrels or ministers? [Электронный ресурс] / J. Blake // CNN. – 20.10.2010. – Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2010/LIVING/10/20/whooping/>.
109. Chafe, W.L. Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature / W.L. Chafe // Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy / ed. by D. Tannen. - Norwood: Ablex, 1982. - P.35-53.
110. Cone, J.H. Martin & Malcolm & America: A Dream or a Nightmare / J.H. Cone. – N.Y.: Orbis Books, 2009. – 358 p.
111. Constitution of the United States [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutionus.com/>
112. Cook, G. Discourse / G. Cook. — Hong Kong: Oxford University Press, 1997. – 169 p.
113. Cooke, S. A Change Is Gonna Come (lyrics) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.metrolyrics.com/a-change-is-gonna-come-lyrics-sam-cooke.html>
114. Cruse, A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics / A. Cruse. – N.Y.: Oxford University Press, 2000. – 424 p.
115. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 272 p.

116. Crystal, D. On Obama's victory style [Электронный ресурс] / D. Crystal // DCBLOG. - 09.11.2008. – Режим доступа: <http://david-crystal.blogspot.com/2008/11/on-obamas-victory-style.html>.
117. Decheva S. Cultured English and Rhetoric: New Vistas / S. Decheva, I. Magidova, N. Trenina // Ахмановский чтения 2010. Ломоносовские чтения 2011: сборник материалов конференция. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 115-126.
118. Dijk, T.A.van. Multidisciplinarity CDA: A plea for diversity / T.A. van Dijk // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. - London: Sage, 2001. – P. 95–120.
119. Du Bois, W.E.B. The Souls of Black Folk [Электронный ресурс] // W.E.B. Du Bois. – Режим доступа: http://en.wikisource.org/wiki/The_Souls_of_Black_Folk.
120. Fairclough, N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. — London: Routledge, 2003. – 288 p.
121. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. — London: Longman, 1989. —259 p.
122. Foss, S.K. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice / S.K. Foss. – Waveland Press, 2008. – 444 p.
123. Frank, T.A. Yes He Did: What Barack Obama Learnt from César Chávez [Электронный ресурс] / T.A. Frank // Washington Monthly. - March/April 2009. – Режим доступа: <http://www.washingtonmonthly.com/features/2009/0903.frank.html>.
124. Glenn, C. The Writer's Harbrace Handbook / C. Glenn, L. Gray. - Brief Third Edition. – Boston: Thompson Wadsworth, 2008. - 447 p.
125. Grice, H.P. Logic and conversation / H.P. Grice // The Discourse Reader / ed. by A.Jaworski and N.Coupland. - 2nd edition. – N.Y.: Routledge, 2006. - P.66 – 77.
126. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handels: Bd 1—2 / J. Habermas. – Suhrkamp: Frankfurt am Main., 1981. – 534 S.
127. Hansen, D.D. The Dream: Martin Luther King, Jr. and the Speech that Inspired a Nation / D.D. Hansen. – N.Y.: Ecco, 2003. – 293 p.

128. Jakobson, R. Linguistics and Poetics / R. Jakobson // The Discourse Reader / ed. by A.Jaworski and N.Coupland. - 2nd edition. – N.Y.: Routledge, 2006. - P.48-55.
129. Jaworski, A. Introduction: perspectives on discourse / A. Jaworski, N. Coupland. // The Discourse Reader / ed. by A.Jaworski and N.Coupland. - 2nd edition. – N.Y.: Routledge, 2006. - P.1-39.
130. Kiewe, A. The Crisis Tool in American Political Discourse / A. Kiewe // Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / ed. by O. Feldman, C.'l De Landtsheer - Westport, Connecticut; Praeger, 1998. – P. 79-90.
131. King James Bible [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.kingjamesbibleonline.org/>.
132. King M.L., Jr. Beyond Vietnam – A Time to Break Silence [Электронный ресурс]. – 04.04.1967. - M.L. King, Jr. – <http://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkatimetobreaksilence.htm>.
133. King M.L., Jr. Loving our Enemies [Электронный ресурс]. – M.L. King, Jr. – 17.11.1957. – Режим доступа: <http://www.ipoet.com/ARCHIVE/BEYOND/King-Jr/Loving-Your-Enemies.html>.
134. King M.L., Jr. Our God is Marching on! [Электронный ресурс]. – M.L. King, Jr. – 25.03.1965. – Режим доступа: <https://kinginstitute.stanford.edu/our-god-marching>.
135. King, M.L., Jr. I Have a Dream [Электронный ресурс] / M.L. King, Jr. – 28.08.1963. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkihaveadream.htm>.
136. King, M.L., Jr. I've Been to the Mountaintop, [Электронный ресурс] / M.L.King, Jr. – 03.04.1968. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkivebeentothemountaintop.htm>
137. King, M.L., Jr. The American Dream [Электронный ресурс] / M.L. King, Jr. – 04.06.1965. – Режим доступа: <http://mlk->

kpp01.stanford.edu/kingweb/publications/sermons/650704_The_American_Dream.htm
1

138. Klein, E. Obama's victory speech: Behind the return of the president's rhetoric [Электронный ресурс] / E. Klein // The Washington Post. – 07.11.2012. – Режим доступа:

<http://www.washingtonpost.com/blogs/wonkblog/wp/2012/11/07/obamas-victory-speech-behind-the-return-of-the-presidents-rhetoric/>.

139. Labov, W. The transformation of experience in narrative / W. Labov // The Discourse Reader / ed. by A.Jaworski and N.Coupland. - 2nd edition. – N.Y.: Routledge, 2006. - P. 214-226.

140. Labov, W. Therapeutic Discourse: Psychotherapy as Conversation / W. Labov, D. Fanshel. – N.Y.: Academic Press, 1977. – 392 p.

141. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — London: University of Chicago Press, 2003. — 276 p.

142. Langacker, R.W. Discourse in Cognitive Grammar / R.W. Langacker // Cognitive Linguistics. -2001. - №12-2. – P. 143-188.

143. Leech, G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – N.Y.: Longman, 1983. – 250 p.

144. Leech, G.N. Style in Fiction / G.N.Leech, M.Short. — London: Longman, 1981. – 404 p.

145. Lincoln, A. Gettysburg Address [Электронный ресурс] / A.Lincoln. - <http://www.americanrhetoric.com/speeches/gettysburgaddress.htm>

146. Malcolm X A Message to the Grassroots [Электронный ресурс] / Malcolm X. – 10.11.1963. -Режим доступа: <http://malcolmxfiles.blogspot.ca/2013/06/a-message-to-grassroots-november-10-1963.html>

147. Malcolm X FBI Files [Электронный ресурс] / Malcolm X. – Режим доступа: https://archive.org/stream/MalcolmXFBI/malcolmx3a_djvu.txt.

148. Malcolm X Harlem Freedom Rally [Электронный ресурс] / Malcolm X. – 1960. – Режим доступа: <http://malcolmxfiles.blogspot.ru/2013/05/harlem-freedom-rally-1960.html>.
149. Malcolm X History is a Weapon [Электронный ресурс] / Malcolm X. – Режим доступа: <http://www.historyisaweapon.com/defcon1/malcolmeduc.html>.
150. Malcolm X Letter from Месса [Электронный ресурс] / Malcolm X. – 20.04.1964. – Режим доступа: http://malcolmxfiles.blogspot.ca/2013/07/letter-from-месса-april-20-1964_8547.html.
151. Malcolm X Racial Separation [Электронный ресурс] / Malcolm X. – 11.10.1963. – Режим доступа: <http://www.blackpast.org/1963-malcolm-x-racial-separation>.
152. Malcolm X The Ballot or the Bullet [Электронный ресурс] / Malcolm X. – 12.04.1964. – Режим доступа: <http://malcolmxfiles.blogspot.ca/2013/06/the-ballot-or-bullet-april-12-1964.html>.
153. Malcolm X The Black Revolution [Электронный ресурс] / Malcolm X. – 06.1963. – Режим доступа: <http://malcolmxfiles.blogspot.ca/2013/06/the-black-revolution-june-1963.html>.
154. Malcolm X The Chickens Come Home to Roost [Электронный ресурс] / Malcolm X. – 12.04.1963. - Режим доступа: http://www.malcolm-x.org/speeches/spc_120463.htm.
155. McPhail, M.L. Homo rhetoricus Afro-Americanus: Malcolm X and the “rhetorical ideal of life” / M.L. McPhail // The Cambridge Companion to Malcolm X. / ed. by R.E. Terrill. – N.Y.: Cambridge University Press, 2010. – P. 113-124.
156. Michel A. President Obama and Mitt Romney’s campaign promises: what each said [Электронный ресурс] / A. Michel, N. Popovich // The Guardian. - 2.10.2012. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2012/oct/02/obama-romney-campaign-promises>.
157. My Country, 'Tis of Thee (lyrics) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/My_Country,_%27Tis_of_Thee.

158. Obama, B. Keynote address at the 2004 Democratic National Convention [Электронный ресурс] / В. Обама. – 27.07.2004. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2004/barackobama2004dnc.htm>
159. Obama, B. Speech on the American Dream [Электронный ресурс] / В. Обама. – 21.12.2007. – Режим доступа: http://articles.cnn.com/2007-12-21/politics/obama.trans.americandream_1_american-dream-food-stamps-home-state?_s=PM:POLITICS.
160. Obama, B. The audacity of hope: thoughts on reclaiming the American dream / В. Обама. — N.Y.: Canongate Books, 2007. – 384 p.
161. Obama, B. Victory Speech [Электронный ресурс] / В. Обама. – 04.11.2008. – Режим доступа: <http://www.presidentialrhetoric.com/campaign2008/obama/11.04.08.html>.
162. Obama, B. Victory Speech [Электронный ресурс] / В. Обама // The Guardian. – 07.11.2012. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2012/nov/07/barack-obama-speech-full-text>.
163. Open Source Shakespeare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.opensourceshakespeare.org/views/plays/play_view.php?WorkID=juliuscaesar&Act=3&Scene=2&Scope=scene
164. Ramey, L. Slave Songs and the Birth of African American Poetry / L. Ramey. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. — 197 p.
165. Romney, M. Address at NAACP Convention in Houston, Texas [Электронный ресурс] / М. Ромни. – 2012. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=WAhJh0ADd9k>.
166. Sacks, H. “The baby cried. The mommy picked it up” / H. Sacks // The Discourse Reader / ed. by A.Jaworski and N.Coupland. - 2nd edition. – N.Y.: Routledge, 2006. -P.239-245.
167. Shafer, J. How Obama Does That Thing He Does [Электронный ресурс] / J. Shafer // Slate Magazine. – 14.02.2008. – Режим доступа:

http://www.slate.com/articles/news_and_politics/press_box/2008/02/how_obama_does_that_thing_he_does.html.

168. Stemler, S. An overview of content analysis [Электронный ресурс] / S. Stemler // Practical Assessment, Research & Evaluation. – 2001. - №7(17). – Режим доступа: <http://PAREonline.net/getvn.asp?v=7&n=17>.

169. The Declaration of Independence [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ushistory.org/declaration/document/>.

170. The Obameter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politifact.com/truth-o-meter/promises/obameter/>.

171. Thomas, J. Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics / J. Thomas. — London: Longman, 1955. – 224 p.

172. Weiss, G. Introduction: Theory, Interdisciplinarity and Critical Discourse Analysis / G. Weiss, R. Wodak // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity / ed. by G. Weiss, R. Wodak. - London: Palgrave, 2003. – P. 1-35.

173. Wodak, R. The discourse-historical approach / R. Wodak // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer - London: Sage, 2001. — P. 63–94.

174. Wordle.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wordle.net/>.

Словари:

175. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]; под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

176. *Новая философская энциклопедия: в 4 тт. / под ред. Стёпина В.С. – 1т. - М.: Мысль, 2010. – 740с.*

177. Политико-терминологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politike.ru/dictionary/285>.

178. Постмодернизм. Словарь Терминов / И.П. Ильин. — Москва: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) - INTRADA, 2001. — 385 с.
179. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - изд. 4-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2007. — 576 с.
180. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. / Ю.С. Степанов — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2004. — 992 с.
181. American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ahdictionary.com/>.
182. Collins American Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american>.
183. Longman Dictionary of Contemporary English. — Pearson Longman, 2009.
184. Longman Dictionary of English Language and Culture. — 3rd ed. - Harlow: Pearson Education Limited, 2005.
185. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. — 2nd edition — Macmillan, 2008.
186. Merriam-Webster Online Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>.
187. Oxford Advanced American Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.
188. Oxford Guide to British and American Culture. — 2nd ed. - Oxford University Press, 2005. — 542 p.
189. Politics English-Russian Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://politics_en_ru.academic.ru/41660/victory_speech.